

Михаил Григорьевич Рабинович

Судьбы вещей

Сканирование, распознавание и вычитка – Никольский О.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158203
«Судьбы вещей»: Детская литература; Москва; 1984

Аннотация

«Вещи имеют свою судьбу», – говорили в древности. И в самом деле, есть на свете много вещей, переживших удивительные приключения, каких нарочно не выдумаешь. Но ведь судьба вещи всегда в руках людей, а люди творят историю.

В этой книге множество рассказов, в которых вы прочтете о разных событиях из истории нашей Родины, событиях больших и малых, где так или иначе участвовали вещи, и, следя за приключениями вещей, вы узнаете немало нового о жизни нашего народа.

Написал ее Михаил Григорьевич Рабинович, ученый-археолог, который много работал на раскопках городищ и курганов, над коллекциями наших музеев.

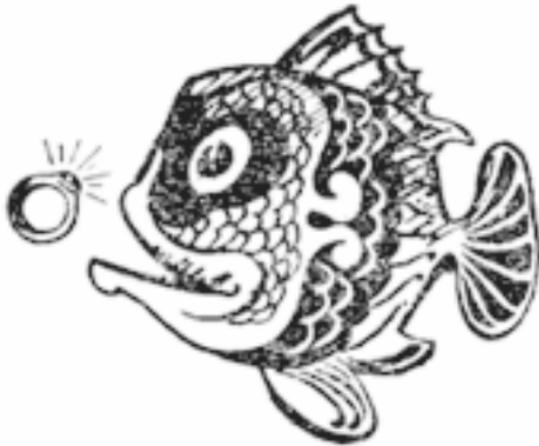
Содержание

ГРЕЧЕСКИЙ ТИРАН И СЫН ДАТСКОГО САПОЖНИКА	5
ТУРИЙ РОГ ИЗ ЧЕРНИГОВА	10
ГОРОУХЩА	23
КЛИНОК КОВАЛЯ ЛЮДОТЫ	35
БАБИНО ПРЯСЛИЦЕ	47
КОРЧАГА С ХРУСТАЛЬНЫМИ БУСАМИ	59
ВРАТА НОВГОРОДСКОЙ СОФИИ	67
ШЕДЕВР МАСТЕРА КОСТЫ	78
ИВАНЬСКИЙ ЛОКОТЬ	87
ТЕТРАДИ ОНФИМА	96
ТАИНСТВЕННЫЙ ШРИФТ	111
МЕЧ ДОВМОНТА	127
КРЕСТ ЛАЗАРЯ-БОГШИ	137
ПОРТРЕТ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО	154
ЯРОСЛАВОВ ШЛЕМ	165
МИТРОПОЛИЧЬЯ ПЕЧАТЬ	177
КЛЕЙМО ЕПИСКОПА	188
ЗОЛОТОЙ ЦВЕТОК И ШАПКА МОНОМАХА	198
ЕЗДЕЦ С КРЕМЛЕВСКОЙ БАШНИ	211
РОГАТИНА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ	221
ПЕЧАТЬ ИВАНА КОРОВЫ	232
КАЛИТА ИГРОКА	243

БРОНЯ ИЗ ОРШИ	253
ЦАРСКИЙ ПОДАРОК	264
ШАДРИНСКИЙ БЕРДЫШ	272
ПУШКА «ЦАРЬ»	281
«ОБРАЗЦОВЫЕ ПЕЧАТИ»	293
КУВШИН «ДОБРА ЧЕЛОВЕКА»	305
СЕРВИЗ КНЯЗЕЙ ГРУЗИНСКИХ	314
ЦАРЬ-КОЛОКОЛ	326
КЛАД КРЕСТЬЯНИНА	337
ПУШКИНСКИЙ РАДИЩЕВ	349
ПАМЯТНАЯ ДОСКА ПРОХОРОВЫХ	359
ПОДРУГА ДУМЫ ПРАЗДНОЙ	366
ПИСЬМО В ГРЯДУЩЕЕ	373

М. Рабинович Судьбы вещей

ГРЕЧЕСКИЙ ТИРАН И СЫН ДАТСКОГО САПОЖНИКА

Среди древних греческих сказаний есть история о тиране острова Самоса Поликрате.

Этот властитель был якобы так богат и удачлив, что не знал предела своему счастью. Но именно в ничем не омраченной, безоблачной жизни Поликрата, в его беспечности увидел один гостивший у него мудрец признаки надвига-

шейся бури. Он посоветовал Поликрату добровольно лишиться чего-нибудь очень дорогого (тогда верили, что такой жертвой можно предотвратить грядущее несчастье). Поликрат послушался и бросил в море свой любимый, драгоценный перстень.

Вскоре во дворец явился рыбак и принес недавно пойманную огромную рыбу. И что же: когда стали ее потрошить, нашли... перстень Поликрата. Рыба проглотила перстень и сама попала в сети. А через самый короткий срок сбылось предсказание мудреца: Поликрат был убит, а его владения захвачены врагами.

Этот миф, в котором, конечно, ничего нет достоверного, с глубокой древности объясняли так: «От судьбы не уйдешь!» И должно быть, для того чтобы внушить такую мысль беспокойной молодежи, стремившейся самой делать свою судьбу, его твердили в школах всего мира еще в прошлом столетии.

Мы не можем сказать определенно, знал ли эту историю сын датского сапожника Ганс-Христиан Андерсен. Но это могло быть, так как будущий великий писатель, несмотря на бедность родителей, тоже учился в латинской школе, много читал и стал одним из образованнейших людей своего времени. Если он и использовал сказание о Поликрате, то переработал его по-своему. Он придал мифу совершенно иной, жизнеутверждающий смысл: «Человек – сам кузнец своей судьбы».

Вспомним знаменитую сказку Андерсена о стойком оло-

вянном солдатике, который был тверд душой. Он всегда крепко держал свое ружье и крепко любил маленькую танцовщицу из игрушечного замка. И эта твердость и любовь помогли ему преодолеть все опасности. Подобно Поликратову перстню, стойкий оловянный солдатик был извлечен из желудка проглотившей его рыбы кухаркой того же дома, откуда начал свое путешествие.

А сколько увлекательнейших приключений переживают в сказках Андерсена другие, казалось бы, самые обыкновенные вещи: штопальная игла, старый башмак, рождественская елка, коробка спичек, льняная рубашка, уличный фонарь! Конечно, гениальный сказочник сам придумал все эти истории, и ему пришлось наделить вещи способностями чувствовать и размышлять, как люди, и рассказывать о пережитом человеческим языком.

Но существует в действительности немой язык вещей, которым они могут рассказать нам множество захватывающих историй, не выдуманных, а происшедших на самом деле.

Понимать этот язык научились ученые-археологи, которые и сообщили в своих работах об удивительных приключениях вещей.

В этой книге больше тридцати рассказов о вещах, хранящихся в различных музеях нашей страны. Каждая вещь пережила большие и малые события – исторические и обыденные, – связанные с жизнью народа: нашествие монголо-татар, междоусобные войны князей, пожары городов, новое их рождение, далекие и близкие путешествия, перемену хозяев, наконец – просто обрыв веревки в колодце. В этих событиях участвуют простые ремесленники и великие князья, бояре, купцы и крестьяне, епископы и еретики, взрослые и дети.

Вслед за вещами вы будете мысленно переноситься с берегов Рейна на берега Москвы-реки, побываете в стольном Киеве – «матери городов русских», в княжеском замке Боголюбове под Владимиром, в Великом Новгороде на Волхове, в песчаных пустынях и оазисах Бухары, в белокаменной Москве, на поле битвы под маленьким русским город-

ком Юрьевом-Польским и даже «на диком берегу Иртыша», о котором поется в известной песне.

Читая о приключениях вещей, вы увидите различные эпизоды из жизни нашего народа за целое тысячелетие – с X по XIX век.

Вы увидите и кропотливую работу ученых, трудные пути их исследований.

Продвигаясь от догадки к догадке, от известного к неизвестному, устанавливая один, на первый взгляд незначительный факт за другим, раскрывают ученые тайны истории.

И вот иногда кажется, что событие восстановлено уже во всех подробностях, что судьба вещи выяснена до конца. Но пытливый ум исследователя возвращается еще и еще раз, казалось бы, к уже давно известным фактам. Пусть прошло уже сто и более ста лет с тех пор, как ученый сделал открытие. Другой исследователь, отдавая должное своему сотоварищу, может все же по-своему понять немой язык вещи, заставить вещь рассказать все, что с ней случилось, дополнить и расширить наши знания.

ТУРИЙ РОГ ИЗ ЧЕРНИГОВА

Это было больше тысячи лет тому назад.

Ахмад Ибн-Фадлан-ибн-аль-Аббас-ибн-Рашид-ибн-Хаммад, посол могущественного арабского халифа аль-Мухтандира, приехал в город Булгары, что стоял тогда на берегу Волги, немного ниже устья Камы. Большой город – настоящая международная ярмарка того времени – привлекал людей из самых разных племен и народов, ближних и дальних. На его узких оживленных улицах можно было услышать и тюрко-булгарскую, и угорскую, и финскую, и арабскую, и

славянскую речь.

Любознательный араб присматривался к чужеземцам, старался понять их быт и нравы. Ведь все могло пригодиться арабским купцам для расширения их мировой торговли. Виденное и слышанное он тщательно записывал, и поэтому мы можем сейчас как бы услышать его рассказ.

«Я видел русов, – писал Ибн-Фадлан (мы опустим для краткости все его другие пышные имена), – когда они прибыли по своим торговым делам и расположились на реке Атиль (так называли тогда арабы Волгу). И я не видел людей с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны и красны...»

Араб описал одежду, оружие, украшения, нравы, обычаи и верования русов со всей возможной для него точностью, но, конечно, не без ошибок, которые может легко сделать всякий, кто смотрит со стороны. Больше всего поразили его воображение похороны скончавшегося в Булгарах знатного руса:

«И еще прежде говорили, что они делают со своими главарями при их смерти такие дела, из которых самое меньшее — это сожжение. Мне очень хотелось присутствовать при этом, пока наконец не дошло до меня известие о смерти одного выдающегося мужа из их числа». Ибн-Фадлан рассказывает, как шли приготовления к похоронам, как умерший был помещен во временную могилу, а его спутники стали готовить костер, роскошные одежды, яства и напитки для погребального пиршества. По обычаю, выбрали и девушку — одну из рабынь умершего, которая должна была сопровождать хозяина на костер. «Когда же пришел день, в который будут сожжены он и девушка, я прибыл к реке, на которой находился его корабль. И вот вижу, что он уже вытасчен на берег и вокруг него поставлено нечто вроде больших помостов из дерева. Потом корабль был помещен на эти деревянные сооружения. И они начали уходить и приходиться и говорили речью, которой я не понимаю... Потом принесли скамью, и

поместили ее на корабле, и покрыли ее стегаными матрацами, и парчой византийской, и подушками из парчи... и извлекли мертвого... надели на него шаровары, и гетры, и сапоги, и куртку, и кафтан парчовый с пуговицами из золота, и... шапку из парчи соболевую. И они понесли его, пока не внесли в палатку, которая имеется на корабле, и посадили его на матрац, и подперли его подушками. И принесли набид (пьянящий напиток) и благовонное растение... хлеба, и мяса, и луку и бросили перед ним. И принесли собаку, и разрежали ее на две части, и бросили в корабле. Потом принесли все его оружие и положили к его боку. Потом взяли двух лошадей и гоняли их обеих, пока они не вспотели. Потом разрежали их мечом и бросили их мясо в корабле, потом привели двух коров и разрежали их обеих также и бросили их обеих в корабле. Потом доставили петуха и курицу, и убили их, и бросили их обоих в корабле». Затем после определенных обрядов в палатке, где лежал мертвец, была убита и девушка-рабыня. «Потом подошел ближайший родственник этого мертвеца, взял деревяшку и зажег ее у огня, потом пошел задом, затылком к кораблю... пока не зажег сложенного под кораблем дерева. Потом подошли люди с деревяшками и дровами, и с каждым из них лучина, конец которой он перед тем воспламенил, чтобы бросить ее в эти куски дерева. И принимается огонь за дрова, потом за корабль, потом за палатку, и за мужа, и за девушку, и за все, что там находилось. Подул большой, ужасающий ветер, и усилилось пламя огня,

разгорелось неукротимое воспламенение его. И был рядом со мной некий муж из русов, и вот я услышал, что он разговаривает с переводчиком, бывшим со мною. Я же спросил его, о чем он говорил ему, и он (переводчик) сказал: «Правда же, — он говорит, — вы, о арабы, глупы... вы берете самого любимого для вас человека и из вас самого уважаемого вами и бросаете его прах в землю, и съедают его прах и гнус и черви, а мы сжигаем его в мгновение ока, так что он входит в рай немедленно и тотчас»... не прошло и часа, как превратился корабль, и дрова, и девушка, и господин в золу, потом в мельчайший пепел. Потом они построили на месте этого корабля... нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревяшку белого тополя, написали на ней имя этого мужа и имя царя русов и удалились».

Конечно, надпись с именами знатного руса и русского

князя не сохранилась. Исчез бесследно и самый «круглый холм», насыпанный русами над прахом своего вождя, умершего в Булгарах на берегу Волги. Но на берегах Днепра до сих пор стоят родные братья этого холма – большие круглые насыпи высотой метров десять. На Руси они издавна зовутся курганами.

Большие курганы располагаются обычно неподалеку от крупных древних городов, например Смоленска и Чернигова. Это – погребения русских князей, совершенные еще до того, как русская знать приняла христианскую религию, то есть до 980 года.

Уже давно эти «русские пирамиды» исследовались учеными-археологами. И, пожалуй, самое интересное, что тот погребальный обряд, который удастся восстановить по раскопкам, очень похож на описанные Ибн-Фадланом похороны руса в Булгарах. Конечно, есть и отличия.

Под Черниговом издавна стоял огромный курган. Местные жители называли его Черной могилой. Из уст в уста передавалась легенда о том, что под курганом похоронен черниговский князь Черный.

Под одиннадцатиметровой насыпью кургана археологи обнаружили следы огромного костра. Слой угля и золы был толщиной почти в полтора метра! Диаметр костра достигал одиннадцати метров. Среди угля и золы нашли множество обгорелых вещей и остатки костей, принадлежавших нескольким скелетам. Руководивший раскопками Дмитрий

Яковлевич Самоквасов мог установить самые общие черты древнего обряда, и лишь лет семьдесят спустя археолог Борис Александрович Рыбаков воссоздал его полностью. По-видимому, здесь были погребены двое знатных мужчин – взрослый и юноша, почти ребенок. Их хоронили, однако, не в корабле, как того руса, о котором писал Ибн-Фадлан, а в нарочно для этого построенном деревянном здании – «домовине». Это и понятно. Ведь они похоронены не на чужбине, а дома. У левого бока старшего положено оружие (мечи, сабля, стрелы), в ногах юноши – даже бронзовый сосуд с набором бабок для игры. В домовину положили также трупы двух оседланных коней, туши коров и множество орудий труда – серпы, скобель, долота, топор, сосуды с едой, сделанные из глины или бронзы (один даже железный), жаровню с углями.

Здесь лежало также тело женщины в праздничном, хотя и не очень роскошном, наряде: очевидно, рабыни.

Домовина, по-видимому, была со всех сторон обложена дровами и подожжена. Когда костер догорел, из него вытащили часть оружия покойников – шлемы, кольчуги, малые мечи – и стали насыпать земляной холм – курган. Примерно на половине работа была прервана. На небольшую (высотой всего метров пять) насыпь водрузили опаленные огнем кольчуги, мечи и шлемы и устроили вокруг них погребальный пир – тризну – для родичей и дружины. Наверное, тут не только ели и пили, но и совершали какие-то обряды. Иначе трудно объяснить, как в кучу обожженного оружия попа-

ли не только не тронутые огнем рога – кубки, но также золотые византийские монеты и (правда, побывавший в огне) маленький бронзовый идол в виде сидящего на корточках человечка. Может быть, дружинники затеяли здесь военные игры и танцы.

И только после всего этого снова стали насыпать курган, уже до полной высоты. Мы не знаем, поставили ли на вершине надпись с именем князя, как в Булгарах. Но, во всяком случае, какой-то памятник здесь был еще в XI веке. От него остался кирпичный фундамент.

В степи на равнине открытой
Курган одинокий стоит.
Под ним богатырь знаменитый
В минувшие веки зарыт.
В честь витязя тризну свершали,
Дружина дралася три дня.
Жрецы ему разом заклали
Всех жен и любимца-коня.
Когда же его схоронили
И шум на могиле затих,
Певцы ему славу сулили,
На гусях гремя золотых... —

писал один из крупнейших знатоков русской истории, писатель и поэт Алексей Константинович Толстой.

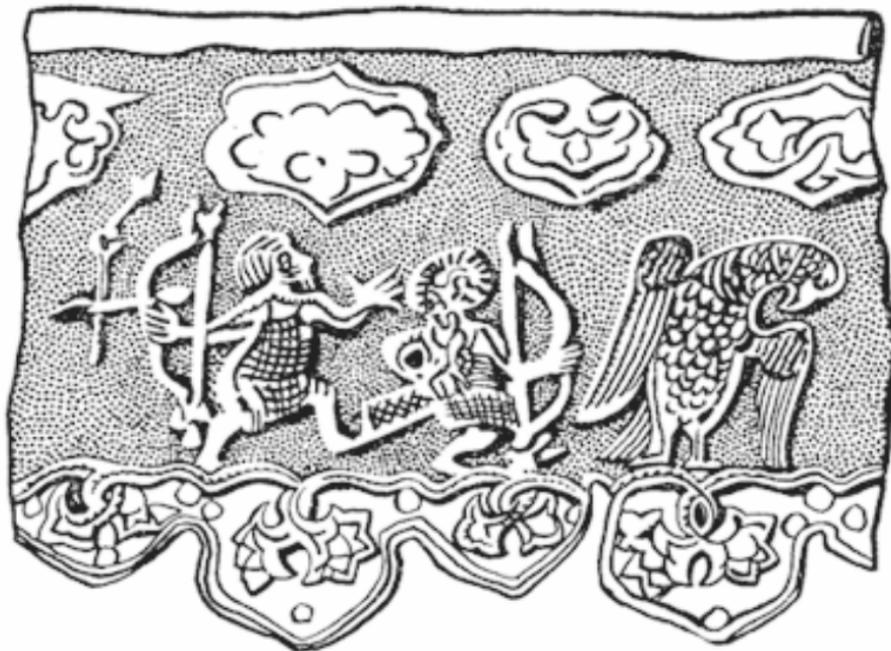
Вы помните, что в кургане были два рога-кубка, из кото-

рых пили и совершали возлияния во время тризны тысячу лет назад. Оба они сделаны из рогов огромного дикого быка – тура, который еще водился в эпоху средневековья в пущах Европы. Теперь эти быки уже почти вымерли. Можно представить себе размеры такого быка хотя бы по длине одного из найденных в кургане рогов – 67 см! Другой рог короче на целых 13 см. Конечно, рога были опилены. Их широкие края украшены серебряной оправой. Несколько ниже ее были прибиты серебряными же гвоздиками серебряные бляхи. На самих рогах также был выгравирован орнамент.

Пожалуй, интереснее всего в Черной могиле именно эти богатые серебряные чеканные оправы турьих рогов-кубков. На оправе меньшего рога красиво переплетаются ветви и листья, образуя узор, какой любили изображать арабы. Такой узор есть, например, в резных украшениях одной из мечетей Каира. Видимо, не один Ибн-Фадлан интересовался славянами. Связи арабского халифата с русскими землями были довольно сильны.

Оправа другого, большего рога, гораздо сложнее и интереснее. Мастер не ограничился здесь однообразным ковром орнамента. Он выбил своим чеканом целую сцену из какой-то сказки или былины. Посмотрите внимательно на этот рисунок, где круглая оправа развернута, чтобы нам удобнее было обозреть хотя бы часть ее. Какой-то сказочный лес с причудливыми травами и цветами, где каждое дерево вот-вот превратится в страшное чудовище и контуры хищных

голов чудищ – полузверей, полуптиц – уже видны. В этом страшном лесу особенно маленькими кажутся две фигурки людей с луками в руках. Приглядевшись, можно заметить, что это бородатый мужчина и девушка с роскошной длинной косой. Но девушка в мужском платье, а мужчина – в женском. Зачем понадобилось это переодевание? Мужчина, видимо, только что выстрелил из лука и готовится пустить уже третью стрелу. Но первая и вторая как будто возвратились к нему сломанными, не попав в цель. Отчего? Наверное, всему виной та огромная хищная птица с орлиным клювом, что находится справа от бегущих. Может быть, это не простая птица, а какой-нибудь оборотень? Не от нее ли спасаются люди и бегущие в ужасе собаки, почти затерявшиеся в этом заколдованном лесу?

Но Борис Александрович Рыбаков, сравнив изображенную на роге сцену с рассказами многих былин, в особенности тех, что говорят о Чернигове, пришел к несколько иному выводу. Мужчина с острой бородкой – это «поганый Кощей», печенежин, колдун и исконный враг Руси. Девушка – Настасья, уроженка Чернигова, которую Кощей, как говорится в одной былине, похитил и пытался увезти. Наконец птица – это вещий орел. В былинах не раз говорится о покушении «поганого Кощея» на вещих птиц – голубя, ворона, орла. Но каждый раз это оканчивается плохо для самого Кощея. Стрелы, пущенные им в вещую птицу, в первый и во

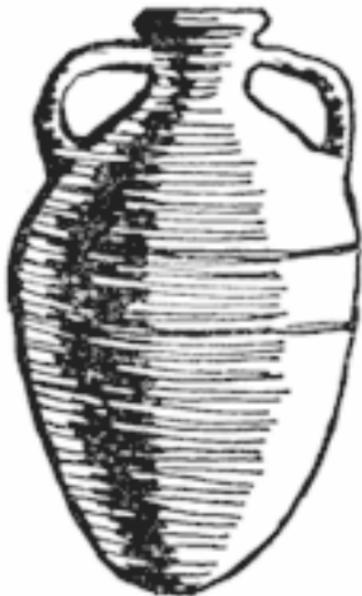
второй раз ломаются и возвращаются обратно, а третья стрела вонзается в грудь самому Кощею и убивает его. Ученый предположил, что черниговский мастер, сделавший оправу рога для своего князя, изобразил здесь аллегорически борьбу черниговцев со степняками – печенегам, воплотив в образе вещи птицы Чернигов. Ведь в древности гербом Чернигова был именно орел. Это, конечно, пока лишь остроумная догадка, или, как говорят ученые, гипотеза. Но она помогает нам понять, что хотел показать древний художник.

Как бы то ни было, судьба этой вещи необычайна. Рог сделал около тысячи лет назад искусный черниговский мастер для своего князя. Должно быть, не раз подымал его князь, то провозглашая здравицу своим гостям на пирах, то совершая возлияния в честь богов, которым поклонялся. А когда князь умер, рог послужил для последних возлияний над прахом своего хозяина и был положен в его курган. Так он пролежал под землей около девятисот лет, пока лопата археолога не позволила ему снова выйти на дневной свет.

И тогда для вещи началась совершенно иная жизнь. В роскошной витрине вновь открытого тогда Исторического музея в Москве она привлекала всеобщее внимание. Ею занимались выдающиеся русские ученые и написали про нее немало научных работ, иногда вступая в ожесточенные споры друг с другом. Прошло еще без малого сто лет, а интерес к вдохновенному творению безвестного черниговского мастера не ослабевает.

Нет, если бы некоторые вещи, так поэтично описанные Андерсеном, узнали, что может быть такая судьба, что вещь может вызывать острый интерес людей и тогда, когда уже не служит прямому своему назначению, они, пожалуй, поблещили бы от зависти.

ГОРОУХЩА

Далеко на север от Киева на высоком берегу Днепра стоит старый русский город Смоленск. И теперь еще над кручей обрыва возвышаются мощные стены и башни смоленской крепости. Их построил московский мастер Федор Конь почти четыреста лет тому назад. А городу тогда уже было лет семьсот...

Если сесть в лодку у подножия крепостной стены, спуститься немного вниз по быстрому течению Днепра и вый-

ти на другой берег реки, мы окажемся в сосновом бору. Но мощные, вековые сосны с их краснеющими на солнце стройными стволами – не главная достопримечательность этого места. Лес вырос на курганах, которые в десять раз старше него.

Как их много!

До сих пор мы знали об огромных одиноких курганах, возвышающихся над могилами славянских князей. А в этом лесу есть курганы всех размеров – от маленьких, едва видных над травой, до родных братьев черниговских курганов – восьмиметровых насыпей. Они как бы выплескиваются из леса и заливают все поле в излучине реки. Начнешь считать, обязательно собьешься.

Все же археологи пересчитали все здешние курганы. Их оказалось более двух с половиной тысяч. Насыпано большинство курганов в десятом – начале одиннадцатого века. Бывает, что в кургане похоронено не по одному, а по несколько человек. В больших курганах, как и на Черниговщине, – княжеские погребения, в курганах поменьше – дружинники. Их тоже сжигали вместе с оружием, драгоценностями, иногда даже с рабами и рабынями.

Это – Гнездовский могильник (как называют его археологи), самое большое в нашей стране языческое кладбище древнего Смоленска.

Сюда тысячу лет назад отправлялись из города мрачные процессии – вереницы траурных ладей. Здесь полыхали по-

гребальные костры, слышались вопли горести и шум принужденно веселой тризны. Конечно, леса здесь тогда не было, а было пустое поле, среди которого и насыпали курганы. А потом лады возвращались в город. Но зачастую не все. Главную ладью, принадлежащую покойному, нередко здесь сжигали.

Уже скоро сто лет, как археологи раскапывают Гнездовский могильник. Но, наверное, только ваши внуки узнают, что могильник исследован полностью. Шутка ли, раскопать несколько тысяч курганов! Пока раскопали семьсот. И все же мы теперь имеем довольно полное представление о характере этого кладбища, а стало быть – и о знати тогдашнего Смоленска.

Так, не подтвердилось мнение некоторых историков, что якобы и русские князья и их дружинники в те времена были не славянами, а норманнами. Подавляющее большинство курганов – погребения славян из племенного союза кривичей. Есть и погребения норманнов, однако их немного и они не самые богатые. Эти наемники, служившие тогда чуть ли не при всех дворах Европы, не миновали и Смоленска. Среди дружинников смоленских князей была, по-видимому, небольшая группа норманнов, или, как их называли еще тогда, варягов.

В курганах находят оружие, украшения, разные другие вещи, которые клали в могилы, считая, что они понадобятся «на том свете» (например, огнива для высекания искр из

кремня). Все, конечно, сильно попорченное – не так от времени, как от огня: ведь покойников здесь сжигали. От богато украшенных некогда ножен меча остались лишь бляшки, от дорогого плаща – только своеобразная булавка («фибула», как называют археологи), которой закалывали плащ на правом плече; нарядный щиток ее напоминает спинку черепахи.

Но вот что, как правило, хорошо сохранилось – это глиняная посуда. И понятно почему, ведь ее не ставили в погребальный костер. Напротив, собрав с костра прах покойного и остатки обгоревших вещей, все это клали в глиняный сосуд, чаще всего – в горшок. И могли поставить в курган еще другой горшок, с пищей «на дорогу». Потому-то так много найдено в Гнездове больших и малых горшков работы смоленских гончаров, а то и просто домашней лепки.

Однако не только местной посудой пользовались смоленские дружинники. Попадали в Смоленск и сосуды, привезенные издалека. Находят здесь и византийские амфоры – корчаги.

Летом 1949 года Даниил Антонович Авдусин, проводя очередные раскопки в Гнездове, выбрал небольшой – чуть выше полутора метров – курган. Опыт подсказывал исследователю, что в таком кургане с несколько плосковатой вершиной может быть богатое погребение.

Но находки превзошли самые смелые его ожидания. Тысячу лет назад здесь похоронили воина по обряду, очень похожему на тот, который описал примерно в ту же пору уже

знакомый нам Ибн-Фадлан. Покойник был сожжен в своей ладье – среди пепла кострища лежали ее железные заклепки. А на вершине кургана остались следы столба – памятника. Меч воина сломали и часть клинка с рукоятью воткнули в кострище, а другую положили рядом. Но не только в оружии нуждался, по мнению своих сородичей, покойник «на том свете». Среди различных бытовых вещей в кострище оказались и остатки складных весов и небольшая гирька. Может быть, он не чужд был и торговли.

А найденные обломки женских украшений – привесок – принадлежали, наверное, рабыне, погребенной вместе с господином. В кургане были и арабские монеты – диргемы, чеканенные в IX и начале X века. Но ведь прежде чем попасть в Смоленск, они переходили из рук в руки, может быть, не один десяток лет. Похороны совершены, по всей вероятности, в третьей четверти X века.

Кроме горшков, в которых были останки погребенных и пища, по всему кострищу были разбросаны черепки по крайней мере двух сосудов. Их разбили еще при похоронах.

На одном черепке археологи заметили какие-то процарапанные острием знаки и сначала не поверили своим глазам: это были русские буквы! А когда тщательно подобрали друг к другу все черепки, оказалось, что один сосуд – это амфора-корчага. К первому черепку с буквами приклеили соседние, и на них тоже оказались буквы.

Буквы складывались в загадочное слово: «ГОРОУХЩА».

ГОРОУЩА

В древнерусском языке звук, который мы сейчас произносим как «у», был иногда более долгим – «оу». Предпоследние две буквы написаны слитно и читать их можно по-разному: или ХЩ или ШН – в те отдаленные времена русскую букву «Н» писали как теперешнюю латинскую.

Снова и снова читали непонятное. Не полагаясь на собственное мнение, показывали знатокам древних надписей. Но и сам главный специалист в этой области, академик Михаил Николаевич Тихомиров, подтвердил: «Да. Буквы русской азбуки – так называемой «кириллицы». Написано: «гороухща» или «гороушна».

Слово это было драгоценно: это самая древняя русская надпись, какая нам известна! Она сделана, видимо, лет за пятнадцать – двадцать до того, как амфора попала в курган, – в середине X века.

Итак, это первое написанное русское слово, дошедшее до нас из глубины веков. Но что оно означает?

Об этом были разные мнения.

Авдусин и Тихомиров толковали надпись так: «гороухща» – «горчица». Они предположили, что в амфоре-корчаге привезли на Русь горчицу или какие-нибудь другие пряности –

например, перец, а затем тот, кто купил эту корчагу, чтобы не спутать ее с другими, процарапал на ней: «гороухща», как писали позднее: «доброе вино», «масло».

Языковед Черных читал надпись «гороушна» – «горчичные зерна».

Однако естественно возникал вопрос: зачем понадобилось столько горчичного семени? Для какой-то огромной кухни, где так ценили острую приправу? В этом предположении нет ничего удивительного. Ведь и другая столь распространенная в наши дни приправа – перец – также ценилась в эпоху средневековья на вес золота. Вы, наверное, уже читали, как плыли отважные купцы на своих скорлупках-кораблях буквально на край тогдашнего света, чтобы привезти на родину драгоценный груз острых пряностей. И конечно, выгодно продать.

Удивляло не то, что в Смоленск могли привезти с далекого юга горчицу. Пытались понять, почему ее положили в амфору, в каких возили обычно дорогие жидкости, и зачем амфора из-под горчичного семени попала в погребение дружинника. Это пытались объяснить не только первые исследователи надписи, но и многие из тех, кто прочел их работы. Было сделано, например, даже такое построение: горчичное семя – одно из самых мелких и легких. На единицу веса горчичных семян приходится едва ли не больше, чем каких-либо других. А у древних славян существовало поверье, что зачастую умерший человек будто бы становится вурдалаком

– оборотнем – и приходит по ночам сосать кровь живых людей, прежде всего – ближайших своих родичей и соплеменников. От такого оборотня надо защищаться заблаговременно, еще во время похорон. Один способ – это попросту забить в могилу осиновый кол.

Но в древности применяли якобы и другой способ. Вурдалаки-упыри, по некоторым поверьям, имеют страсть все считать. И если, например, рассыпать семена, то вурдалак ни почем не пройдет мимо, не пересчитавши их все до единого. Конечно, чем мельче семя – тем труднее его считать, тем больше на это уйдет времени. А там, глядишь, и петух уже пропел – скоро утро! А вурдалаки ведь, как и вся прочая нечисть, не могут гулять по земле после того, как петух пропел. Значит, вурдалак даже не успеет покинуть свой курган.

Семенем посыпали покойника, в котором подозревали вурдалака. Считалось, например, что вурдалаками чаще всего становились те, кто при жизни были колдунами. Но могли якобы посыпать семенем и почитаемого покойника, чтобы оградить его от вурдалаков.

Вот к каким рассуждениям прибегали, чтобы объяснить присутствие в кургане той корчаги с надписью. Оставалось только неясным, зачем в таком случае было класть в курган еще и сосуд с надписью «горчица». Может быть, чтобы грамотный вурдалак испугался самого слова «горчица» да так и не вылезал из своего кургана?

Некоторые ученые не соглашались и с самим чтением над-

писи «гороуцца» или «гороушна» – как вы помните, конец слова был не ясен. Чешский исследователь Мареш предложил читать даже не одно, а два слова: «Гороух пса» – «Горух писал». А известный американский ученый Роман Якобсон читал: «Гороунья» – «Горунова». При таких чтениях получалось, что надпись на корчаге обозначает не ее содержимое, а ее принадлежность какому-то Горуху или Горуноу. Что ж, и такие случаи известны, и, даже читая эту книгу, вы познакомитесь еще с подобными надписями.

Большой интерес представляет для объяснения смысла древнейшей пока русской надписи мнение археолога Гали Федоровны Корзухиной. Еще М. Н. Тихомиров обратил внимание на то, что человек, процарапавший надпись на корчаге, как будто колебался: написать после «ОУ» букву «Х» или «Щ». В первом случае вышло бы «гороуха», во втором – «гороуцца». Похоже на то, что первая надпись содержит и первую опisku, и первую попытку ту ошибку исправить. Процарапав сначала «Х», писавший как будто решил заменить его «Щ», но так как на обожженной глине стирать нельзя, надписал «Щ» над «Х». Так получились слитные буквы, или, как их называют специалисты по древним надписям, лигатура.

Г. Ф. Корзухина предположила также, что расположенные перед лигатурой буквы «ОУ» могли заменять существовавшие в те времена, но скоро исчезнувшие из нашего языка, носовые звуки – большой или малый «юс». В последнем слу-

чае можно читать что-то вроде «горюща» или «горяща» – «горючее». На эту мысль Г. Ф. Корзухину натолкнуло то обстоятельство, что при анализе содержимого многих корчаг и кувшинов, найденных не в курганах, а в южных городах в слоях IX и X веков, даже теперь, более чем через тысячу лет, обнаружили на стенках сосудов следы... нефти, по составу чрезвычайно близкой к известной керченской или таманской нефти.

Наверное, чудесные свойства этого природного горючего уже давно были известны людям. И хоть не знали в те отдаленные времена ни двигателей внутреннего сгорания, ни других машин, поглощающих в наше время огромные количества добываемой во всем мире нефти, люди находили ей важное применение. Из древнейших летописей мы знаем, например, что византийцы не раз сжигали русские корабли каким-то страшным «греческим огнем». Огонь этот был страшен потому, что его нельзя было залить – он горел даже в воде. Состав «греческого огня» утрачен. Думают, что в смесь входили смола, селитра, сера и горючие масла. Но, зная, что нефть как раз способна гореть даже на морских волнах (если нет большого волнения), можно предположить, что «греческий огонь» изготавливали не без применения нефти.

И мало ли еще для чего могли употреблять нефть! В небольших количествах, например, как наружное лекарство или как горючее для светильников. Понятно, что таманскую

нефть могли наливать в кувшины, в амфоры, продавать в Тамани, и где-нибудь на Киевщине или Черниговщине, и даже далеко на севере, в Смоленске.

Но как попал сосуд с горючим в Гнездово? Если вдуматься, очень даже просто мог попасть. Не надо забывать, что покойников в Гнездове сжигали. А для этого нужен большой костер, да развести его дело не такое простое, особенно в дождливую, ненастную погоду. Представим себе на минуту, что погребенный в кургане дружинник скончался поздней осенью, когда почти непрерывно льют дожди. Для его похорон не пожалели и какого-то количества «гороухщи» – дорогой, привезенной из Византии нефти. А пустую корчагу разбили и осколки бросили на погребальный костер. Мнение Г. Ф. Корзухиной поддержал ученый-технолог Константин Васильевич Кострин.

Казалось бы, это – наиболее заманчивая гипотеза, так просто все объясняющая. Но почему бы не подтвердить ее, подвергнув анализу амфору из Гнездова? Для этого стоило бы даже вновь разбить с таким трудом склеенный сосуд. Стоило бы, если бы была надежда, что нефть на нем осталась. Но если вспомнить, что обломки амфоры побывали в большом костре, то вероятность сохранения каких-либо следов нефти на стенках сосуда почти совсем исчезает. Черепки розовые, на некоторых – легко стираемая копоть от костра.

Насколько нам известно, Д. А. Авдусин все же считает наиболее правильным чтение П. Я. Черных: «гороушна» –

«горчичное семя».

Итак, что было в сосуде – горчица, нефть или еще что-нибудь, – пока остается загадкой.

В далеком Крыму сделал гончар эту амфору. А купец – налил ли он в нее нефть, или насыпал горчицу, или перец – продал сосуд с его содержимым другому купцу, что ехал в Русь. Из Руси (тогда ведь так называли только Киевщину, это гораздо позже название «Русь» распространилось на все восточнославянские земли) повез ее в ладье вверх по Днепру, наверное, уже какой-то третий купец. А может быть, и сам смоленский дружинник побывал в Киеве да купил корчагу нефти. Так или иначе, попала она в Смоленск.

Здесь ли процарапал на ней новый хозяин надпись, заинтриговавшую через тысячу лет столько ученых, или это еще раньше сделал русский купец, что купил корчагу у грека в Киеве, – сказать трудно. Но тот, кто это сделал, вряд ли был первым русским грамотеем. Были, наверное, и до него на Руси грамотные люди. Это можно сказать хотя бы по тому, что известен даже писанный договор русских с византийцами 911 года, дошедший до нас, правда, уже много раз переписанным.

А вот «гороухца» – самая древняя известная нам подлинная русская надпись. И поэтому с особым благоговением хранит музей ту старую корчагу, что откопали в кургане археологи.

КЛИНОК КОВАЛЯ ЛЮДОТЫ

В кургане, где нашли амфору с надписью, помните, был и меч. Если амфору при погребении разбили, то меч сломали и верхнюю часть клинка с рукоятью воткнули глубоко в землю. Необходимейшая воину вещь была таким образом «убита» (как убивали в этих случаях и животных) и отправлена «на тот свет» вместе с тем, кто, наверное, не расставался с ней при жизни.

Амфора была византийская. Ну, а меч? Кто его сде-

лал? Константинопольский оружейник? Или варяжский? Или французский? А может быть, русский?

Длинный – без малого метр, – с широким, прямым, несколько скругленным на конце клинком и красивой, украшенной обычно бронзой, серебром, а то и золотом рукоятью – таким был меч европейского воина тысячу лет тому назад.

С этим мечом нечего было делать пехотинцу: ему нужен совсем другой меч – короткий, с острым концом, чтобы в тесноте рукопашной схватки можно было колоть противника. Тут не размахнешься, не рубанешь длинным мечом. Им нужно было рубить с коня. И владели такими мечами, конечно, конники; на Руси – княжеские дружинники.

Мы уже говорили, что некоторые из них были норманнами – варягами. Одно время даже думали, что если среди дружины варяги и не составляли большинства, то все же большинство дружинников было вооружено варяжским оружием, мечи считали норманнскими.

Их находили не только в курганах (хотя в погребениях встречено большинство мечей), но изредка и в древних городах, на местах сражений и торговых путях. Редкость таких находок можно понять: ведь в погребении меч остается навеки (особенно если он положен туда уже сломанным), а оставаясь среди живых, этот чрезвычайно ценный предмет переходит из рук в руки; его дарят, получают по наследству, продают, захватывают в качестве военной добычи; его не бросают никогда и очень редко теряют. Даже на месте кровопро-

литного сражения оружие убитых не оставалось: его старательно собирали. Так что остаться на поверхности земли целый меч мог лишь в каком-нибудь исключительном случае. Не чаще, впрочем, он оставался и под водой. Но и со дна реки археологи извлекают иногда мечи.

Пятьдесят лет тому назад при работах, связанных со строительством Днепрогэса, у левого берега Днепра напротив Кичкаса со дна реки среди других предметов подняли сразу пять мечей. Тут уж как будто все было за то, чтобы считать их норманнскими: ведь находка сделана как раз на знаменитом пути «из варяг в греки».

Но вот на клинках трех мечей Владислав Иосифович Равдоникас прочел одно и то же слово, выбитое латинскими буквами: «ULFBERHT» – «УЛЬФБЕРТ».

Это было имя, но оно принадлежало не владельцу меча, а оружейнику, который меч сделал. Мечей с этой надписью ко времени днепростроевской находки уже было известно десятка два. И большинство их было найдено в Скандинавии, то есть на родине варягов. Однако само имя Ульфберт – совсем не варяжское и вообще не скандинавское. Оно франкское. Мастер-то значит, был франк, а франки ведь жили некогда на территории Франции.

Еще в конце прошлого века хранитель Бергенского музея Лоранж считал, что норманны не были хорошими оружейниками и ввозили оружие из Западной Европы.

Позже исследователи пришли к заключению, что имя

Ульфберт, вероятно, служило маркой большой мастерской или даже нескольких мастерских, находившихся где-то во Франции или на Рейне в районе Майнца, а может быть, и на территории современной Бельгии – в средневековой Фландрии. Первоначально это действительно было имя конкретного мастера, но потом производство разрослось, и под этим именем работали и другие мастера, ставившие иногда на откованных ими клинках, кроме традиционного «Ульфберт», еще и свой значок.

Была в тогдашней Европе и еще одна знаменитая мастерская. Она находилась тоже на Рейне, может быть, в районе Золингена. Марка ее была «Ингельред» – тоже имя мастера. На одном клинке из этой мастерской прочли на одной стороне «INGELRED», а на другой – «FIT», что значит: «Ингельред сделал».

Мечи из Западной Европы везли в Скандинавию на кораблях. Скандинавский поэт тех времен восторженно описывает эти корабли,

...нагруженные людьми
И белыми щитами,
Западными копьями
И франкскими мечами.

А как же попали те пять мечей, изготовленных в мастерской Ульфберта, из Скандинавии в Кичкас, да еще на дно Днепра? Может быть, их везли на корабле продавать?

Может быть. А может быть, и нет.

Ведь византийцы, если и нуждались в этого рода товаре, легче могли приобрести его не у скандинавских купцов, а непосредственно у франкских или, например, у дамасских. Мечи попали на корабль викингов не как товар, а как оружие. Такие корабли плыли через Волхов, озеро Ильмень, верховья Днепра, проходили мимо Киева и отчаянно боролись с бурными днепровскими волнами в порогах. Должно быть, не один из них нашел здесь свой конец, не один воин в своем тяжелом вооружении камнем пошел на дно.

Но ведь мечи найдены около Кичкаса, то есть ниже порогов. Корабль, на котором плыли их владельцы, как раз благополучно миновал буруни. Он погиб уже в относительно спокойных днепровских водах по какой-то другой причине.

Эту причину хорошо знали в те времена и недаром считали как раз место у Кичкаса и острова Хортицы самым опасным на пути «из варяг в греки». Один византийский писатель отмечал, что река здесь довольно узкая, «и высота берега, которую видит глаз снизу, такова, что пущенная оттуда стрела как раз попадает в плывущих...» Наверное, знали об этом и степные кочевники, любившие подкарауливать здесь богатые караваны.

Итак, судьба этих пяти мечей довольно плачевна. Их сделали франкские оружейники, какой-то купец привез в Скандинавию и продал викингам. Мы не знаем, где побывали после этого их хозяева, но, видимо, когда они поехали «в гре-

ки» на Днепре, возле острова Хортица, их корабль подвергся нападению. И викинги погибли не от ярости волн, а от стрел противников. А мечи проделали сложный путь как в пространстве, так и во времени – от мастерской Ульфберта, где-нибудь около Бордо, через Скандинавию и Днепр в Днепропетровский музей.

Значит, варяги, как и другие народы тогдашней Европы, пользовались мечами франкского производства. Но может быть, все же из Франции привозили только клинки, а рукояти делали норманны? Ведь на богато украшенных рукоятках мечей находят типично скандинавские мотивы.

Вот на перекрестье и наверху меча причудливо переплетены фигуры чудовищ, напоминающих отвратительных и злобных змей. Пасти их раскрыты, тела напряжены. Они яростно борются друг с другом.

Очень похожие узоры вырезаны на варяжских надгробных камнях в Скандинавии. И древнеисландская сага – «Старшая эдда» – описывает такое украшение меча:

...На лезвии змей окровавленный лег,
Другой обвивает хвостом рукоять...

Нет, конечно, этот меч – скандинавский, хоть найден он на Украине, неподалеку от воспетого Гоголем городка Миргорода. Так решили сначала известный украинский историк Михаил Сергеевич Грушевский, потом шведский историк

Арне и, наконец, молодой археолог Анатолий Николаевич Кирпичников. И в Киевском историческом музее меч хранился как уникальный чужеземный предмет, попавший на Русь почти тысячу лет назад: рукояти подобной формы стали делать около тысячного года.

Позднее другой скандинавский ученый – Арбман – все же усомнился в скандинавском происхождении рукояти этого меча. Дело в том, что на трубке, прикрывавшей стержень рукояти, той, за которую боец держит меч рукой, нет изображения «змея, обвивающего хвостом рукоять». На ней – узор, в котором какие-то ветки или листья разделены четкой геометрической ломаной линией. А. Н. Кирпичников согласился с этой поправкой и связал меч с более близкими к Руси областями – с юго-восточной Прибалтикой. Тем самым спор закончился; казалось бы, можно закончить и историю вещи.

Но вот появился новый метод исследования. Изобрели такую жидкость, с помощью которой можно «проявлять» изображения на клинках мечей. Протрешь так называемым реактивом Гейна даже очень пострадавший от времени, изъеденный ржавчиной клинок – и на нем выступают буквы или изображения, совсем как в детской игре, когда белый лист бумаги натирают толченым графитом – и «проявляется» целая картина.

Этим способом при первой же возможности и воспользовался А. Н. Кирпичников. Сначала в музеях Санкт-Петербурга и Москвы. Потом – в Киеве. Оказалось, что почти на

каждом мече были надписи или знаки.

Одна за другой проявлялись перед исследователем надписи, и все латинскими буквами, как те, о которых мы уже говорили в начале рассказа.

Десяток мечей... другой... еще один... вот уже их расчищено более восьмидесяти.

Да, кажется, все мечи попадали на Русь из-за рубежа.

А уж этот-то, киевский, со змеями на перекрестье, должно быть, и подавно! Все же решили «проявить» и его.

Можно представить себе радость ученого, когда под действием реактива на клинке начали проступать одна за другой... русские буквы!!!

КОВАЛЬ – прочли на одной стороне. Это, видимо, не имя, а название профессии: кузнец. Само слово происходит от глагола «ковать» и в древнерусском языке известно по крайней мере с одиннадцатого века. Украинцы и сейчас называют кузнеца ковалем. Отсюда и не очень понятное нам сейчас слово «кувалда» (по-украински «ковадло» – то, чем куют, большой кузнечный молот). Отсюда и широко распространенная русская фамилия Ковалев, как от более позднего, по-видимому, слова другая фамилия – Кузнецов. А есть и украинская фамилия – просто Коваль. Может быть, это слово и на клинке означает если не имя, то прозвище?

По-видимому, нет.

Дело в том, что на другой стороне того же клинка буквы складываются в какое-то древнерусское имя. Эта сторона

сильнее проржавела, уцелели не все буквы, да и те, что сохранились, утратили значительные части. Читать трудно.

Вот острая верхушка первой буквы, напоминающая «Л». Но может быть, это и «Д» – ведь низ не сохранился. Вторая буква видна ясно: «Ю», третья – «Д». И по форме его верхушки можно заключить, что та, первая, у которой не сохранилось низа, скорее всего «Л», а не «Д»: человек, выбивавший буквы, писал «Д» иначе. Затем видна левая половина кружка, который не мог быть ничем иным, кроме «О». А дальше – пропуск. Ржавчина целиком «съела» не только правую половину «О», но и всю следующую букву. А последняя, шестая буква опять читается ясно: «А».

На этой стороне выбито слово «Л Ю Д О...А». Пропуск между буквами «О» и «А» – широкий. Там должна была быть буква несколько шире обычной, например «Ш» или «Т». Тогда все слово можно читать: «ЛЮДОТА» или «ЛЮДОША».

Должно быть это – имя собственное, и притом мужское, поскольку сочетается со словом «коваль» мужского рода: в те времена не говорили, например, «машинист Иванова» или «доктор Вера». А мужские имена, оканчивающиеся на букву «а», то есть по форме, напоминающие современные женские (вроде позднейших Никита или Кузьма), совсем не были редки. Они могли оканчиваться и на «та» и на «ша»: скажем, Ратша или Гюрята. Поэтому нельзя с уверенностью сказать, как звали того мастера, что сковал меч: Людота или Лю-

доша. Но нет сомнения в том, что этот, будем говорить, Людота, был кузнец – «коваль». И главное – это был русский мастер-оружейник, делавший такие мечи, какие изготовляли в ту пору лучшие мастера Европы.

ЛЮДОТА КОВАЛЬ

Теперь, когда исследователи избавились от гипнотизирующей мысли, что если уж на Руси найден меч, так обязательно привезенный из-за рубежа, стали думать, что не обязательно и рукоять меча скандинавского или прибалтийского происхождения. Ее мог сделать тот же Людота, даже не беря за образец какую-то скандинавскую или прибалтийскую рукоять: подобные украшения встречаются, хоть и не очень часто, в отделке русских вещей, например вырезанных из кости.

Когда же Людота сковал свой меч?

Судя по «почерку» мастера – по очертаниям букв и по характеру узора на рукояти, – в первой половине одиннадцатого века, между 1000 и 1050 годами. Немного позднее того времени, когда другой русский грамотей процарапал на амфоре слово «ГОРОУХЩА».

Где он жил?

Это сказать трудно. Ведь меч найден недалеко от Миргорода, но он мог быть потерян много позже, чем вышел из мастерской, и притом далеко от места своего рождения. Все же

нужно предположить, что такой искусный, и притом «знавший грамоте» оружейник жил и работал в каком-то крупном городе. Напрашивается мысль, что в Киеве или в Чернигове, но, может быть, и в Великом Новгороде, Смоленске или Полоцке. На Руси было тогда немного менее сотни городов, в том числе десятков крупных, а некоторые русские города славились тогда далеко за пределами Русской земли.

Итак, в одном большом русском городе больше девяти-сот лет назад мастер-оружейник отковал длинную полосу из нескольких жгутов различным образом обработанного железа, наварил оба ее края сталью, заострил оба лезвия, закалил клинок и выбил на двух его плоскостях свою метку: ЛЮДОТА КОВАЛЬ. В выбитые углубления он забил витую из железа и стали («демаскированную», как говорят специалисты) проволоку, чтобы буквы лучше выделялись (это называют теперь «инкрустация»). Потом, наверное, сам же отлил бронзовые пластины для украшения рукояти. Меч был очень нарядный – светлый, блестящий, с надписью на клинке, с яркой желтовато-красноватой, как бы золотой рукоятью.

Конечно, его купил – и должно быть, за немалую цену – какой-то воин. При каких обстоятельствах попал меч в бывшую Полтавскую губернию? Было ли там сражение или хозяин меча скончался и меч положили в могилу, сказать нельзя. Мы знаем только, что в конце прошлого столетия его нашли у казенной дачи местечка Фошеватая, близ Миргорода, что обстоятельства находки неизвестны, что хранился меч в Ки-

еве, привлекал внимание многих знатоков древнего оружия и только лет через семьдесят после находки ученые узнали наконец, какова эта вещь на самом деле.

В начале книги мы говорили: судьба вещи раскрывается не сразу; дорогой предшественника каждый ученый может идти дальше, продолжить исследование и узнать еще много нового. Здесь перед нами другой случай: ученый еще и еще раз возвращается к уже решенному им же вопросу, применение нового метода дает ему новые возможности исследования, приводит к новым заключениям. И пусть эти выводы не соответствуют тому, что тот же исследователь говорил раньше. Никогда не надо упорствовать в своих заблуждениях. Настоящий ученый не побоится опровергнуть самого себя.

БАБИНО ПРЯСЛИЦЕ

Каждому клали в курган свое: мужчине – оружие, женщине – украшения, обоим – горшки. И конечно, свои несложные орудия для работы: ведь и «на том свете» каждый должен будет делать свое привычное дело: мужчина – мужское, женщина – женское.

Так, в крестьянских курганах топоры находят в мужских погребениях, а серпы – в женских. Ведь расчищать участок для посева, рубить лес – это было дело мужское, а жать серпом – женское. Еще лет пятьдесят тому назад у нас серпами жали женщины, а мужчины тот же хлеб убирали косами. И в Черной могиле, которая насыпана, как вы помните, тысячу лет тому назад, серпы относятся, по-видимому, к погребению женщины-рабыни.

Есть еще одна замечательная по многим причинам вещь, которую в Древней Руси употребляли только женщины. Это – пряслице, или, как тогда говорили, «пряслене». В самом слове вам уже, наверное, слышится знакомое «прясть».

Их находят в древних русских городах и селах десятками и сотнями.

Пряслица – вещички маленькие, изящные, похожие скорее на безделушки, чем на важные рабочие инструменты. Если посмотреть на них сбоку, они как будто бы разных форм: одни – просто как полоска, другие – как две миниа-

тюрные трапеции, соединенные основаниями, третьи – как часть окружности. Но если смотреть на них сверху, как говорят, «в плане», то все пряслица непременно круглые и в центре каждого есть круглое отверстие около сантиметра в диаметре. Эта вещь была явно предназначена для того, чтобы вращаться.

Да, прясло, пряслице, пряслен или пряслене – своеобразное приспособление для прядения, маленький грузик, маховичок, который надевали на веретено, чтобы оно ровней вращалось, когда пряжа его раскрутит, чтобы ровнее шла нитка.

Пряхой была еще сто лет тому назад всякая крестьянская женщина или девушка, а в древности – почти всякая горожанка. Она должна была напрясть ниток, наткать из них полотна, чтобы одеть всю семью, да еще сделать себе приданое: без этого и замуж не возьмут.

Грубо расчесанное льняное волокно прикрепляла пряжа к гребню своей прялки. Пропуская несколько волокон через зубья гребня, она левой рукой тянула это «прядево», а пальцами правой руки крутила веретено, подобно тому, как крутят волчок, только не опирая нижний конец на пол, на весу. Волокна скручивались в нитку, нитка наворачивалась на корпус веретена; по мере того как пряжа прядла свою пряжу, веретено становилось все толще. А если на веретено надевали пряслице, оно крутилось дольше, нитка получалась ровнее.

Представьте себе, сколько нужно было прядь каждой женщине!

Сколько, например, надо напрядь ниток, чтобы из них соткать потом хоть один кусок полотна на одну только рубашку? Наверное с десятков километров!

Работа трудная, медленная.

«У ленивой пряжи и про себя нет рубахи» – говорит старая пословица.

Приходилось каждую минуту, свободную от других домашних дел, пряхь да пряхь.

У некоторых народов женщины прядут даже на ходу, загнув гребень с прядевом за пояс. И, уж конечно, пряхи русские женщины после трудового дня, особенно в долгие зимние вечера.

Три девицы под окном
Пряхи поздно вечерком.
«Кабы я была царица, —
Говорит одна девица, —
То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир».
«Кабы я была царица, —
Говорит ее сестрица, —
То на весь бы мир одна
Наткала я полотно».

Помните, за этим обыденным занятием застал пушкинский царь Салтан трех девушек, одну из которых (как раз не ту, что хорошо готовила, и не ту, что хорошо ткала) тут же решил взять себе в жены. Бытовая сценка, конечно, взята поэтом из тогдашней деревенской жизни. Девушки допоздна прядут и за этой работой делятся своими мечтами.

Но зимние вечера длинные, болтать с сестрами за пряжей тоже надоест.

Чтобы скрасить скуку постоянного прядения, в деревнях издавна устраивали посиделки. Девушки собирались прядь у одной из подруг по очереди. Разрешалось приходиться и парням. За разговором, песней работа шла скорее. Устав, затевали игры – и снова за работу. Глядишь, и вечер прошел незаметно.

Конечно, у каждой пряжи было свое веретено, свое пряслице. Поэтому-то так часто находят пряслица и в курганах, и на древних поселениях.

Какие же они были, пряслица?

Разные.

Простейшие делали сами пряжи из первого попавшегося под руку черепка. Осколок посуды слегка обтачивали о какой-нибудь камень, придавая ему округлую форму, а в середине просверливали дырочку да и надевали на веретено.

Другие делали из глины, немного сплющив мягкий ее шарик и просверлив в нем круглое отверстие. Потом обжигали в печи – и глина затвердевала, как камень. Такое пряслице могло служить века.

Но были и каменные пряслица, каких сама пряжа сделать не могла. Их-то и находят не только на поселениях, но и в погребениях: такая вещь была довольно дорога, ее, как ценность, клали даже в могилу.

Еще в прошлом столетии геолог Оссовский обратил вни-

мание на то, что большинство таких пряслиц сделано из одного и того же камня – розового шифера, который у нас есть только в одном месте – на Волыни, в районе городка Овруча. В Овруче и в Киеве археологи нашли также мастерские, где делали пряслица. Оказывается, эти маленькие вещички высверливали из довольно больших прямоугольных плит шифера; остатки плит с рядами отверстий от высверленных пряслиц – своеобразные отходы производства древних мастеров – обозначают места мастерских.

Из овручского шифера делали не одни пряслица. Если будете когда-нибудь в Киеве, увидите, что в знаменитом Софийском соборе шиферные капители колонн и парапет на хорах; есть даже резные шиферные иконы. Конечно, такие крупные, тяжелые предметы тогда могли привозить только в города, близкие к разработкам камня.

А вот мелкий каменный товар из Овруча и Киева разошелся по всей тогдашней Руси и даже за ее пределы. Пряслица из розового шифера находят, например, и в Болгарии, и, уж конечно, на берегах озера Ильмень и Чудского озера, Волги и Москвы-реки и даже на Таманском полуострове.

Но мода на них была лишь в определенное, хотя и долгое время. Первые шиферные пряслица появились в десятом веке, в одиннадцатом их встречается больше всего. В двенадцатом веке – уже меньше, в первой трети тринадцатого – еще меньше, а после монголо-татарского нашествия производство пряслиц в Киеве и Овруче, кажется, совсем прекра-

тилось, и русские пряжи вновь вернулись к глиняным пряслицам.

Еще лет двадцать пять назад мне подарили за ненадобностью веретено с глиняным пряслицем, которыми пользовались лет за тридцать до того. Было это в селе Вирятине, Тамбовской области, и подарок я «передарил» в Москве Историческому музею. В наши дни в деревне пряжу уже днем с огнем не найдешь. Если дома что и прядут, то не лен, а шерсть, а для шерсти пряслице на веретено не надевают. Возможно, что и прежде шерсть пряли без пряслица.

Шиферное пряслице – маленький, плотный, тяжелый грузик – было очень удобно для прядения. При меньшем размере оно весило столько же, сколько глиняное. И вдобавок это была изящная вещица. Каждая девушка хотела иметь такую.

Можно себе представить, что, когда бродячий торговец-коробейник заходил в глухое село или деревню, женщины и девушки наперебой спрашивали его, принес ли пряслены, и давали за них, не жалея, куски натканного холста или еще, что спросит коробейник – деньги-то в деревне были редкостью.

Ну, а дав за пряслен хорошую цену, его уж берегли. Старались не потерять и даже во время посиделок не перепутать.

Вот в темной избе потрескивает лучинка. При ее слабом, колеблющемся свете сидят на лавках девушки и прядут, напевая песни. Здесь же в углу примостилось несколько парней, которые подыгрывают им на дудках и гусях, а сами

только и ждут, когда устанут пряжи, когда захотят отдохнуть. Долгожданный час настал, и, положив возле прялок свои веретена, девушки весело пляшут с парнями. А есть и веселые игры. Например, такая игра со значением: от каждой девушки берут какую-нибудь вещь (тут уж в ход идут и ленты, и сережки, и пряслица от веретен), складывают их в шапку и под песню «Кому вынется, тому сбудется» тянут из шапки для девушек «счастье».

Но как говорит старая пословица: «Делу – время, потехе – час». И, садясь опять за работу, пряжи ищут свои веретена, разбирают пряслица, стараясь, конечно, не перепутать.

Наверное, поэтому на шиферных пряслицах зачастую можно увидеть разные значки-метки, по которым их можно узнать.

Метка меткой, а лучше все-таки надпись, чтоб уж никакого сомнения не было. Не знаю, как в деревнях, а в городах немало было грамотных людей, которые могли процарапать буквы не только на большой корчаге, но и на маленьком пряслице. Иногда здесь можно прочесть женские имена – Ульяна, Зоя, Ромада.

Из надписи мы узнали и самое название этого предмета. «Потворин пряслен», – написано на одном. Пряслен – это, конечно, сам грузик, а Потвора – имя владелицы, а может быть, как думают некоторые исследователи, и указание на то, что она считалась чародейкой – колдуньей.

Шиферный пряслен, конечно, был отличным подарком.

На Руси издавна существовал обычай, согласно которому жених должен был подарить невесте богато украшенную прялку. Наверное, и пряслице тоже. Во всяком случае, на одном из них так и написано: «Невесточь», то есть невестин. На других имена прях стоят в дательном падеже: «Степаниди», «Ирини» – так тогда писали вместо «Степаниде», «Ирине». Это, вероятно, тоже подарки – может быть жениховские. Наконец, жених мог процарапать на прясле и свое собственное имя, должно быть, не без надежды, что именно с его именем пряслице «вынется» суженой на посиделках. Так объясняет Борис Александрович Рыбаков находки пряслиц с мужскими именами: «от Нежиловца», «Мартыня» (то есть Мартинова), «Никола», «Молодило». Есть и подарок особенный – не жениховский, но сделанный отнюдь с не меньшей нежностью.

В городе Любече найдено совсем уж крошечное пряслице, должно быть для детской руки. На нем надпись: «Иванко создал тебе ю одина дщерь», то есть «Иванко сделал ее (эту вещь) для тебя, единственная дочь». Наверное, Иванко был мастер-камнерез; он вырезал да и надписал это пряслице для нежно любимой, единственной своей дочери.

А вот в Витебском музее хранится пряслице с совсем оригинальной надписью: «Бабино пряслене». Надпись как будто простая. Всего два слова. А объяснить ее не так-то просто: объяснений найдется несколько.

Никто не сомневается, что «пряслене» значит «пряслице». Но как понять слово «бабино»?

Борис Александрович Рыбаков понимает это в самом прямом смысле: «баба» – бабушка, мать отца или матери. Но бабушкой женщина становится только тогда, когда появляются у нее внуки. И ученый предполагает далее, что эту надпись сделала внучка, чтобы не спутать пряслица, свое и бабушкино. Конечно, так могло быть.

Но ведь могло быть и иначе.

В древнерусском языке слово «баба» имело несколько значений.

Оно означало, например, вообще всякую замужнюю женщину. Так, может быть, перед нами просто еще один жениховский подарок? Представьте, «вынется» какой-нибудь девушке на посиделках пряслице с таким намеком!

«Баба» значило иногда и «ворожея, колдунья». Если по-

нять надпись в этом смысле, перед нами – еще один «потворин пряслен».

Наконец, одно из распространенных значений слова «баба» – повивальная бабка, акушерка, что ли. Женщины, помогавшие при родах, пользовались в народе большим уважением и играли важную роль во многих семейных обрядах. Может быть, это – прясло такой женщины?

Так или иначе, судьба у этой вещи, в общем-то, обыкновенная, едва ли не самая обыкновенная из описанных в нашей книге.

Лет восемьсот – девятьсот тому назад в каменоломнях под Овручем вырубил большой блок розового шифера, и, должно быть, тут же распилили его на плоские плиты. Плиты отвезли в город – Овруч или Киев, и там мастер-камнерез высверлил в числе других и это прясло. Бойкий коробейник, купивший партию пряслиц, проделал с ними немалый путь на северо-запад, пока добрался до окрестностей Витебска, где благополучно наше пряслице продал.

А вот кто был покупатель и кто вырезал слова «бабино пряслене» – это можно предположить по-разному, в зависимости от того, как мы поймем слово «баба». Если так, как понял Б. А. Рыбаков («бабушка»), то, значит, пряслене, вероятно, купила женщина, и прошло немало времени, прежде чем на нем появилась надпись; вряд ли это была уже бабушка, скорее можно думать, что – девушка, что нашла она своего суженого, появились у нее дети и внуки, и только когда

подросла уже старшая внучка и, наверное, не раз уже взяла прясть не свое пряслице, появились на бабином пряслене процарапанные внучкой буквы.

Ну, а если пряслице купил парень для полюбившейся ему девушки, решив подбросить его в шапку на посиделках, то он, конечно, тут же и надписал вещицу.

А если женщина-ворожея, она тоже не стала с этим медлить. А если пряслице купили в подарок повивальной бабке от благодарной семьи, в которой с ее помощью появился новый человек, то, конечно, сделал это счастливый отец и он же нацарапал надпись.

Что ж, и в обыкновенной судьбе вещи есть свои маленькие загадки, свои немалый интерес.

КОРЧАГА С ХРУСТАЛЬНЫМИ БУСАМИ

Конечно, вы не раз видели землю в разрезе. На краях высоких речных обрывов, карьеров, в которых добываются разные строительные материалы, наконец, в стенках многочисленных траншей и котлованов, вырытых при строительных работах. И, если этот разрез достаточно глубок, вы, наверное, замечали, что в нижней его части земля обычно различных оттенков желтого цвета, а наверху есть более темный слой. Нижние, желтоватые и коричневатые, реже белые слои

– это отложения песка, глины, иногда мела, образовавшиеся в результате работы сил природы: когда-то бывших здесь рек, морей и ледников. Верхняя же темная прослойка обычно образуется в результате деятельности человека.

Каждому известно, что археологи находят не только древние вещи, но целые города, дворцы и храмы. И каждый раз удивленные люди спрашивают: «Как же все это оказалось под землей?» Это легко объяснить, когда раскапывается курган, насыпанный родичами и дружиной над прахом погребенного, или город, залитый расплавленной лавой и засыпанный пеплом во время извержения вулкана, как знаменитые Помпеи. Тут всякий понимает, как образовались слои. Но многие из вас будут удивлены, если сказать, что на любом поселении человека, временном или постоянном, создаются такие же наслоения, хоть и не так быстро. Каждый день, каждый час, едва ли не каждую секунду на поверхность земли во всех, больших и малых, поселках наслаивается что-то.

Вот, например, такая обыденная деталь. Кухонные отбросы еще сравнительно недавно, каких-нибудь сто с небольшим лет назад, даже в крупных городах без стеснения выбрасывались прямо на улицу. Вспомним гоголевского Акакия Акакиевича, который, бредя в раздумье по улицам Петербурга, не раз бывал обсыпан отбросами и облит помоями. Строится дом – и на землю ложится целый слой строительных отходов: коры и щепы, если он деревянный, каменной крошки, извести, битого кирпича, если каменный. Пожар –

и снова ложатся на землю пласты угля и золы. Все это затаптывается, перемешивается с землей и образует те самые темные прослойки, о которых мы только что говорили. Археологи называют их культурным слоем, хоть самое их наличие говорит скорее о низком культурном уровне древних людей. Ведь в современных культурных центрах, где имеются такие необходимые учреждения, как тресты городской очистки, культурный слой почти не образуется. А в древних городах он достигает иногда десятков метров толщины. В Риме, например, – около тринадцати, на окраине Самарканда – до двадцати пяти.

Этот-то культурный слой и исследуют археологи, находя в нем древние, обычно уже разрушенные сооружения, брошенные и потерянные вещи. Так среди зданий современного города открываются сплошь и рядом древние горизонты, отложившиеся сотни лет назад. Если научиться разбираться в этих древних наслоениях, научиться понимать язык земли, она расскажет нам немало занимательных историй.

Киев, «мать городов русских», как называли его нередко в древности, уже давно исследуют археологи. И вот почти в каждой земляной выработке на определенной глубине открывался слой, обильный углем и золой, остатками разрушенных зданий и вещами, какие употребляли в конце XII – начале XIII века. Нередко на древних улицах среди разрушенных домов находили и скелеты людей. Но это не были погребения. Скелеты лежали в тех позах, в каких людей за-

стала смерть. В костях застряли наконечники стрел, на некоторых – следы страшных ударов, нанесенных оружием. Ясно: это следы варварского разорения города монголо-татарами более семисот лет назад, в 1240 году.

Вот что писал об этих тяжелых для Руси днях киевский летописец: «Приде Батый к Киеву в силе тяжкой многим множеством силы своей и окружи град и остолпи (то есть окружила частоколом) сила татарская и бысть град в обдержании велице... и не бе слышати от гласа скрипания телег его, множества ревения верблюдов его и ржания от гласа стад конь его и бе исполнена земля русская ратных».

В этой красноречивой записи очевидца чувствуется горе русского человека, бессильного против тяжкой ордынской

силы, наводнившей русскую землю ратными людьми, наполнившей тихие прежде места скрипением телег бесконечных военных обозов, криком дотоле невиданных, диковинных животных – верблюдов – и ржанием коней.

Князья, думавшие больше о своих выгодах и семейных раздорах, чем о борьбе со страшным общим врагом, покинули Киев, и горожане обороняли его сами против во много раз превосходящей татарской силы. Летописец говорит далее о штурме города войсками монголо-татар, о том, как защитники его с боем отстаивали буквально каждый дом.

В том слое, о котором мы говорили, археологи нашли множество новых свидетельств последней борьбы защитников города, разорения беспощадным врагом их домов, гибели их семей. Вот под разрушенной врагами церковью открылся тайник, через который киевляне пытались выбраться, прорыв под землей ход в сторону косогора. Здесь были и какие-то местные богатеи, которым этот тайник служил в мирное время для хранения ценностей, и рядовые горожане, в том числе ремесленник, прибежавший в церковь из соседней мастерской. За кем-то из них увязался и верный пес. Люди рыли землю лопатами и поднимали ее в ведрах наверх, во внутреннее помещение церкви. Но лопаты переломались, и все, кто был в тайнике, так и остались там, задохнувшись под развалинами. Археологи нашли скелеты людей и собаки, обрывки богатой одежды, меч, литейные формы ремесленника, остатки ведер, обломки лопат.

Вот бедная землянка ремесленника, который, наверное, очень поспешно покинул ее. Это был художник, и в маленьких горшочках остались краски, которыми он пользовался. В другом горшке была каша, и даже ложка торчала в ней. Нашли и скелет кота.

Вот две девочки-подростка в ужасе забрались в домашнюю печь, думая там спастись от свирепых захватчиков. Чтобы уместиться в небольшой печке, они тесно прижались друг к другу, поджали ноги... В таком положении и нашли их скелеты археологи, раскопавшие это жилище через семьсот с лишком лет.

А над другим жилищем, тоже принадлежавшим рядовому киевлянину, археологам пришлось задуматься. Вы, конечно, слышали о роскоши киевских княжеских дворцов. Память о них сохранилась и в замечательных произведениях народного эпоса – русских былинах, передававшихся из уст в уста. Но мало кто из вас представляет себе, как жили рядовые киевляне. Жилище рядового киевлянина представляло собой углубленную в грунт землянку, состоящую из одной только комнаты размером 12—15 квадратных метров. Около четверти комнаты занимала большая глинобитная печь без дымовой трубы, наполнявшая помещение едким дымом. Недаром один писатель XII века сказал: «Горечи дымные не претерпев, тепла не видати». Маленькие оконца пропускали скудный свет и выпускали дым. От входа вниз вели несколько вырезанных в грунте ступеней.

На ступенях землянки киевлянина, о котором мы говорим, лежали черепки разбитой большой корчаги. По ступеням и по полу рассыпались несколько тысяч драгоценных бус из прозрачного, как утренняя роса, горного хрусталя. Среди них были готовые бусы и такие, которые нужно было еще доделать – просверлить отверстие для нитки.

Откуда это сокровище в доме бедного горожанина?

Производивший раскопки Михаил Константинович Каргер предположил, что ремесленник как-то обрабатывал эти бусы, просверливал в них отверстия. Видимо, это был ремесленник-ювелир, камнерез.

Во время разгрома города он попытался спасти самое ценное, что у него было, – хрустальные бусы, обработка которых кормила его и семью. Мастер схватил корчагу с бусами и стал подниматься со своей ношей по лестнице.

Но тут случилось что-то, что заставило его бросить на верхней ступеньке сосуд. А может быть, он просто уронил его, споткнувшись второпях. Корчага разбилась на куски, бусы со стуком покатались по ступенькам, по полу...

Вот, кажется, и все.

Но, когда археологи уже в музее склеили обломки корчаги, оказалось, что не хватает значительной ее части, а именно – дна. Видимо, киевлянин не погиб под развалинами своего дома. Ведь в землянке не нашли его скелета. Наверное, он сумел все же в тот момент спастись сам и захватить с собой часть бус, унося их в большом черепке – днище корчаги. Остался ли он жив, сумел ли бежать или попал в полон, об этом мы ничего не знаем. Но корчага, рассказавшая нам весь этот эпизод, снова склеена и хранится в Киевском музее.

ВРАТА НОВГОРОДСКОЙ СОФИИ

На одной из первых послевоенных выставок картин советских художников общее внимание привлекло полотно, написанное знаменитыми карикатуристами Кукрыниксами – М. В. Куприяновым, П. Н. Крыловым и Н. А. Соколовым, – «Бегство фашистов из Новгорода».

Нет, это была не карикатура. Чувство боли и гнева охватывало всякого, кто видел картину.

Занесенные снегом, огромные бронзовые фигуры разрушенного немцами памятника тысячелетию России, как бы вызывая об отмщении, поднимали руки к хмурому небу. Среди полуразрушенных зданий новгородского кремля сновали

серо-зеленые фигурки фашистов-поджигателей с факелами в руках.

А на заднем плане высилась белая громада древнего Софийского собора. Он тоже был сильно поврежден. Огромный центральный купол, некогда горевший золотом, ободран до каркаса (в газетах писали, что это какой-то немецкий генерал хотел подарить своей супруге столовый сервиз). Над собором – зарево занявшегося уже пожара. Но крепко стоит это прекрасное здание, и его спокойные, торжественные линии художники противопоставили мечущимся фигуркам немцев, подчеркивая тем самым обреченность фашистов и уверенность в победе русского народа.

София! Сколько раз угрожали ей враги за девять веков ее существования! Но выстоял Великий Новгород, выстояла Русская земля, и враги всякий раз бывали отброшены и разбиты.

Софийский собор был главной церковью Новгородской республики. Однако он значил для народа гораздо больше, чем могла значить любая церковь.

С Софией связывалась мысль о самом Новгородском государстве. «За святую Софию!» – призывали друг друга новгородцы в боях. «На полатех Софии» хранилась казна Великого Новгорода, откуда брали в случае необходимости средства, например, на постройку крепостей. Неудивительно, что новгородцы стремились украсить свою Софию не только художественной росписью, но и военными трофеями.

С западной стороны собора и сейчас есть огромные бронзовые двери. Если присмотреться к ним повнимательнее, нас поразят изображения на рельефных литых пластинах, из которых составлены эти «врата» (так принято называть церковные двери). С первого взгляда как будто ничего особенного. На каждой створке дверей по двадцать четыре прямоугольника, в которых литые рельефные изображения различных «божественных» сцен: Еву вытаскивают из ребра Адама, ангел передает Марии весть о том, что она станет матерью бога, Христос на осле въезжает в Иерусалим, а на другом изображении – возносится на небо. Все это, конечно, передано несколько условно и наивно. Но и сама манера художника, и одежды, и в особенности оружие изображенных им людей какие-то не русские. Воины с треугольными щитами, в конических шлемах, какие были в ходу в Западной Европе в XI—XII веках, короли – в зубчатых коронах, духовные лица – в католическом облачении. Среди сцен на библейские и евангельские темы вклинились аллегорические изображения, но они мало понятны русскому зрителю.

Над изображениями – латинские надписи.

Так, на одной из аллегорических сцен два вооруженных воина попирают ногами поверженных врагов.

Вверху латинская надпись «fortitudo» и ее русский перевод – «крепость», внизу – латинское «raupertas» и русское – «убожество».

Но вот и изображения исторических лиц – епископ Александр Плоцкий, епископ Вихман Магдебургский. Ученые давно уже выяснили, что первый из них пребывал в городе Плоцке в Польском королевстве на реке Висле с 1129 по 1156 год, а второй правил Магдебургской епархией в Германии с 1152 по 1192 год. Город Магдебург стоит на реке Эльбе.

Но что особенно интересно – это изображения мастеров. Скромно одетый человек с непокрытой головой, с весами в правой и клещами в левой руке стоит в свободной позе, чуть согнув правую ногу. Над его головой – надпись: «Rigvin me fecit» – «Меня сделал Риквин». Такие слова мастер как бы вложил в уста своего детища. А вот и другой ремесленник, помоложе, с длинными волосами, с клещами в руках. Его звали Вайзмут, как гласит соответствующая надпись.

Итак, несомненно, что двери сделали мастера Риквин и Вайзмут. Всего вернее, что они выполняли заказ Магдебургского епископа Вихмана. Это могло быть не раньше 1152 и не позже 1192 года.

Как же попали эти двери в Великий Новгород, что стоит на берегах реки Волхова, немного ниже ее истока из озера Ильмень? Кто перевел на русский язык множество латин-

ских надписей?

Когда это произошло?

Почерк русских надписей – это так называемый «устав», каким писали у нас в XIV веке. Значит, не менее ста лет, а, вернее, лет сто пятьдесят прошло между тем временем, когда врата были сделаны, и тем временем, когда они были снова собраны в Новгороде.

Что произошло с дверями за этот период?

На этот вопрос ответить значительно труднее. Им занимались многие ученые и не пришли к единому мнению.

Большинство исследователей считают, что церковные двери из Магдебурга были первоначально отправлены в город Сигтуну – один из политических и религиозных центров тогдашней Швеции. Здесь они красовались в каком-то католическом соборе, для чего и заказал их магдебургский епископ Вихман.

Но Сигтуна была в 1187 году взята и разрушена русскими и финскими войсками. Предполагают, что в этом походе участвовали и новгородцы. Тогда уже совсем просто представить себе, что в качестве военного трофея они увезли двери Сигтунского собора, а потом (может быть, даже много позднее) приспособили их к своей Софии. В пользу этого предположения говорит и то, что одни из дверей Софийского собора издавна называют Сигтунскими. Но вся беда в том, что это имя присвоено как раз не тем дверям, о которых только что рассказывалось. Их имя «Корсунские» (то есть

Херсонесские). Сигтунскими же называют другие, внутренние двери собора, а они, кстати сказать, не западноевропейской, а явно византийской, возможно, как раз херсонесской работы.

Сторонник другой точки зрения, археолог Владимир Андреевич Богусевич, не соглашается с тем, что здесь просто перепутаны названия и Сигтунские двери в более позднее время названы Корсунскими, а Корсунские – Сигтунскими. Он думает, что двери византийской работы действительно могли попасть в Новгород через Сигтуну путем перепродажи. А двери, сделанные по заказу Магдебургского епископа, пребывали ряд лет в Дерптском католическом соборе (Дерпт – это нынешний Тарту в Эстонии) и были захвачены новгородцами много позже, во время похода против немецкого Ливонского ордена в 1262 году, привезены как трофей в Новгород и через несколько десятков лет приспособлены к Софийскому собору.

Тем или другим путем, но двери попали в Новгород. Чтобы использовать этот трофей для своего собора, новгородцы, которых не смущало, что здесь изображены католические святые, должны были проделать немалую работу.

Видимо, собор, для которого двери были заказаны, имел несколько меньший дверной проем. Привезенных в Новгород литых пластин не хватило для огромного портала новгородской Софии.

И тут за дело взялся новгородский мастер. Он отлил

несколько недостающих пластин, на одной из которых поместил излюбленное в русских сказаниях изображение Китовраса – мифического царя, получеловека-полуконя, побежденного, согласно одной из легенд, библейским царем Соломоном. Китоврас изображен стреляющим из лука. На другой пластине новгородский мастер поместил фигуру дьякона, каких можно было встретить в русских городах еще и в начале нынешнего столетия. Он выбил также на всех пластинах русские переводы латинских надписей, а на своих пластинах – русские надписи. Он смонтировал (как мы сейчас говорим) эти красивые двери и вделал их в портал Софии.

Кто же был этот искусный новгородский мастер?

К счастью для нас, он, видимо, считал, что сделал для софийских врат не меньше, чем его немецкие собратья, и решил поместить в том же ряду, где были их скульптурные изображения, и свой портрет, который, по всей вероятности,

сам и отлил.

Маленькая бронзовая фигурка изображает человека средних лет. Волосы его пострижены «в кружок», как носили русские крестьяне и горожане еще в прошлом веке. Лицо обрамляет окладистая борода. На человеке длинная, до колен, рубаха с низким круглым воротником-«ожерельем», узкие штаны заправлены в сапоги с короткими голенищами. Рубаха подпоясана матерчатым поясом, концы которого висят спереди. В правой руке мастер держит молоток, в левой – клещи. На поясе его висит на длинной ручке тигель для плавки металла. Над головой выбита надпись: «Мастер Аврам».

Он, как и его западноевропейские сотоварищи, изобразил себя с атрибутами своего ремесла. Тигель необходим литейщику для того, чтобы расплавить металл на сильном огне плавильной печи (предварительно отвесив на весах необходимое для сплава количество). У одних тиглей были длинные ручки, другие (побольше) ручек не имели, и их брали клещами прямо за край. Такие тигли находят при раскопках. Нередко на их краях ясно видны отпечатки клещей. Видимо, жар огня был так силен, что глина оплавлялась и кончики («губы») клещей вминались в тело тигля. Ну, а без молотка мастер Аврам не мог бы ни приклепать отлитые им пластины к Сигтунским вратам, ни вычеканить надписи. Конечно, для этого ему нужен был еще и чекан.

Так сохранился до наших дней автопортрет новгородского ремесленника-литейщика, мастера Аврама, сделавшего

для Софии эти замечательные двери.

ШЕДЕВР МАСТЕРА КОСТЫ

«Мастер Аврам»... Этот новгородский ремесленник называл себя мастером. В его время повсюду в Европе было хорошо известно, что такое «мастер».

«Майстер», – говорили в тогдашней Германии.

«Мэтр», – почтительно произносили во Франции.

«Маэстро» – так звучало это слово в далекой Италии. И повсюду люди, носившие звание мастера, справедливо гор-

дились им.

Трудна была работа средневекового ремесленника. Он должен был не только уметь сделать добротную и красивую вещь, которая понравится заказчику, но и успешно соревноваться в своем деле со множеством других горожан, занимавшихся тем же ремеслом, с переселявшимися в город деревенскими ремесленниками. Наконец, он должен был делать вещи лучше или, во всяком случае, не хуже, чем делали в других городах, иначе даже его сограждане будут охотнее покупать изделия иноземных мастеров. Трудно было и бороться со своим феодальным сеньором, сохранить свой дом и имущество.

Чтобы отвоевать и защитить свои права, ремесленники уже издавна стали объединяться в общества, которые называли в разных странах по-разному. Впоследствии ученые стали называть их германским названием – «цехи».

Цехи заботились об организации производства, следили, чтобы все их члены строго соблюдали установленные цехом правила, добивались высокого качества изделий. Еще ревнивей следил цех за тем, чтобы никто, кроме его членов, не делал в этом городе таких же вещей. Сапожники, перчаточники, ткачи, кузнецы, оружейники, гончары, литейщики каждого города, раз добившись исключительного права заниматься своим ремеслом, готовы были до последней капли крови защищать это право, стеной вставали против чужаков. Впрочем, не только такие профессии, но и другие, ничего не

имевшие общего с ремесленным производством, организовывали цехи. Были цехи мясников, художников; говорят, в славном городе Нюрнберге был даже цех певцов.

Попасть в цех было трудно. Мальчик долгие годы жил в ученье у члена цеха. Нелегка была доля ученика. Ученье, даже у самого доброго мастера, не обходилось, конечно, без оплеух и затрещин. Приходилось и выполнять разную домашнюю работу, а за ошибки или небрежность иногда и оставаться без обеда. «Многажды ремесственник клянется не дати ученику ни ясти ни пити», – читаем в одной средневековой русской грамоте. Потом юноша становился помощником своего хозяина – подмастерьем и только затем, иногда уже в зрелом возрасте, получал звание мастера, а с ним – и право открыть в городе свою мастерскую, быть полноправным членом цеха, самому иметь подмастерьев и учеников.

Но для этого мало было прослужить ряд лет у мастера. Нужно было еще доказать, что не зря прошли эти годы, что подмастерье действительно постиг все тайны мастерства, что он может делать отличные вещи. Экзамен на мастера (если можно было так назвать это испытание) заключался в том, что подмастерье должен был сделать такую вещь, которая свидетельствовала бы о его высоком мастерстве. «Майстерштюк», – называли такое изделие немцы. «Шедевр», – называли его французы, и это слово до сих пор имеет в нашем языке значение прекрасного произведения.

В новгородском Софийском соборе, в его ризнице – комнате, где хранились всякие церковные ценности, – до сих пор показывают посетителям среди других древних вещей два высоких чеканных кубка, удивительно похожих друг на друга. Оба кубка с красивыми гнутыми ручками, украшенными изображениями цветов. На гранях сосудов – фигуры святых, как в ту пору полагалось; на углах между гранями вьется виноградная лоза. По верхнему краю и на поддонах – надписи: сверху – духовного содержания, внизу – с именами заказчиков. «Сей сосуд Петрилов и жены его Варвары», – читаем на одном кубке. «Сей сосуд Петров и жены его Марье», – написано на втором. Что же, оба эти кубка сделал один мастер для

какого-то Петрила или Петра, женатого первый раз на Варваре, а второй – на Марье? Может быть, это были своеобразные свадебные подарки? Но достаточно взглянуть на днища кубков, чтобы увидеть, что сосуды сделаны разными мастерами. Оказывается, там есть еще надписи, правда не так парадно выведенные, как на лицевой стороне кубков. «Господи помози рабу своему Флорови. Братило делал», – написано на кубке Петрила и Варвары. «Господи помози рабу своему Константину. Коста делал. Аминь.», – читаем на кубке Петра и Марьи. Значит, первый кубок – работа мастера Братила, при крещении получившего христианское имя Флор (мы увидим впоследствии, что нередко в те времена русские люди имели по два имени). Второй же сделал другой мастер, Константин, в просторечии именовавшийся («зовомый», как тогда говорили) Коста.

Так, может быть, и заказчики этих мастеров были разные? Может быть, Петрило, женатый на Варваре, совсем не то же лицо, что Петр, женатый на Марье? Именно так и предположил Борис Александрович Рыбаков, последним изучавший эти сосуды.

Присмотревшись к подписям мастеров, мы увидим, что между ними есть большая разница не только в содержании, но и в почерке. Общим для них является только традиционное начало «Господи, помози рабу своему...». Так писали в те времена все, верующие и неверующие. Братило выводил прямые, строгие, несколько угловатые буквы. Между слова-

ми он не оставлял промежутков, а писал все буквы подряд. Буква «ять», ставившаяся ранее для обозначения какого-то звука, который в нашем языке превратился в «е», у него такая же, как и остальные, ничуть не выше.

† ГН ПОМОЗН РА
БОУ СВОЕМОУ
ѠЗЛОРОВН
БРАТНЛОДѠ
ЛААЪ
ТЪ ѠЪ

† ГН ПОМОЗН
РАБУ СВОЕМОУ
КОСТА НЪТННУ
КОСТАДѠЛААЪ
АМНЪ
Ъ
Ъ
Ъ

Надпись Косты выведена гораздо свободнее. Буквы ее мельче, не такие угловатые. Между словами иногда есть промежутки; буква «ять» выдается над строкой. Но важнее всего то, что Коста пользовался и несколько иной орфографией. Так, в слове «рабу», где Брати́ло передавал, как было принято в глубокой древности, звук «у» через две буквы – «о» и «у» («рабоу»), Коста писал просто «у» («рабу»), как писали позже и как мы пишем теперь. Все эти отличия далеко выходят за пределы обычного различия почерков двух людей. Они указывают на то, что Коста писал много позднее Брати́ла.

Имя Петрила связывают с упомянутым в летописи новгородским посадником (так называли одного из высших выборных правителей этого государства) Петрилом Микульчи-

чем, который был в этой должности с 1130 по 1134 год. В 1135 году Петрило Микульчич был убит в одном из сражений. Мы не знаем, сколько было лет Петрилу, когда он погиб. Но редко посадниками избирали людей молодых. А женились тогда рано. Поэтому нет ничего невероятного в том, что мастер Братилю, который, судя по его почерку, работал в конце XI – начале XII века, сделал кубок по заказу Петрилы Микульчича к его и Варвары свадьбе. Но Коста, почерк и орфография которого так отличаются от Братиловых, жил, по-видимому, почти на столетие позже, в конце XII – начале XIII века, когда, разумеется, уже давно не было на свете ни Братилов, ни Петрилы.

Почему же он сделал кубок, так явно подражая Братилу? Почему он скопировал не только общую форму сосуда, но и его детали, лишь в отдельных мелочах позволяя себе какую-то самостоятельность?

Ведь хороший мастер-ремесленник – это тот же худож-

ник. Он не любит точно повторять даже свои собственные изделия, если это не вызывается необходимостью.

Наверное, Косту обязали сделать кубок точно такой, какой сделал раньше Братилю; «на Братилю дело», как тогда говорили. А если так, нам уже не покажется странной мысль Бориса Александровича Рыбакова, что кубок был «урочным изделием», «шедевром» Косты, который тот должен был сделать, чтобы получить звание мастера.

Молодой ремесленник долго учился серебряному делу в Великом Новгороде. Наверное, был учеником, потом – подмастерьем («отроком», или «унойтой» – «юношей», как их называли на Руси). Новгород переживал тогда пору своего расцвета. Его ремесленники славились по всей Руси и за ее пределами. В ближние и дальние земли шли новгородские «бусы-корабли» с товарами, сделанными новгородскими мастерами. Из Западной Европы, Заволжья, Средней Азии и с Кавказа и даже из далеких Ирана, Афганистана и Индии везли в Новгород разные товары и сырье для его ремесленников. Было здесь у кого поучиться и тончайшей ювелирной работе.

Но вот настал срок, когда мастер уже ничему не мог больше выучить своего «отрока». Возможно, что в это время какой-то богатый новгородец, по имени Петр, собирался жениться на Марье. И Косте показали великолепный кубок, что сто лет назад сделал знаменитый новгородский мастер Братилю. Видимо, тогда этот кубок уже хранился в софийской

ризнице.

«Можешь сделать кубок «на Братилено дело»? Будешь мастер!»

И вот день за днем работал Коста над своим «урочным изделием». Выдержал ли он этот экзамен? Этого нигде не написано, но, судя по тому, что его «шедевр» хранится уже не один век рядом с Братилиным, – выдержал, и недурно.

ИВАНЬСКИЙ ЛОКОТЬ

По виду это обыкновенная, довольно грубо обструганная палка длиной сантиметров тридцать с лишком, шириной два сантиметра. Конец ее обломан.

И может быть, палку даже не взяли бы при раскопках: ведь в Новгороде находят такое количество разнообразных деревянных поделок, что просто нет возможности брать их все и хранить в музеях. Но, очистив палку от грязи, на ее плоской поверхности увидели короткую надпись. Неглубоко врезы в дерево буквы образовали два слова: «святого іева-

носк». Форма букв характерна для XIV века. В то время было также еще принято передавать иногда звук «и», соединяя знаки «i» десятеричного (или «иот») и «е». И палка попала на особый учет, на котором состоят все вещи с древними надписями, как бы коротки эти надписи ни были. Их готовят к публикации.

– Буквы-то буквами, почерк почерком, но как вы думаете, что это за вещь? – сказал однажды Михаил Николаевич Тихомиров, просматривая новые находки с надписями из раскопок в Новгороде Великом. – Ведь для чего-то ее и выстрогали и надпись вырезали.

А не тот ли это самый «Иваньский локоть», что упомянут в знаменитом уставе о мерилах торговых? Ведь в новгородских документах буква «о» нередко заменяла «ерь», который мы теперь воспринимаем как мягкий знак, и, наверное, надпись «святого іеваноск» следует читать «святого Иваньск...», а конец-то у этой линейки обломан. Может быть, дальше еще была буква.

В самом деле, в древнем русском уставе «О церковных судах и о людях и о мерилах торговых», данном князем Всеволодом в 1136 году, говорится: «...и созвал есмь 10 сочких и старосту Болеслава, и бириця Мирошку, и старосту Иваньскаго Васяту, и погадал есмь (т. е. обсудил) с владыкою (так называли высших духовных лиц – митрополита и архиепископа), ...княгынею, и со своими бояры, и с десятью сочскими и с старостами: дал есмь суд и мерила, иже на торгу, свя-

тей Богородици в Киеве и митрополиту; а в Новгороде святей Софии и епископу и старосте Иваньскому и всему Новгороду мерила торговаа, скалвы (весы) вощаныи, пуд медовый и гривенку рублевую, и *локоть Еванъскый*... торговья все весы и мерила... блюсти бес пакости ни умаливати, ни умноживати, а на всякий год извещивати; а скривится, а кому приказано, а того казнити близко смерти... а не возлюбите и вы сами за то ответ дадите в день Страшного суда...»

Устав утверждает для употребления в торговле официальные весы и меры (как мы бы сейчас сказали, «эталоны»), предписывает в дальнейшем их ежегодно проверять и наказывать тех, кто будет виновен в искажении мер, «близко смерти», а должностным лицам вплоть до епископа грозит еще более тяжелой, по понятиям того времени, карой – ответом на Страшном суде, уже за гробом.

Среди утвержденных мер упоминается Еваньский (Иваньский) локоть, среди должностных лиц – Иваньский староста и Иваньские попы, а среди церквей – церковь или «дом святого Ивана».

Что же это за дом? Что за староста? Что за локоть?

Дом святого Ивана... Иван на Опоках... Так называли в древности одну из церквей, стоявших на обширном новгородском торге, на правом берегу Волхова. Она сохранилась до наших дней, пережив не один страшный новгородский пожар и разорение города. Разрушенная немецко-фашистскими оккупантами церковь в числе многих других памятников

старинны была реставрирована. Сейчас это – стройная белая церковь с одной небольшой главкой. Далеко не самая роскошная в Новгороде, который по количеству и великолепию своих церквей мог поспорить с любым городом средневековой Европы.

Но для нас она интереснее многих других церквей мира, потому что с ней связаны сведения о делах, как будто бы совсем не церковных.

Впервые эта церковь была построена в 1127—1130 годах. И через несколько лет после этого князь Всеволод (тот самый, о котором мы уже говорили) дал ей «уставную грамоту».

«И даю святому великому Ивану от своего великоимения, – писал он, – на строение церкви и в веки вес вошанной... И яз, князь великий Всеволод, поставил есми святому Ивану три старосты от житых людей и от черных тысяцкого, а от купцов два старосты, управливати им всякия дела Иваньская, и торговая и гостинная и суд торговый; а Мирославу посаднику в то не вступатца и иным посадником в Иванское ни во что же, ни бояром новгородским. А кто хочет в купечество вложиться в Иванское, даст купьцем пошлым вкладу пятьдесят гривен серебра, а тысяцкому сукно Ипское... а пошлым купцам ити им и отчинною и вкладом».

Мы видим, что эта грамота как будто утверждает какую-то общину. Ясно, что эта община купеческая. Установлены условия для вступления: очень высокий по тем време-

нам взнос – пятьдесят гривен серебра, да при этом еще обязательный «маленький подарок» новгородскому тысяцкому – кусок дорогого сукна, которое привозили в Новгород из далекого города Ипра (в современной Бельгии).

И за этот колоссальный взнос, который, конечно, мог уплатить далеко не каждый, купец становился... пошлым.

В наше время вряд ли кто будет доволен, если его назовут пошлым, а тем более согласится за это платить. Но в старину это слово имело совсем другое значение, чем теперь. «Пошлый» значило «старый», «исконный», так сказать, «освященный временем». Отсюда и слово «пошлина» – «старый, исконный обычай» («как исстари пошло, повелось»). Слова эти были уважительными.

И в самом деле, пошлый купец имел большие права и привилегии. Он и его наследники могли выбирать из своей среды старост, которые правили всеми делами общины, контролировали правильность веса на новгородском торге и в городе Торжке, взимали за это с торговавших там купцов чуть ли не всего тогдашнего мира определенные взносы – одним словом, играли руководящую роль в торговле (в особенности, в торговле воском), вершили торговый суд. А правителям Новгорода – посаднику и боярам – запрещено было вступаться в какие-либо дела общины. Организационным центром ее и была церковь Ивана на Опоках. Здесь велись все дела и переписка, производился «правильный вес», хранились меры и весы. Кроме старост, в этом принимали уча-

стие попы и дьяконы церкви, бывшие своеобразными канцелярскими служащими общины.

Вот что представлял собой «дом святого Ивана». Вот кто такие были Иваньские старосты и Иваньские попы.

Вы уже знаете, что в эпоху средневековья ремесленники объединялись в цехи. Но и купец не мог вести свою торговлю в одиночку. Он также должен был бороться за преобладание на рынке, защищать свои права от феодалов, обеспечивать порядок и безопасность торговли. Все это было под силу только объединению большого числа купцов. И такие объединения существовали повсюду – в Европе и на Востоке. Ученые называют их «гильдиями» (это средневековое немецкое название).

Устав Ивана на Опоках – это один из самых древних известных нам уставов купеческой гильдии в мире. Он был дан в 1134—1135 году, в тревожное для Новгорода время. Недаром князь заканчивал свою грамоту так:

«А городу, ни владыце, ни боярам весу не отымати у святого Великого Ивана, ни продавати моего данья великого князя Всеволода, а кто почнет вес отимати или продавати, или дом обидити святого великого Ивана... будет им тма, и соблазн, и казнь божия».

Не надеясь уже на мощь княжеской власти, князь грозил казнью божией. И в самом деле, не прошло и несколько лет, как Всеволод был изгнан из Новгорода и вскоре умер во Пскове. В Новгороде на несколько столетий установилась

феодалная республика, где верховодили бояре. Но большую роль играли в Новгородской республике и купцы, которые с помощью городских низов – «черных людей» – сумели защитить от бояр свои права.

Иваньская община процветала. Избирались Иваньские старосты, хранились в церкви эталоны мер и весов, единственно признававшиеся на новгородском торгу, текли в Иваньскую казну деньги – взносы и сборы.

Поэтому ничего нет удивительного, что и в XIV веке, через двести лет после описанных выше событий, существовал еще «Иваньский локоть».

Но что же такое «локоть»? Почему «локоть»?

Теперь мы привыкли к строгой международной системе мер, в основе которой лежит метр – одна сорокамиллионная часть меридиана. Но ведь эта система принята в нашей стране уже после 1917 года. А в Древней Руси, как и во многих других странах, применялись меры гораздо менее точные, но более доступные. Естественно, что первые меры были тесно связаны с человеческим телом – ведь легче всего было измерить что-либо, сравнив с длиной своей руки или ноги. Поэтому-то у многих народов Европы в древности основной мерой длины был фут – длина человеческой стопы (немецкое FuЯ – ступня). На Руси наименьшей мерой длины была пядь – расстояние между вытянутыми большим и указательным пальцами руки. А две пяди образовали локоть. Попробуйте приложить указательный палец к локтевому сгибу и

отложить две пяди в направлении от локтя к кисти. Вы упретесь примерно в основание среднего пальца. Вот вам и локоть.

Но ведь у одного человека и пядь и соответственно локоть больше, у другого – гораздо меньше! Ясно, что на торгу каждый не мог пользоваться собственной своей пядью, своим собственным локтем. Поэтому и понадобилось завести обязательный для всех «локоть» (на Руси он был немного меньше полуметра). Поэтому и называет устав о торговых мерах «Иваньский локоть».

СВЯТОГО ИВАНСКО

Лет шестьсот назад какой-то новгородец выстрогал эту палочку, похожую на линейку. Иваньские старосты строго отмерили ее по хранившемуся в церкви Ивана на Опоках «Иваньскому локтю», взяв, вероятно, за это немало. Только тогда, наверное, разрешено было вырезать на линейке надпись «святого ИЕваноск...» И каждый год локоть снова сверяли с Иваньским. Это был инструмент, необходимый каждому, кто торговал, например, материей. Позже, когда применялись уже несколько иные меры, такую твердую мерную линейку (правда, подлиннее) называли «аршин» (о человеке, который держался натянуто, говорили: «Как будто аршин проглотил!»). А в древности аршином служила линейка дли-

ной в локоть.

Много ли, мало ли мерили этим локтем, но только в конце концов он сломался и был брошен. Не сразу узнали его и археологи, когда нашли. А теперь он лежит в витрине музея как вещественное доказательство могущества древнерусской купеческой общины.

ТЕТРАДИ ОНФИМА

И Братило, и Коста, и Аврам – все эти новгородские ремесленники подписывали свои произведения. И не ставили какой-то значок-закорючку, а писали целые слова и фразы. Значит, они были не только мастерами своего дела, но и людьми грамотными, умели читать и писать. А ведь они – не князья или бояре, не дворяне или монахи, а простые люди, каких много было в Великом Новгороде. Наверное, грамота была тогда уделом не одних только знатных и богатых людей да ученых монахов. О Новгороде это можно сказать уже с уверенностью. Ведь в этом городе при раскопках нашли уже более шестисот своеобразных писем и иных записей.

«Бересто» или «берёсто» (как произносили в древности, установить трудно) – так называли их сами новгородцы, потому что писали эти грамоты не на дорогом пергамене из телячьей кожи, а на бересте – дешевом материале, который давала сама природа. С коры берез, какими так богаты были новгородские леса (до сих пор местность недалеко от Новгорода называется Подберезье), обдирали верхний тонкий, но достаточно прочный слой и писали на белой мягкой поверхности, процарапывая буквы заостренной (чаще всего железной, костяной или бронзовой) палочкой. Такие палочки и назывались в древности «писало».

Но грамоте надо учиться! Дайте бересту и писало взрослому человеку, никогда ранее не державшему их в руках, и он, конечно, не сумеет написать «бересто». Привычные ко всякой работе пальцы окажутся неловкими и беспомощными. Да и откуда знать ему буквы и их сложные сочетания, если он не учился? И хотя у нас нет точных сведений о том, что в Новгороде в эпоху средневековья были школы для детей, мы все же с полной уверенностью можем сказать, что дети там грамоте учились. Можно даже попытаться описать, как они учились. Нам расскажут об этом обрывки бересты, составлявшие «тетради» маленького новгородца, обучавше-

гося грамоте семьсот лет назад.

На чем он писал? На всяких клочках, не годных для писания взрослых. Одна «страница» его «тетради» – это просто доньшко старого берестяного сосуда, какие у нас до сих пор называют туесами. Но на этих клочках мальчик выводил довольно ровные строки, относительно ровные буквы. Они стоят правильными рядами, ни одна не вылезает из строки. Ученик старательно упражнялся: А, Б, В, Г, Д... БА, ВА, ГА, ДА... БЕ, ВЕ, ГЕ, ДЕ... Видно, и тогда грамоте учили «по складам»: сначала заставляли зубрить сочетания букв – слоги, а потом уж складывать эти слоги в слова. Теперь детей так не учат, но еще в прошлом веке школяры часами повторяли, бывало, за учителем: «Буки – Аз – БА! Веди – Аз – ВА...» и т. д. Вспомним стихи известного тогда поэта Василия Степановича Курочкина:

На лужайке детский крик:
Учит грамоте ребят
Весь седой ворчун-старик,
Отставной солдат.

.....
«Дружно, дети, все зараз:
Буки – Аз, Буки – Аз!
Счастье в грамоте для вас!»

Так дети приучались сочетания букв претворять в сочетания звуков. А буквы имели каждая свое название – «Аз, Бу-

ки, Веди, Глаголь, Добро...». И сама азбука получила свое название от имен двух первых ее букв – «Аз» и «Буки», как алфавит получил название от имен греческих букв «Альфы» и «Беты», или, как произносили в Византии, «Виты».

Кстати, об азбуке. А был ли у маленького ученика букварь, откуда он мог бы списывать буквы? Оказывается, мог быть и букварь. Новгородский букварь – это небольшая деревянная дощечка длиной сантиметров восемнадцать, шириной – семь. Верх ее затесан острым углом, низ – прямоугольный. На дощечке тщательно вырезаны подряд все тридцать шесть букв тогдашнего алфавита.

Теперь у нас меньше букв, мы упростили свою азбуку. А раньше нашей букве «З» соответствовали две буквы: «Зело» – его писали как латинское «S», и «Земля» – более похожая на наше «З»; кроме нашей буквы «И», было еще одно «і» – его писали в виде палочки с точкой над ней. Вместо нашего «ф» в новгородском букваре была буква «Фита» (Ϡ), были буквы «От», или «Омега» (ω), «Ять» (Ѣ), о котором нам уже случалось упоминать, и, наконец, «юсы» – большой и малый. Большинство этих букв обозначали звуки, которых теперь нет в нашем языке и которые мы не всегда даже можем восстановить.

Есть и находки, которые позволяют думать, что у некоторых школьников были специальные «приборы» для письма. Дощечка-азбука алфавитом внутрь укреплялась петлями на неглубоком ящичке, который, видимо, заполнялся воском. Получалась своеобразная тетрадь, открыв которую, списывали с ее же крышки буквы. На воске (в отличие от бересты) можно было не только писать, но и стирать написанное. Наверное, поэтому и палочка для писания заострялась только с одного конца, а другой был гладкий. Им-то можно было стирать буквы. Бронзовое или железное писало имело для этого плоскую лопаточку. Костяное – иногда закруглялось. А чтобы «инструмент» не потерялся, в тупом конце просверливали дырочку, так можно было носить писало на поясе или на кисти руки. Для особенно красивых писал делали иногда специальные маленькие кожаные футляры.

Тот мальчик, о котором мы говорим, к счастью для нас, писал своим писалом не на воске, а на бересте. Если бы он писал и стирал на воске, мы ничего бы о нем не узнали.

Часто он уставал и вместо регулярных упражнений писал какие-то бессмысленные сочетания букв. Отвлекаясь, начинал рисовать. Наверное, во все времена дети любили рисовать человечков. Вот человечки нарисованы тоже подряд, как буквы. Все с круглыми рожицами, глазами-точками, бесформенными туловищами, неизвестно как соединенными с ногами, с руками-палочками и пальцами-граблями. Пальцев на руке далеко не всегда полный комплект. Их то три, то

четыре, то пять. Зато у других человечков бывает по шесть и даже по восемь пальцев. Кисть руки, нарисованная таким способом, едва ли не больше головы человечка и по-детски выразительна.

Ученик был мальчик и, стало быть, как все новгородцы, будущий воин. Он, конечно, мечтал о воинской славе и попытался нарисовать сражение двух воинов. Вот враг повержен и пронзен копьем, а над фигурой конного победителя написано «Онфим».

Да, конечно же, это его самого звали Онфим! Это он победил врага!

Порисовав вволю и отдохнув, Онфим вновь принимался упражняться в письме. Трудные буквы он писал отдельно по несколько раз (например, проклятые «юсы», которые ему определенно не давались). Военская слава – это пока в мечтах. А сейчас пиши да пиши! Он очень старался и все же иногда допускал ошибки. Так, вместо «і» с точкой, так называемого «десятеричного», он написал обыкновенное «восьмеричное» «И» (сами эти названия «восьмеричное» и «десятеричное» даны потому, что в Древней Руси не употребляли привычных для нас арабских цифр. Каждая буква алфавита

обозначала одновременно и число. Например, «И» – 8, «I» – 10, «К» – 20, «Л» – 30 и т. д.). Наверное, Онфим сейчас не списывал с букваря, а писал под диктовку или наизусть и перепутал созвучные буквы. Но он заметил свою ошибку и приписал «десятеричное» с точкой в конце.

Но вот опять перерыв. Онфим рисует чудище. У этого создания четыре ноги, обращенные почему-то стопами назад, и закрученный баранкой хвост, какие, видно, бывали у собак испокон веков. Туловища почти нет, шея длинная-предлинная, как у лебедя, а морда – какого-то хищника кошачьей породы, может быть рыси. Прямо в пасть вонзилась оперенная стрела. Поперек шеи Онфим написал (конечно, от лица своего творенья): «Я зверь». Теперь не оставалось сомнений, сколь страшен этот зверь.

Но тут же в четырехугольной рамке опять надпись. «Поклон от Онфима ко Даниле», – написал юный Онфим. Наверное, ученикам рассказывали, как нужно писать письма. Многие письма на бересте, написанные взрослыми, начинались именно так: «Поклон от Филиппа...», «Поклон от Грикши к Есифу...» Еще недавно всякое письмо в деревню или из деревни содержало обязательно многочисленные поклоны от всех родных и знакомых. И Онфим так же вежливо обращался к какому-то Даниле, может быть, к такому же мальчику, сидевшему с ним рядом на уроках.

А сколько ему было лет?

Современные педагоги, посмотрев рисунки Онфима, думают, что лет восемь. Но руководитель новгородских раскопок и исследователь этих грамот Артемий Владимирович Арциховский полагает, что не более шести лет. Это весьма вероятно. Ведь в те суровые времена дети развивались раньше. В древних письменных источниках упоминаются совсем маленькие дети, умевшие уже читать. В наше время никто не возьмет на военную службу шестнадцатилетнего мальчика, а еще двести – триста лет назад молодой дворянин в шест-

надцать лет должен был «служить государеву службу». Нужно ли удивляться, что шестилетний Онфим, не представлявший еще твердо, сколько пальцев на руке у человека, откуда у него растут ноги и руки, уже учился грамоте.

А школяры постарше не делали таких наивных рисунков. Но и они развлекались по-своему. Вот узенький обрывок бересты. На нем два ряда букв:

НВЖПСНДМКЗАТЦТ...
ЕЪЪЯИАЕУАААХОЕИА...

Дальше тоже буквы, но «бересто» оборвано.

Что же это, бессмыслица, написанная уставшим мальчиком вроде Онфима? Ведь если читать, как мы обычно читаем, слева направо, по порядку, то не только нет никакого смысла, но нельзя даже заметить никакого порядка, какой обычно бывает, например, в прописях. Нет, совсем не бессмыслица. Это нехитрый шифр, вроде тех, какие и в наше время любят применять дети, то прибавляя к каждому слогу что-то, то перевертывая слова наоборот.

Если прочесть «бересто» не обычным способом, а вставляя после каждой буквы верхней строки находящуюся под ней букву нижней, то получится такая фраза:

«Невежа писа, недума каза, а хто се цита...»

Фраза, может быть, не слишком грамотна даже для того времени. В ней ясно видны характерные особенности новгородского говора: вместо «Ч» там до сих пор иногда говорят «Ц» (например, «цитать» вместо «читать»); «К», как и во

многих других русских областях, произносят более мягко, как «Х» («хто» вместо «кто»). Может быть, не всякое слово вполне понятно (например, что значит «недума»?), но озорной смысл написанного ясен каждому.

Это типичная шутка школяра над товарищем, которого заставляют писать что-то (обычно непонятное), а потом весело смеются получившемуся, впрочем, довольно безобидному ругательству, вроде: «Кто писал, не знаю, а я, дурак, читаю».

И тут, возможно, один из школяров заставлял другого писать подряд непонятные сочетания букв: сначала верхний ряд, затем нижний. Потом показал, что пишущий уже обозвал сам себя невежей, а прочтя написанное – и еще похлеще («а хто се цита...»). А второй школяр, которого разыграли таким образом, рассердился и разорвал коварное «бересто».

Вообще большинство найденных в Новгороде грамот разорваны. В этом нет ничего удивительного. Это не те грамоты, которые бережно хранили в каких-нибудь ларцах, имевших даже форму подголовья, чтобы можно было и ночью класть их под голову. Это отслужившие свою службу, ненужные записи, которые рвали и бросали.

Так и находят их археологи. Но не сразу посчастливилось найти «бересто», хотя ученые и знали, что такие грамоты могут быть. Ведь кое-где сохранились более поздние тексты, написанные на бересте чернилами. И с самого начала раскопок в Новгороде, более тридцати лет назад, Артемий Вла-

димирович Арциховский учил работавших в новгородской экспедиции студентов тщательно просматривать все находимые обрывки бересты: нет ли на них надписей? Сколько мы развернули, к примеру, берестяных свитков-поплавков, которые новгородцы в древности, как и теперь, во множестве привязывали к рыболовным сетям! В каждом из них надеялись найти грамоту – даже устав цеха. Однако прошло лет двадцать, прежде чем на бересте нашли первую надпись.

Это случилось в 1951 году. Работница экспедиции Нина Федоровна Акулова, отбирая находки, увидела на свернувшемся в трубку куске бересты какие-то странные знаки, похожие на буквы. Она рассказала об этом начальнику раскопа Гайде Андреевне Авдусиной. Бересту расправили в лаборатории, промыли и прочли первую надпись. А теперь таких грамот уже больше шестисот.

Но ведь береста очень хрупкая и не только легко рвется, но, если ее вынуть из влажной земли, где она пролежала сотни лет, при высыхании растрескается, а то и вовсе рассыплется в труху.

И вот найденные берестяные грамоты тщательно обрабатывают, промывают, дезинфицируют, расправляют, потом помещают в массивный гипсовый футляр, с одной стороны которого вставлено стекло, чтобы грамоту можно было читать.

Лежит такая грамота в витрине московского или новгородского музея как свидетель событий, которые произошли

в Великом Новгороде и Новгородской земле пятьсот – девятьсот лет назад. Когда-то ее содрали с березы в окрестностях Новгорода, осторожно и тщательно процарапывали на ней костяным или бронзовым писалом каждую букву.

Кто-то, быть может, не без волнения читал написанное. ведь не все грамоты – упражнения или шутки школяров. В большинстве из них говорится о важных делах. Крестьяне спрашивают господина, чем засеять землю. Приказчик записывает, сколько с какой деревни нужно взять налога. Купец – у кого он получил товар. Кабатчик – кто заложил ему что из одежды. Люди жалуются друг другу на семейные неурядицы. Жена извещает о смерти мужа. Да мало ли еще о чем писали на бересте!

Лет пятьсот назад один горожанин спрашивал московского митрополита, можно ли ходить по тому месту, на которое брошены куски разорванной грамоты церковного содержания. Неважно, что ответил митрополит, но сам этот вопрос свидетельствует, как нам кажется, о том, что берестяные грамоты могут еще найтись не только в Новгороде, но и в других крупных городах Древней Руси. В Москве найден процарапанный на бересте рисунок.

Во Пскове, Старой Русе, Смоленске, Витебске нашли уже и грамоты. Пока их немного, но вполне вероятно, что скоро этот перечень городов пополнится новыми названиями. Во всяком случае, писала из железа, бронзы и кости найдены уже более чем в тридцати русских городах (в том числе

в Москве, Киеве Минске Чернигове, Старой Ладого, Волковыске, Новогрудке, Старой Рязани и других). А где есть писала, должны быть и написанные ими грамоты.

ТАИНСТВЕННЫЙ ШРИФТ

Дети, играя друг с другом, писали тайнописью. Ставили рядом как будто бы несвязанные буквы, а при помощи простого «ключа» можно было прочесть насмешливую фразу.

Но бывали в жизни новгородцев и такие обстоятельства, при которых тайнопись становилась необходима взрослым. И мастер подписывал под своим произведением не традиционное и гордое «такой-то делал», а какую-то абракадабру, которую непосвященный прочесть не мог.

Вот большой деревянный крест, размером со стоящего с раскинутыми руками человека. Форма креста так затейлива, что мы, отвыкшие, к счастью, от всех этих церковных предметов, даже не сразу сообразим, что это – крест. Спереди он скорее похож на разросшееся деревцо с круглой кроной. От двух боковых его концов идут к верхнему и нижнему изогнутые ветви. Переплетения завитков-ветвей образуют четыре правильных круга в центральной части фигуры. В стороны также идут небольшие веточки. Вся поверхность по-

крыта изящными, завитками плоской резьбы. Среди этого пышного узора теряются размещенные по оси креста и на боковых его концах небольшие круглые образки с изображениями святых. На всех «ветвях» выступают еще маленькие крестики числом... 26! Перед нами произведение незаурядного художника-мастера тонкой резьбы по дереву.

Но, пожалуй, интереснее всего надпись, которую мастер вырезал внизу, на стволе креста. «В лето 6867 индикта 12 (это по нашему современному летосчислению получится 1359 год) поставлен бысть крест си. Господи Иисусе Христе помилуй вся христьяны на всяком месте молящися тебе верою чистым сердцем и рабом божиим помози поставившим крест си людгощичам и мне написавшему». А внизу стоит ФУПМЛААССРРЛКССТСГВВВМЛРРМЛААСС, а дальше маленький крестик и еще какие-то знаки. Прочитай, кто может!

ВЛѢ 2 Ѡ. 3. 3. ННДН ВІ.
 ПОСТАВЛЕНЪ БЫ КРТЪСН
 ГН. ІС. ХЕ ПОМНАУНЕСА ХРТЪСНЫ.
 НАСАКОВЪМЪ СТЬ МОЛА ЧАСАТОВЪ
 ВЪРОУ УТЪМЪ СРАЦЕМЪ И РАБОУ БЪ Ч
 НМЪ ПОМОУН ПОСТАВНВШНМЪ КРТЪСН
 ЛЮДОЩНУСМЪ. НМНѢ НА И ЗАВШЕМУ
 Ф. У. Т. М. А. С. Р. Р. А. К. Т. Е. В. В. З. М. А. Р. Р. М. А.
 М. А. С. С. + — Ч. Р. А. :

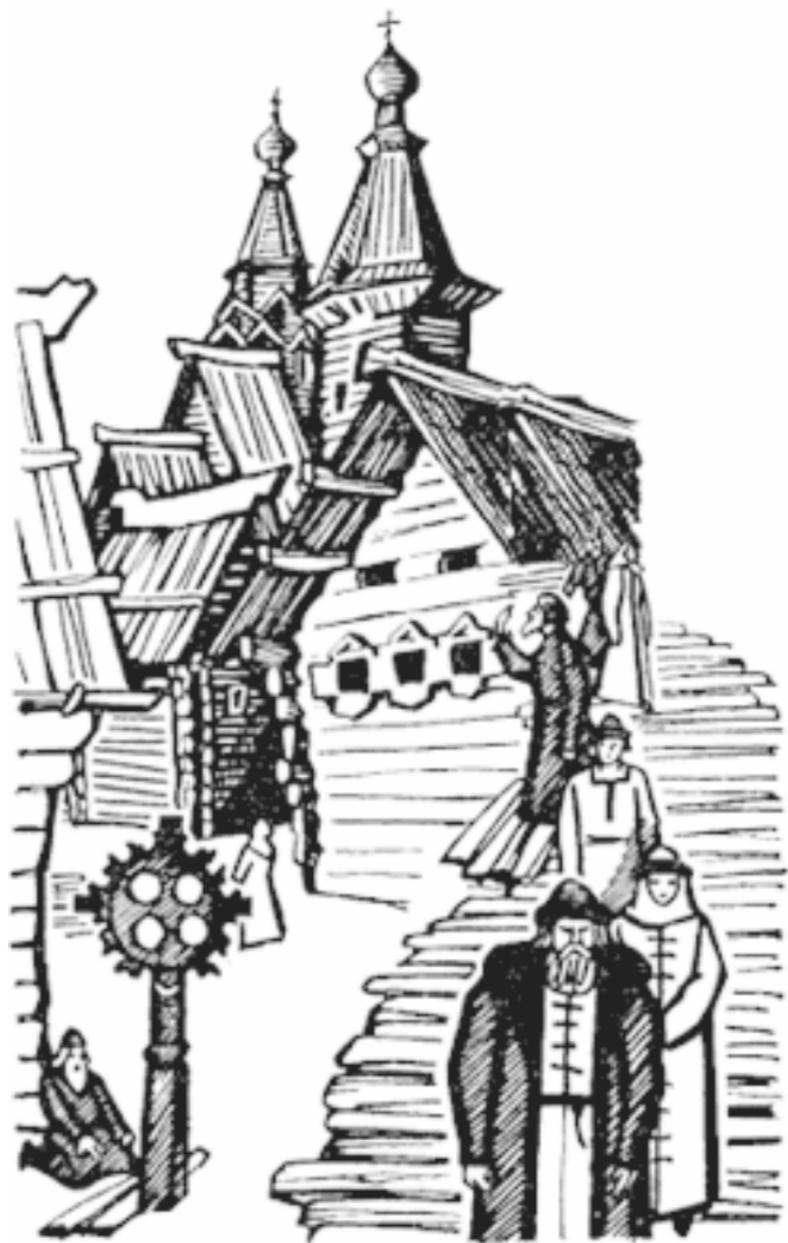
По смыслу всего текста тут должна быть подпись резчика (или резчиков). Ведь перед этой абракадаброй стоит знакомая уже нам традиционная фраза, призывающая бога помочь мастеру, сделавшему данную вещь. Вероятно, резчик и поставил свою подпись, но сделал это так, что разобрать ее мог только посвященный в его тайну.

Что же заставило мастера скрывать свое имя? Ведь произведение, казалось бы, достойно было всяческой похвалы — и работа прекрасная, и сюжет «душеспасительный».

Попробуем еще раз прочесть надпись. Сразу встанет вопрос: а кто такие «людгощичи», которые «поставили сей

крест»? В Новгороде была в древности улица, называвшаяся Людогощей. Вероятно, людгощичи, или людогощичи, – это жители Людогощей улицы. Вспомним, что в Новгороде было и свое самоуправление. Город в то время, о котором мы сейчас говорим, делился на пять районов – «концов»; всякий конец имел свое вече, своего старосту. Концы делились каждый на две «сотни» – их всего было десять, потому новгородское войско называли иногда «тысячей». Сотни состояли из улиц. Таким образом, «уличане» – жители одной улицы – были не просто соседями, но и объединялись в своеобразную организацию.

Но ведь на одной улице жили в городах того времени обычно люди, связанные и общим делом. Например, ремесленники одной профессии. В Новгороде была Щитная улица, где жили мастера-оружейники, изготавливавшие щиты. А специалисты по окраске тканей – красильники – жили на Красильницкой улице. Позднее в Москве были такие переулки, как Плотников, Колпачный, Серебряный и т. п. Эти названия сохранились до сих пор, но не всегда мы помним, что когда-то они имели вполне реальный смысл. И человек, хотевший заказать себе головной убор, в те времена смело отправлялся в Колпачный переулок, а тот, кому требовалось серебряное украшение, шел в Серебряный. Они, если даже не знали лично подходящего мастера, могли быть уверены, что на соответствующей улице такой найдется. Так было и в других городах Древней Руси, Западной Европы и Востока.

Красильницкая, Щитная и другие подобные улицы, конечно, были заселены простонародьем. Целые концы Новгорода получали названия по ремесленникам, видимо игравшим в них значительную роль, – Гончарский, Плотницкий. Но были и аристократические районы города, где жили знатные бояре и богатые купцы. Такой была, например, Прусская улица, где стояли дома многих бояр.

Улицы, значит, могли быть организациями богатых и бедных, интересы их были различные и зачастую сталкивались.

Итак, людгощичи, видимо, решили по какому-то случаю соорудить роскошный крест и заказали его мастеру-резчику. Но это все же не объясняет нам, почему резчик не решился подписать свою работу полным именем, а назвал только своих заказчиков – людгощичей – и то не по именам.

Ответ на этот вопрос все же находится в самом тексте посвятельной надписи. Дело в том, что людгощичи призывают милость на всех, кто молится верою, чистым сердцем *на всяком месте*.

На *всяком* месте! Значит, не обязательно в церкви. Вот тут-то и была крамола.

Известно, что господство церкви – все равно, католической, православной или магометанской – всегда тяжелым бременем ложилось на народные массы. Ведь церковь была сильнейшим союзником феодалов и сама выжимала из народа все соки. Однако бороться против церкви в те далекие времена можно было, только оспаривая те или иные поло-

жения церковников, а не религию вообще. Безбожники-атеисты появились лишь гораздо позже. А пока всякий протест народа против своих угнетателей выливался обычно в отказ от каких-то частей церковной обрядности. На Западе, например, одним из основных требований протестантов было вести церковную службу не на непонятном латинском языке, как это делала римско-католическая церковь, а на родном языке народа (например, французском или немецком).

Эти народные движения протеста не имели ничего общего с позднейшими реакционными сектами. В них не было ни сектантской замкнутости, ни изуверства, ни стремления увести верующих от действительной жизни, запутать их в сетях религиозных споров.

На Руси в середине XIV века также возникли народные движения, направленные против церкви и ее обрядов. Естественно, что центрами таких движений, или «ересей», как называли их церковники, были крупные города, где жило много грамотных ремесленников, людей сравнительно высокой культуры. И конечно, в Великом Новгороде возникло и развилось одно из первых таких движений. «Стригольники» – называли этих еретиков, потому что во главе движения стоял цирюльник (или, как говорили тогда, «стригольник») Карп, который и составил «писание книжное на помощь ереси своей».

Стригольники отрицали господствующую православную церковь, и в особенности попов и монахов, обвиняя их в

корыстолюбии и несправедном образе жизни. «Сии учителя пьяницы суть, едят и пьют с пьяницами и взимают... злато и серебро... от живых и от мертвых», – писал Карп, намекая на то, что ни одна церковная служба и даже похороны не совершались бесплатно. Как могут пользоваться доверием народа такие люди, которые все делают «по мзде», то есть за деньги, и заботятся только о накоплении богатства? Стригольники призывали не посещать церкви и, конечно, не давать денег попам. «Молиться можно везде, – утверждали они, – лишь бы сердце было чисто». Про них даже враги говорили: «Сии не грабят и имущества не збирают». Зная, как высок был для того времени культурный уровень новгородских ремесленников, мы не удивимся, что среди стригольников было много людей, успешно изучавших «словеса книжные», и что с их учением трудно было бороться полупьяным и темным попам.

Движение стригольников имело большой успех в Новгороде и Пскове. Однако сила была на стороне церкви. Мы знаем, как расправлялась средневековая церковь с еретиками. «Лучше плоть убить, но душу спасти», – лицемерно повторяли попы всей тогдашней Европы, приговаривая к смерти множество «инакомыслящих» людей. А так как церковь должна была бороться против пролития крови, то хитроумные церковники придумали способ «убивать плоть» еретиков без пролития крови – они попросту жгли осужденных на кострах.

Вот потому-то небезопасно было принадлежать к ереси. И мы легко пойдем теперь мастера, который не захотел поставить свою подпись на кресте людогощицей. Прочсть его хитрый шифр могли только некоторые посвященные. Большинство же современников не знали, как звали создателя этого прекрасного произведения искусства. Мастер на этот раз не прославился, зато, может быть, остался в живых и не разделил участи главарей стригольников.

В 1375 году, через шестнадцать лет после создания людогощинского креста, трех вождей движения – Карпа, дьякона Никиту и еще какого-то новгородца – сначала отлучили от церкви, а потом казнили. Казнь была такой, какую обычно применяли новгородцы, – осужденных сбросили с моста в быстрые воды Волхова. Церковников она вполне устраивала – ведь не было пролито ни капли крови.

Справедливости ради можно сказать, что не всегда только бунтовщиков сбрасывали с моста в Волхов. Нередко и восставший народ расправлялся так же с ненавистными боярами.

Итак, в те времена мастеру, по всей вероятности, удалось скрыть свое имя, оно оставалось неразгаданным достаточно долгое время. Но таково уж свойство человеческого ума: он не останавливается перед неразрешимыми загадками, пусть даже эти загадки заданы больше полутысячелетия тому назад. Имя мастера недавно разгадали. Сейчас вы его узнаете.

Однако прежде надо рассказать вам о тонкой работе со-

временных мастеров – реставраторов, без которой эта разгадка не была бы возможна.

Дело в том, что церковники, завладевшие впоследствии крестом, старались сделать эту красивую вещь еще красивее (разумеется, на свой вкус) – «благороднее», как они любили говорить. Для этого покрытый художественной резьбой крест... красили. Время от времени решали, что надо его «обновить», и перекрашивали. Под все утолщавшимся слоем красок исчезала тонкая резьба и самую надпись нельзя было уже прочесть целиком – до такой степени замазаны были буквы.

Более шестидесяти лет тому назад попытались срисовать и издать надпись на кресте. Но прочли при этом не все, и в книге И. И. Толстого и Н. П. Кондакова «Русские древности в памятниках искусства» напечатали шифр неточно.

После 1917 года крест, как и многие памятники искусства, подвергли научной реставрации. Впервые за многие годы его коснулась не невежественная («сонная», как говорил Пушкин) кисть маляра, а скальпель и губка реставратора. Осторожно, чтобы не повредить дерево, соскабливали засохшие вековые пласты красок. Где уж очень тверд был слой – отмачивали, растворяли краски, промывали особыми составами. И вот понемногу выступили на свет очертания замазанных еще столетия назад букв. Где раньше читался какой-то кружочек, напоминавший изображение солнечного диска, стала видна буква «Ф», где видели одно «С», оказалось их два и

так далее.

Ну, а когда надпись заново прочли, конечно, опять стали пытаться расшифровать загадочное имя.

Это удалось сделать Борису Александровичу Рыбакову.

Вы уже знаете, что таинственный шифр на людогощинском кресте – не единственная зашифрованная древнерусская надпись. И еще в начале нашего века Михаил Несторович Сперанский разработал основные приемы чтения таких тайнописей. Расположение букв одного слова в разных строках, о котором вы уже читали, не было единственным способом шифровки. М. Н. Сперанский выяснил, что очень часто наши предки пользовались для шифровки тем широко известным в их времена обстоятельством, что буквы имели и значение цифр (а – 1, в – 2, і – 10, к – 20 и т. д.). Еще в прошлом столетии многие помнили об этом давно утраченном цифровом значении букв и пытались решать с его помощью разные задачи. Вспомните, например, как в «Войне и мире» Пьер Безухов убеждает себя самого, что именно он должен убить Наполеона, подставляя цифры вместо букв своей фамилии, пытаясь получить из них ту же сумму, что выходит из букв имени Наполеона.

Но вот догадаться, какой именно ключ придумал для своей тайнописи древний мастер, было нелегко. Б. А. Рыбаков обратил внимание на то, что в зашифрованном слове часто повторяются сочетания двух одинаковых букв: іі, аа, сс, рр, вв и т. д. Если каждое такое сочетание дает известное число,

скажем, $вв - 2 + 2 = 4$, то, может быть, и другие пары букв, уже не одинаковых, тоже составляют число, только нечетное (например, $вг, 2+3 = 5$) или даже четное, но такое, половины которого нельзя записать одной буквой (скажем, 50 – ведь буквы со значением 25 не было). Может быть, такие числа резчик делил на неравные части? Что, если попробовать, найдя сумму для каждой пары букв, подставить на место этих пар по одной букве равного числового значения?

$$\text{ФУ} = 500 + 400 = 900 = \text{Я}$$

$$\text{П} = 10 + 10 = 20 = \text{К}$$

$$\text{МЛ} = 40 + 30 = 70 = \text{О}$$

$$\text{АА} = 1 + 1 = 2 = \text{В}$$

$$\text{СС} = 200 + 200 = 400 = \text{У}$$

$$\text{РР} = 100 + 100 = 200 = \text{С}$$

$$\text{ЛК} = 30 + 20 = 50 = \text{Н}$$

$$\text{СС} = 200 + 200 = 400 = \text{У}$$

$$\text{ТС} = 300 + 200 = 500 = \text{Ф}$$

$$\text{ГВ} = 3 + 2 = 5 = \text{Е}$$

$$\text{ВВ} = 2 + 2 = 4 = \text{Д}$$

$$\text{МЛ} = 40 + 30 = 70 = \text{О}$$

$$\text{РР} = 100 + 100 = 200 = \text{С}$$

$$\text{МЛ} = 40 + 30 = 70 = \text{О}$$

$$\text{АА} = 1 + 1 = 2 = \text{В}$$

$$\text{СС} = 200 + 200 = 400 = \text{У}$$

Теперь прочтите, что получилось в крайнем правом столбике, где буквы сверху вниз:

ЯКОВУСНУФЕДОСОВУ.

Конечно, вы нашли теперь уже имя – ЯКОВ. В надписи маленькая точка отделяет буквы «С» и «Т» как раз в начале слова ФЕДОСОВ. Ну, а СНУ означает «сыну»: в древнерусском языке можно было писать, выпуская некоторые гласные, например, «сн» вместо «сыну». В этих случаях сверху слова ставился особый значок – «титло», который, естественно, зашифровать было нельзя, да и незачем.

Итак, мастер вырезал на кресте:

И МНЕ НАПИСАВШЕМУ ЯКОВУ СЫНУ ФЕДОСОВУ.

Федосов, однако, не фамилия (тогда у рядового новгородца еще не могло быть фамилии), а отчество. В наше время этого человека звали бы Яков Федосович.

Вот и найдено имя новгородского мастера-резчика, который, как можно судить по его произведению, был и незаурядным художником.

Казалось бы, просто расшифровать, и даже удивительно,

почему этого не сделали еще тогда, шестьсот с лишним лет назад. Всегда так кажется просто то, что уже разгадали, но до этого надо додуматься и найти ключ к загадке. И вот раньше Б. А. Рыбакова, видимо, никто не мог найти.

Спокойно стоит в зале музея людогощинский крест. Лишь время от времени увозят его на какую-нибудь выставку шедевров резьбы по дереву. Взрослые и дети дивятся художественной его отделке.

Но не все знают об удивительной судьбе этой вещи. Она была создана в самом начале движения стригольников, когда к нему примкнули многие новгородцы, среди них и людогощичи, вступившие, видимо, в это движение всей улицей. Заказали крест искусному мастеру-резчику Якову, который если даже сам не был стригольником, то, наверное, сочувствовал стригольникам. Конечно, крест поставили не в церкви, а где-нибудь прямо на улице. Он пережил тяжелые дни расправы с этими вольнодумцами.

Потом люди уже не осознавали смысла надписи, не понимали, что она призывает к борьбе против церкви. А церковники, казнившие еретиков, не только не уничтожили креста, а наоборот, поставили его в церкви на той же самой Людогощей улице. Так они использовали творение не узанного ими еретика.

В церкви крест и стоял, наверное, до самого 1917 года. Оттуда он попал уже прямо в музей.

Но этим не кончилась история знаменитой уже вещи. Во

время Великой Отечественной войны захватившие Новгород немецкие фашисты увезли людогощинский крест в Германию, и только после победы он был, в числе многих других сокровищ, возвращен на родину. Здесь им занялся ученый-реставратор Государственных центральных научных реставрационных мастерских Ф. А. Мадоров. Это он укрепил разрушавшееся уже было дерево креста и удалил покрывавшие его толстые слои масляной краски, о которой мы уже говорили.

Обновленная вещь снова украшает Новгородский музей.

МЕЧ ДОВМОНТА

И Великий Новгород и его «младший брат» Псков постоянно подвергались военной опасности. В особенности со стороны «меченосцев» – немецкого рыцарского ордена, военно-разбойничьей организации, которая стремилась завоевать восточные славянские земли. Это было тяжелое время, когда русскую землю раздирали междоусобные войны князей. Потом по ней прошли полчища монголо-татарских ха-

нов. Вам, конечно, уже известно, что непосредственно после монголо-татарского разгрома Руси на нее обрушились с Запада сначала шведы, потом немцы. Знаете вы и то, что новгородцы во главе со своим князем Александром, прозванным за эту победу Невским, разбили и шведов и немцев, вернули захваченный было немцами Псков и отбросили рыцарей обратно в Прибалтику. Но нападения немцев повторялись не один раз и позже. В Новгородской и Псковской землях народ жил в постоянной готовности к обороне. И князья здесь были не полновластными владельцами княжеств, как в остальной Руси, а лишь воеводами, на обязанности которых лежало командование соединенными силами городских ополчений, боярских и княжеских дружин. Неудивительно поэтому, что символом княжеской власти был меч, что именно меч изображался, например, на монетах Пскова, что мечи псковских князей сохранились в качестве почитаемых реликвий.

В музее города Пскова еще в прошлом столетии показывали два таких княжеских меча. Один из них считался мечом князя Всеволода Мстиславича, другой – мечом князя Довмонта (Тимофея). Оба меча хранились прежде в Троицком соборе, игравшем в Пскове ту же роль, что и Софийский собор в Новгороде.

В конце прошлого – начале нынешнего столетия ученые-археологи занялись изучением этих реликвий.

Меч, приписывавшийся Всеволоду Мстиславичу, был поистине богатырским. Длина его достигала полутора метров,

огромная рукоять могла вместить не одну, а две человеческие ладони. Весил меч около семи килограммов. На прямой перекладине, отделявшей рукоять от клинка, выгравированы готические буквы гордой латинской надписи: «*Non opem meum nemini dabo*» – «Чести моей никому не отдам». Это – рыцарский меч, специально приспособленный для пробивания толстых стальных лат. Даже очень сильный человек не мог держать его в одной руке. Приподнявшись на стремянах, конный рыцарь двумя руками поднимал огромный меч высоко над головой и со страшной силой обрушивал на противника. Изображения корон на мече говорят, что он был сделан для какой-то владетельной особы. Такие мечи применялись в Западной Европе.

Что же, может быть, русский князь Всеволод Мстиславич сражался западным рыцарским мечом, который купил или, как тоже бывало, захватил в сражении у побежденного врага? Оказывается, нет.

Археолог Яков Иванович Смирнов доказал, что и буквы надписи на рукояти и украшения на ножнах меча такие, какие делали в Италии в XIV веке. Клинок его также итальянской работы того же времени. А князь Всеволод Мстиславич умер в 1137 году, то есть лет за двести до того, как итальянский оружейник сделал этот меч. Во времена же Всеволода, в XII веке, таких мечей еще не было. Тогда рыцарская броня была еще не так толста и тяжела. Лишь позднее, стремясь надежнее защититься от ударов стрел, копий и мечей, воины

побогаче стали носить броню, склепанную из цельных железных пластин. А для того чтобы пробить эту броню, изобрели и огромные двуручные мечи.

Видимо, еще в древности, но не ранее XIV века, произошла какая-то ошибка, и привезенный из Италии меч был приписан давно умершему Всеволоду. А может быть, церковники нарочно выдавали роскошный двуручный меч за оружие князя, которого они всячески прославляли и даже объявили «святым». Так ученый разоблачил ошибку или ложь, которым люди верили в течение нескольких столетий.

А вот другой меч отлично выдержал «экзамен». Он уже с первого взгляда производит впечатление более древней вещи, чем тот, о котором мы только что говорили. Длина его – немногим более метра, вес – всего два с половиной килограмма. Таким мечом мог сражаться обыкновенный воин, держа его в одной руке.

Если приглядеться внимательно к стальному клинку меча, то можно заметить на нем какое-то изображение, напоминающее фигуру бегущего зверя. Она была выбита в стали, потом углубленные точки были заполнены медью. Получилась медная инкрустация на стальном клинке, но с годами она изрядно стерлась. Все же можно разобрать, что зверь явно хищный и злой. Пасть его раскрыта, из нее торчит язык или жало. Это знаменитый «пассауский волчок».

Еще в XIII веке мастера-оружейники города Пассау, что до сих пор стоит на реке Дунае, на границе современных Австрии и Федеративной Республики Германии, прославились производством стальных клинков для мечей. Свои изделия цех пассауских оружейников метил фигурой «волчка» – фантастического зверя, похожего на волка, бывшего в гербе города Пассау. Клинки из Пассау были так хороши, что нашлось, как видно, немало желающих выдать свои изделия за пассауские, снабдив их изображением «волчка». Во всяком случае, уже в 1340 году «добрые пассауские оружейники» вынуждены были просить австрийского герцога Альбрехта утвердить этот знак исключительно для Пассау и запретить употреблять его в каком бы то ни было другом месте австрийских владений. «Волчок», изображенный на мече из Пскова, – ранний, какие применяли в Пассау еще во второй половине XIII века. Наверное, клинок этого меча и в самом деле был сделан каким-то мастером в Пассау. А рукоять меча, как считал Яков Иванович Смирнов, древнее клинка. Да и сам клинок первоначально был сантиметров на десять длиннее. Его укоротили со стороны рукояти.

Когда и как это могло произойти?

Нам не известны в точности обстоятельства, при которых австрийский клинок попал на Русь, и кто именно приделал к нему рукоять, но похоже на то, что клинок из Пассау с берегов Дуная попал на берега реки Великой, во Псков, и здесь был приспособлен уже местным оружейником к какой-то старой рукояти. Возможно, что клинок попросту был привезен каким-нибудь странствующим торговцем. Тогда торговали не только готовыми мечами, но и клинками. Но в этом случае непонятно, почему такой высококачественный и безусловно дорогой клинок был укорочен.

Попробуем представить себе, как все это случилось. Ведь это было, видимо, во второй половине XIII века, когда особенно часты и жестоки были столкновения псковичей с меченосцами. Может быть, какой-либо австрийский рыцарь (а у меченосцев служили рыцари из всей Западной Европы – свои грабительские нападения на Литву и Русь они именовали даже «крестовыми походами») потерял в битве свой пре-

красный пассауский меч. Может быть, этот меч испытал на себе удар русского оружия, да такой, что сломанный клинок отлетел и в руке владельца осталась лишь рукоять. Может быть, этот удар нанес даже сам псковский князь Довмонт? Во всяком случае, клинок достался именно ему. Довмонт велел приспособить его для себя, приделать другую рукоять. Так и получилось, что клинок был «укорочен со стороны рукояти», как заметил археолог, лет 600 спустя.

Интересно, что до нас дошло известие о том, какую роль играл этот меч в сражениях.

В 1278 году меченосцы во главе с самим магистром ордена вторглись в русские земли и осадили Псков. Положение было тяжелое. Но псковичи во главе с приглашенным еще лет за десять до того в князя Довмонтом упорно и смело оборонялись. Князь Довмонт происходил из литовского княжеского рода. Но еще в молодые сравнительно годы он из-за семейных неурядиц вынужден был покинуть Литву и через некоторое время стал псковским князем. С тех пор он верно служил русской земле, даже крестился и принял русское имя Тимофей. Не раз водил Довмонт в бой псковские полки. Незадолго до событий, о которых мы говорим сейчас, он участвовал во главе псковичей в знаменитом сражении при Раковоре, когда новгородцы и псковичи наголову разбили немцев.

И теперь псковичи задумали решающую вылазку, чтобы отбросить противника от стен Пскова. Тогда в псков-

ском Троицком соборе произошла торжественная церемония. При большом стечении народа князь Довмонт вошел в собор и положил свой меч на алтарь. И целая процессия служителей церкви во главе с игуменом торжественно проследовала к алтарю. Игумен Сидор взял меч и опоясал князя этим мечом. Церемония эта была настолько важна, что попала даже в новгородскую летопись. Наверное, она была нужна, чтобы поднять дух воинов, выступавших против врага. Князю-воеводе торжественно вручали меч как символ доверия государства и залог победы.

Немцы были с огромным уроном изгнаны из Псковской

земли. И в этих сражениях Довмонт участвовал не только как военачальник. Один летописец записал, что он «самого немецкого гроссмейстера ранил по лицу мечем своим». В жарком бою сталкивались не только простые воины, но и воеводы. Возможно, что еще не был забыт древний обычай поединка военачальников. Об этом обычае мы знаем также из рассказов летописцев.

Поединки богатырей перед общим сражением бывали и позднее. Так, в 1380 году на поле Куликовом с вражеским удалцом бился русский воин Пересвет.

Нет ничего удивительного в том, что и Довмонт схватился на поле боя с самим гроссмейстером меченосцев.

Довмонт пользовался большой популярностью в Пскове до конца своих дней. Меч его как символ победы помещали, как было сказано, даже на псковских монетах. При этом чеканщики монет изображали не вообще какой-то меч, а именно тот меч Довмонта, который и до сих пор хранится в Псковском музее.

Судьба этой вещи богата событиями. Рукоять меча, видимо, знала когда-то другой клинок, а клинок – другую рукоять. Клинок, сделанный в городе Пассау на Дунае, проделал путь через всю Европу в Ливонию, чтобы быть сломанным в битве на реке Великой под городом Псковом и переменить не только рукоять но и владельца. Лишь тогда меч получил тот вид, который он имеет и сейчас. В таком виде он пережил свои лучшие времена. Торжественно вручили его князю

псковичи, не раз сверкал он на полях сражений (и даже нанес удар самому гроссмейстеру ордена меченосцев), прежде чем найти покои в ризнице Троицкого собора, а затем – в Псковском музее.

Наконец, не всякая вещь может похвастаться тем, что с нее делали изображения на деньгах.

КРЕСТ ЛАЗАРЯ-БОГШИ

Эта вещь исчезла.

Пропала из музея во время второй мировой войны. Сохранились только цветные рисунки и негативы снятых с нее много лет назад фотографий, по которым мы и можем судить о замечательной работе древнего мастера.

Более восьмисот лет тому назад он сделал довольно большой «напрестольный» крест. Вместе с роскошно украшен-

ным евангелием такой крест лежал на священном покрывале престола в алтаре церкви; все тогда верили в его чудодейственную силу.

Когда этот сверкающий золотом и драгоценными камнями крест выносили из алтаря и молящиеся подходили прикладываться к нему, им казалось, наверное, что он целиком золотой. На самом деле это было не так. Основа креста была деревянной (всего вернее – кипарисовой), но ее покрывали десятки золотых пластин. На пластинах цветными эмалями, которыми так славилась Древняя Русь – красной, синей, зеленой, голубой, – изобразили различных «святых». Их миниатюрные лики, возле которых были еще более мелкие надписи, чередовались с изящными узорами. В особых ячейках креста помещались мощи трех «святых». Контур его окаймлял жемчуг; другие крупные драгоценные камни сверкали на поверхности креста.

Это была очень красивая и изящная вещь тонкой работы искусного мастера. Ей, как говорится, цены не было.

Впрочем, цены не было в наше время, а в древности была вполне определенная цена, и мы довольно точно ее знаем.

Дело в том, что боковые грани креста покрывали уже не золотые, а серебряные (правда, позолоченные) пластины, которые для нас, пожалуй, не менее, а более ценны, чем золото, эмаль и драгоценные камни, благодаря замечательной надписи, которая выбита на них:

«В лето 6669 покладает Офросинья честный крест в ма-

настыри своем в церкви святого Спаса. Честное древо бесценно есть, а кованье его, злато и серебро, и камень, и женчуг в 100 гривн, а (тут прочесть нельзя – в этом месте крест брали руками, одна пластина истерта так, что видны лишь верхушки двух букв, а другая отпала совсем)... 40 гривн».

Прервем на минуту чтение надписи, постараемся глубже вникнуть в смысл того, что уже прочли.

Крест сделан в 6669, то есть по нашему летосчислению – в 1161 году, видимо, по заказу какой-то Офросиньи или, правильнее, Евфросинии, в подарок церкви Спаса в ее, Евфросинии, монастыре. Кто такая Евфросиния и где был этот монастырь?

Евфросиния – полоцкая княжна, внучка знаменитого князя Всеслава. Ко времени изготовления креста ей было уже лет сорок, она была известна своими познаниями в книжном деле и заботами о полоцких церквях, а позднее совершила паломничество к «святым местам» и умерла в 1173 году в одном из иерусалимских монастырей.

Основанный Евфросинией монастырь стоял в Полоцке, на берегу речки Полоты, притока Западной Двины. Надпись и рассказывает, во сколько обошелся Евфросинии этот крест.

Во-первых, «честное древо бесценно есть». Вероятно, тут намек, что само дерево, из которого была основа креста, считалось частью какого-то другого, очень святого предмета, например, гроба богородицы или самого «гроба господня». В те времена по свету ходило немало таких «святынь», выда-

ваемых церковниками за подлинные. Кто-то позднее даже сострил, что если бы сложить вместе, например, все находящиеся в обращении «частицы ногтя Христова», то получился бы ноготь величиною с дом. Подобные реликвии могли продавать или дарить. В особенности принято было, чтобы церковные иерархи дарили их светским феодалам.

Разумеется, за подарок нужно было отдаривать, и если предположить, что княжна получила «честное древо» от какого-то епископа для построенного ею монастыря, то надо думать, что и это высокое духовное лицо не осталось без ответного дара – например, что в его епархию была подарена какая-нибудь драгоценная церковная утварь, а то и целое сельцо с крестьянами. Так это было в данном случае или как-либо иначе, но стоимость «бесценного честного древа» в эту своеобразную расценку не вошла.

Во-вторых, «кованье», то есть материалы для оковки и украшения креста – золото, серебро, жемчуг и иные драгоценные, камни. Стоило это все много – сто гривен.

В-третьих, «лаженье», как думают некоторые исследователи, – работа мастера. Борис Александрович Рыбаков предположил по остаткам букв, что утраченные слова были: «а лаженье» и дальше сохранилась цифра «40 гривн». Эту сумму мастер получил за свой труд.

Итак, крест обошелся Евфросинии в сто сорок гривен серебра (не считая возможного «отдарка» за «честное древо») – деньги по тому времени огромные. На них можно было ку-

пить, например, до шестисот дорогих лисьих мехов – целое состояние заморского купца. Или сделать добротную бревенчатую мостовую длиною версты в три.

Интересно и то, что работа ремесленника-ювелира оценена немного менее, чем в половину стоимости драгоценных материалов. Это тоже высокая цена. Если бы мы даже не видели великолепной художественной работы, по одной цифре оплаты можно было бы заключить, что княжна заказала крест первоклассному мастеру.

Но кому же? Как его имя?

Оказывается, на кресте есть и оно. Не на тех пластинах, где помещена та длинная надпись, а внизу креста, где выбиты ячейки для мощей.

Возле одной из них, под изображением святого Пантелеймона, крупная надпись: «МОЩЕ СВЯТОГО ПАНТЕЛЕЙМОНА», а еще ниже, по бокам, мелкими-премелкими буквами написано:

господи помози ра
боу сво
ему лазо
рю наре
чено мою
богъ ши
сде лав
ше мою
кръ ст

сии цер
кви свята
го спаса и
офросиньи.

Это не тайнопись, просто строчки разорваны. Читается легко, слева направо, сверху вниз: «Господи помози рабоу своему Лазорю, нареченому Богъши, сделавшему крест сии церкви святаго Спаса и Офросиньи».

Мастера звали Лазарь – это было его «крестное» имя, – а в просторечии называли Богъша (вспомните Фрола, который звался Братилой). Богъша или, как говорили позднее в Литве, Польше и Чехии, Богуш – уменьшительное от имени Богуслав, распространенного на северо-западе русских земель и у западных славян. Имя это славянское, древнее и совсем не обязательно христианское, несмотря на корень «бог», который вы в нем слышите. Ведь и до введения христианства у славян были боги, которых они славили, так что имя Богуслав, а уменьшительно – Богша вполне закономерно противопоставлено в надписи христианскому имени того же человека – Лазарь.

Итак, мастер Лазарь, нареченный Богша, и был тем первоклассным ювелиром, которому княжна Евфросиния заказала напрестольный крест для своей церкви. Конечно, человек он был не бедный (если даже не очень часто получал по сорок гривен за свой труд), а зажиточный городской ремесленник. Наверное, из города Полоцка.

Но вернемся к надписи, которую мы начали читать.

Оказывается, после обозначения цены креста, Евфросиния велела мастеру поместить на этом священном предмете страшное заклинание:

«Да не изнесеться из монастыря никогда же яко ни продати ни отдати. Аще же кто преслоушает, изнесет из монастыря, да не боуди емоу помощник честный крест ни в съ (сей) век ни в боудущий и да боудть (будет) проклят святою

животворящею троицею и святыми отци 300 и семью собор святых отец и боуди емоу часть с Иудою иже преда Христо-са. Кто же дерзнет сотворити с(е)... властелин или князь или пискоуп (епископ) или игоуменья или ин который любо человек а боуди ему клятва си. Офросинья же раба Христова, стяжавши крест сий, примет вечную жизнь с все (ми святыми)».

Разумеется, благочестивая княжна, сделавшая церкви такой драгоценный подарок, могла рассчитывать на вечное блаженство. Дар же ее должен был вечно оставаться в монастыре, его нельзя было ни продать, ни отдать. А если бы и нашелся такой человек, который ослушается («преслушает») этого приказа, то кто бы он ни был – князь, епископ или игуменья (монастырь, стало быть, был женский), – на его голову обрушится страшное наказание. Он будет проклят святой троицей (то есть богом во всех трех его лицах: богом-отцом, богом-сыном и богом – святым духом), и тремястами пастырей церкви, и семью их (если можно так выразиться) съездами («соборами»). Его ожидает участь хриstopродавца Иуды (а тот, согласно евангельскому преданию, повесился, но и этим не избавился от адских мук за свое предательство), и сам святой крест такому человеку ни в чем не поможет. Вот смысл этого заклятья, которое должно было утратить всякого верующего.

Может быть, так оно и было? Может быть, крест так и пробыл в соборе Евфросиниева монастыря больше семи с половиной столетий потому, что никто не осмелился нарушить страшное заклятье, которое княжна велела Лазарю-Богше начеканить на серебряной пластине? Ведь и после 1917 года он еще был там!

На самом деле было совсем не так. Этот крест путешествовал едва ли не больше всех вещей, о которых вы читали в нашей книге. Он пережил такие приключения, что о нем писал даже летописец.

Прошло больше четырехсот лет после того, как крест подарили полоцкому монастырю, и московская летопись говорила о Ливонской войне, о походе на Полоцк, который возглавил сам царь Иван Грозный. Там, между прочим, сказано: «...Бе же тогда в его царской казне крест полоцкий укра-

шен золотом и камнем дорогим, написано же на кресте: «зделан сий крест в Полоцку повелением княжны Евфросинии и поставлен во церкви всемилостиваго Спаса, да не изнесет из тое церкви никтоже; егда же кто его из церкви изнесет, да примет с тем суд в день судный». Как видите, речь идет о том самом кресте, что сделал Лазарь-Богша. Летописец передал даже довольно точно, хоть и кратко, смысл заклинания.

Потом он рассказал о дальнейшей судьбе креста, которую узнал по сохранившимся еще тогда преданиям: «Неции (некоторые) же поведают: в прежний некогда... меж себя смольняне с полочаны воевахуся и тот крест честный смольняне в Полотцку взяша в войне и привезоша в Смоленск...»

Вот оно, значит, как было: крест увезли из Полоцка в Смоленск. Но когда?

Известно, что войны между Смоленском и Полоцком начались в 1180 году и длились до самой середины следующего столетия. Смоленские князья захватывали Полоцк, княжили в нем. Надо думать, что кто-нибудь из них и приказал увезти в Смоленск полоцкую святыню. Недаром Евфросиния опасалась, что крест может взять прежде всего «властелин или князь».

Значит, несмотря на заклятье, крест пробыл в Спасском соборе недолго: может быть, всего двадцать лет, может быть, пятьдесят, но не больше восьмидесяти.

Однако приключения его только начинались. Смоленск

потом и сам оказался под властью литовских князей и пробыл в составе Польско-Литовского государства лет сто пятьдесят. В 1514 году его взяли уже московские войска.

«Егда же благочестивый государь князь Василий Иванович всеа Русии вотчину свою Смоленск взял, – читаем в той же летописи, – тогда же и тот честный крест во царствующий град Москву привезен».

Стало быть, пробыв в Смоленске лет триста с лишним, крест в 1514 году попал в Москву.

Такая роскошная вещь была, наверное, украшением главного смоленского собора (в 1495 году с него даже сделали в Смоленске копию) и в Москве должна была попасть в одну из наиболее почитаемых церквей: может быть – в Успенский собор, может быть – в Архангельский, а может быть – и в домашнюю церковь московских великих князей – Благовещенский собор. Но не исключено, что в Москве, где и без того было много драгоценной церковной утвари, крест и не употреблялся по прямому своему назначению, то есть не украшал церковного алтаря, а просто лежал в какой-нибудь из кладовых. Так тоже можно понять замечание летописца, что крест был «в царской казне».

Но и в Москве он пробыл менее полувека. В 1563 году собирались в поход на Полоцк. «Царь же и великий князь, – писал летописец, – тот крест обновити велел и украсити и тот честный крест взя с собою и имея надежду на милосердаго бога и на крестную силу победите врага своя, еже и бысть».

Трудно сказать, в чем выразилось обновление и украшение креста. На нем нет никаких признаков работы шестнадцатого века. Похоже, что мастера Ивана Грозного ничего не прибавили к работе Лазаря-Богщи. Разве вставили какие-нибудь камни, если прежние выпали, или обновили жемчужную обнизь.

Но для нас важно сейчас другое. Богобоязненный царь не хотел держать у себя святыню с таким страшным заклатьем. Хоть не он, и даже не его отец, а кто-то из смоленских князей нарушил запрет даже больше трехсот лет назад, все же лучше вернуть крест.

А может быть, чудодейственная сила креста даже поможет взять Полоцк, если дать обет в случае счастливого похода водворить эту святыню на место, в Евфросиниев монастырь?

Больше двух недель длилась осада Полоцка. Царь останавливался неподалеку от монастыря и, конечно, торжественно возвратил крест в Спасский собор. Полоцк и в самом деле был взят, что дало возможность летописцу закончить свой рассказ сообщением о помощи, оказанной крестной силой: «еже и бысть» – «так и случилось».

Но через шестнадцать лет польский король Стефан Баторий снова осадил и взял Полоцк. И хотя борьба за этот город продолжалась еще не одно десятилетие, хотя на короткое время он снова оказывался в руках русских, все же окончательно Полоцк вернулся в состав России только лет через двести.

Все это время крест не покидал Полоцка. Однако в Евфросиниевом монастыре он и во второй раз пробыл недолго. Не прошло и двадцати лет после возвращения креста, как и сам монастырь был отнят у православных и передан католикам-иезуитам. Те сначала оплошали и согласились отдать творение Лазаря-Богши в Софийский собор Полоцка, принадлежавший тогда «униатам» – сторонникам созданного в те времена объединения («унии») православной и католической церквей. Но вскоре иезуиты раскаялись в этом поступке и стали требовать драгоценный крест обратно. При этом они ссылались как раз на заветие Евфросинии, запрещающее выносить крест из монастыря, «забыв» о том, что монастырь-то стал другой веры. Такой поистине иезуитский довод не имел успеха. Тогда «святые отцы» попытались попросту украсть золотой крест, заменив его дешевой подделкой, – и тоже неудачно. Монах-иезуит сумел тайно проникнуть в алтарь униатского храма, должно быть, не без страха взял с престола драгоценный крест и положил вместо него принесенный с собой дешевый. Он даже успел выйти со своей ношей из церкви, но, наверное, подделка была плохая: настоящего креста тут же хватились. Известно, что вор был задержан на улице. Крест пробыл в униатском соборе более двух с половиной столетий.

Лишь в 1839 году, когда уния в России была отменена, творение Лазаря-Богши возвратили православным. Те сначала использовали его для своей церковной пропаганды.

Крест побывал и в Петербурге, и во второй раз в Москве. Всюду его показывали верующим, собирая, конечно, при этом деньги «на восстановление храмов». Не обошлось тут без спекуляций и ссор. Один обиженный церковник писал потом, какие огромные суммы удержало при этом столичное духовенство для своих церквей. Впрочем, и ему самому для полоцкого монастыря осталось немало.

Все же крест благополучно вернулся в Полоцк и был – уже в третий раз – торжественно водворен на престол в алтаре Спасского собора Евфросиниева монастыря (теперь уже снова православного). В 1928 году крест перевезли в столицу Белоруссии – Минск, конечно, не в собор, а в музей. Здесь и застала его вторая мировая война.

Ученые заинтересовались этой вещью почти двести лет назад. Ее описывали и зарисовывали, а когда появилась фотография – и фотографировали. Читали и объясняли надписи. И если не считать одной малоосновательной попытки приписать крест не Евфросинии, а ее сестре Параскеве, вокруг него не возникало серьезных споров.

Но, как это ни странно может показаться, наиболее полное описание произведения полоцкого мастера сделано всего лет пятнадцать тому назад человеком, который... никогда не видел своими глазами самого этого креста.

Леонид Васильевич Алексеев, исследователь древней Полоцкой земли, настойчиво разыскивал малейшие сведения о кресте, подаренном Евфросинией. Беседовал с местными

краеоведами, видевшими когда-то этот крест, рылся в старых бумагах. В архиве одного из ученых, прежде писавших о нем, удалось разыскать негативы фотографий шедевра Лазаря-Богши. И это было большим успехом, потому что после войны этой замечательной вещи уже не нашли. Ее не оказалось ни среди коллекций музеев, эвакуированных в глубокий тыл, ни среди награбленного фашистами добра, которое удалось найти и вернуть.

Княжна Евфросиния, а по ее приказу и мастер Лазарь-Богша сделали все, что было в их силах, чтобы драгоценный подарок вечно оставался на одном месте. Для этого, согласно верованиям того времени, призвали на помощь крестную силу.

А получилось как раз наоборот: в течение восьми столетий эта вещь сменила, пожалуй, больше хозяев и мест своего пребывания, чем многие другие «святыни». По своеобразной иронии судьбы, она побывала в руках православных, католиков и униатов, в Полоцке, Смоленске, Москве, Минске, Петербурге, она пробыла где месяц, другой, где десятки, а то и сотни лет. И в том, что до сих пор она все же возвращалась в Полоцк, в Евфросиниев монастырь, надпись сыграла известную роль. Одни боялись заклятья (впрочем, мы видели, что больше было таких людей, которые не боялись), другие стремились как-то использовать его в своих интересах, но если бы не было этой надписи, может быть, давно забыли бы, откуда и взялся крест?

Мы не знаем, существует ли сейчас вообще крест Лазаря-Богши. Лежит ли он в какой-нибудь пещере или подземелье, припрятанный фашистами и еще не открытый. Или, может быть, его похитил какой-нибудь изувер-церковник и держит в своем тайнике «до лучших времен», которые для него уже никогда не настанут. Или какой-нибудь фашистский офицер давно уж велел ободрать с креста золотые пластины, чтобы заказать из них украшение для своей жены, или его продали какому-нибудь миллионеру, совсем даже не германскому.

Все может быть. Но пока мы не знаем точно, что крест уничтожен, мы должны всюду искать его, чтобы вернуть на родину, как великолепный памятник культуры, как работу прекрасного мастера-ювелира Лазаря-Богши.

ПОРТРЕТ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

Еще недавно в музее древнего русского города Владимира показывали несколько странный экспонат. В витрине под стеклом лежал... человеческий скелет. А над ним была помещена длинная надпись. Это была выписка из медицинского заключения. Казалось бы, при чем тут медики? Ведь мы находимся в музее, посвященном истории края, притом в отделе, где собраны экспонаты глубокой древности. Оказыва-

ется, современные ученые – биологи, антропологи, рентгенологи и даже специалисты по судебной медицине – могут много сделать для изучения событий, которые происходят не только в наше время, но которые происходили сотни и даже сотни тысяч лет назад.

Сын князя Юрия Долгорукого, князь Андрей Юрьевич, как известно, окончательно перенес столицу русского государства из Киева во Владимир. Неподалеку от города, в селе Боголюбове, он построил себе белокаменный замок. За этот дворец и прозвал летописец Андрея Боголюбским, да и до сих пор его знают под этим прозвищем. Князь вел жестокую борьбу за укрепление своей власти с боярами, и прежде всего со знатью Ростовской земли. Кое-кто из ростовских бояр сговорился между собою убить князя, надеясь захватить власть в свои руки. Заговор этот увенчался успехом, и в 1174 году Андрей был убит в своем боголюбовском замке. Но горожане не поддержали бояр, и вскоре на владимирском великокняжеском престоле оказался младший брат Андрея, Всеволод Юрьевич, которого впоследствии называли Всеволод Большое Гнездо.

Естественно, что погибший так трагически князь Андрей был объявлен мучеником, а много позже церковь даже канонизировала его (то есть объявила «святым»), и в Успенском соборе города Владимира в течение нескольких столетий верующим показывали «мощи» «святого» князя в роскошной «раке» – гробнице.

Принадлежит ли лежащий в гробнице скелет в самом деле Андрею Боголюбскому? Больших сомнений в этом не было. Но, может быть, все же туда положили когда-то скелет первого попавшегося человека? Это было тоже довольно вероятно. Ведь Андрей, как мы уже говорили, был убит заговорщиками, и до подавления восстания прошло много времени. А если это действительно скелет Андрея, то нельзя ли узнать что-нибудь еще о характере князя, об обстоятельствах его смерти?

Тут историкам пришли на помощь медики, рентгенологи. Но им пришлось работать как специалистам по так называемой судебной медицине, которым на практике приходится решать и не такие сложные вопросы. «Делом Андрея Юрьевича Боголюбского» занялись Д. Г. Рохлин и В. С. Майкова-Строганова. Для того чтобы ученые не поддались невольно соблазну подтвердить известную уже версию, им не сказали ничего ни о месте, где найден скелет, ни о том, кому он мог принадлежать. Археолог Николай Николаевич Воронин передал им просто «скелет неизвестного».

Но мы, прежде чем рассказать о результатах работы, поступим так, как обычно поступают судебные медики, – ознакомимся с обстоятельствами «дела», взяв их на этот раз не из канцелярии следователя, а непосредственно из летописи. Летописец еще в те отдаленные времена описал события, связанные с убийством Андрея. Он назвал даже некоторых заговорщиков – родственников известного по легендам вла-

дельца Москвы боярина Кучки – Якима Кучковича (очевидно, сына) и Петра – зятя Кучкова. В заговоре участвовал и приближенный Андрея, ключник «ясин» (возможно, «осетин») Анбал. Это он заранее похитил из спальни князя меч, с которым бывалый в боях Андрей никогда не расставался.

И вот однажды в темную ночь в новом белокаменном княжеском дворце разыгрались трагические события. Убийцы ворвались в спальню (как говорит летописец, «ложницу») князя и «стали все рубить его саблями и мечами». Однако Андрей не только не растерялся, но, даже, будучи безоружным, оказывал отчаянное сопротивление. Он устремился навстречу нападавшим, в наступившей темноте одного из них подмял под себя и, возможно, даже убил. И сам упал без сознания под сыпавшимися на него ударами...

Убийцы спешно покинули спальню, унося с собой, как они думали, тело Андрея (на самом деле это был труп их же сотоварища). Но, не успев еще далеко отбежать, они услышали стоны. Это был голос Андрея, такой знакомый и страшный. Тогда убийцы поняли свою ошибку и устремились обратно. В спальне, когда ее осветили колеблющимся огнем факелов, князя не оказалось. Он очнулся и, преодолевая слабость, вышел из комнаты в нижний этаж дворца, находившийся под террасой второго этажа – «сенями». «Он же подбежал под сени, – пишет летописец, – налезыше его ту и скончаша. Петр же ему оття руку десную». Видимо, кровавый след и стоны Андрея помогли убийцам найти его под сеня-

ми. Тут же они его и прикончили, и Петр, Кучков зять, отрубил ему, как пишет летописец, правую («десную») руку. Все это мы можем узнать и представить себе по древней летописи. Обстоятельства, как мы сейчас увидим, достаточные для того, чтобы медики могли опознать скелет человека даже через 600 лет.

А вот что было сообщено Николаю Николаевичу Воронину из рентгено-антропологической лаборатории Государственного рентгенологического института в Санкт-Петербурге (вспомним, что медики не знали, кому мог принадлежать скелет).

Это был, заключили они, мужчина выше среднего роста, крепкого сложения, с сильными мышцами, видимо бывавший в боях, о чем говорят следы старых ранений на костях. Старая болезнь позвоночника (некоторые позвонки срослись) не позволяла ему сгибать шею. Волей неволей он держал голову всегда высоко поднятой, что должно было немало раздражать окружающих, усматривавших в такой манере признак заносчивости. Человек этот был убит не сразу, а после ожесточенной борьбы. Только один удар – рубящим оружием по левой ключице – был нанесен ему человеком, стоящим спереди. Убийцы нанесли множество ударов. Некоторые из них оставили следы на костях, но были ведь и такие, которые костей не затронули. Рубящим оружием человека ударили по затылку, колющим – в лоб, рубящим – в плечевой сустав, плечо, предплечье и кисть левой руки, ру-

блящим оружием – в бедро, и всё сбоку и сзади. «Сбоку и сзади опытным бойцом был нанесен удар мечом по левому плечу... Этот удар, вызвавший значительное кровотечение и несомненно сделавший человека длительно небоеспособным... не удовлетворил нападавших. Были нанесены новые удары, несомненно неодинаковым оружием, – сравнительно легкий, ошеломляющий удар сзади по затылку рубящим оружием... и, кроме того, тяжелое ранение, нанесенное сбоку колющим оружием (копьем) в лобную кость. Последнее ранение могло бы само по себе повлечь в дальнейшем смерть. Затем посыпался целый ряд ударов мечом или саблей по человеку, лежавшему на правом боку. Рубили не только лежащего, но безусловно беззащитного человека, истекавшего кровью, рубили некоторое время, по-видимому, уже труп. Этого, конечно, не бывает ни в единоборстве, ни в сражении, это – нападение нескольких человек, вооруженных разным оружием, с определенной целью: не ранения... а убийства тут же на месте, во что бы то ни стало».

Таково заключение медиков. И не надо, пожалуй, быть опытным судьей, чтобы убедиться, что это был именно скелет Андрея Боголюбского, погибшего в результате того нападения бояр-кучковичей, которое описано в летописи.

Однако были все же два обстоятельства, которые нужно было еще объяснить.

Прежде всего, известно, что Андрею в год его смерти было 63—64 года. Как мог старик на седьмом десятке, да еще

безоружный, так упорно сопротивляться нескольким вооруженным до зубов опытным воинам (какими, несомненно, были тогдашние бояре) да еще убить одного из них? Ответ на этот вопрос дает все то же медицинское обследование скелета, позволившее установить некоторые особенности деятельности желез внутренней секреции. Андрей, как мы бы сейчас сказали, «хорошо сохранился»: в 63—64 года ему можно было дать не более 50—55 лет. Как говорят, «его костный возраст был гораздо меньше паспортного». Андрей был раздражителен, быстро реагировал на все происшествия. В моменты гнева движения его были быстры, глаза сверкали; он мог производить свирепое, пугающее впечатление. Обо всем этом говорило исследование деталей строения костей.

Но в летописи сказано, что Петр, зять Кучков, отрубил Андрею правую («десную») руку. А у скелета была перерублена в нескольких местах и потом совсем отрублена не правая, а левая рука. Может быть, все-таки это не тот скелет? Нет, скорее, мы вправе усомниться в правильности сведений летописца, который составил свой рассказ уже после подавления восстания, когда тело Андрея уже лежало в гробу и не было хорошо видно. И, желая еще усилить впечатление зверского убийства, он написал, что отрублена именно «десная» рука.

В другой, более поздней летописи на рисунке, иллюстрирующем это событие, художник изобразил отрубленной именно левую руку. Наверное, искушенный в боях князь, не

найдя на привычном месте ни меча, ни щита, бросился навстречу нападавшим, обмотав левую руку плащом или еще чем-нибудь, чтобы иметь возможность хоть как-то отражать удары. Но окружившие его убийцы так сильно рубили мечами, что перерубили ему руку в нескольких местах. А потом, уже под сеньями, когда Андрей упал на правый бок, руку и вовсе отрубили.

Так медики поправили летописца.

Но это еще не все. Оказалось, что по скелету можно восстановить облик Андрея не только умозрительно, но и вполне реально. За это взялся антрополог и скульптор Михаил Михайлович Герасимов.

Всякому ясно, что особенности скелета и, главным образом, черепа отражаются на наружности человека. И уже давно ученые пытались восстановить хотя бы в общих чертах по черепу человеческое лицо. Впрочем, это делалось в большинстве случаев либо для восстановления облика древнего человека, жившего десятки и сотни тысяч лет назад, либо для нужд криминалистики – науки о преступлениях. Гера-

символу в результате долгой анатомической работы удалось выяснить, в какой зависимости находятся мягкие ткани лица – нос, щеки, губы – от мельчайших деталей строения черепа, и найти такой метод, который позволял восстановить полностью лицо человека. Каждому ясно, что выступающие скулы или нос с горбинкой видны на черепе даже неискушенному человеку. Но не все знают, что линия, где смыкаются губы человека, примерно соответствует верхнему краю его нижней челюсти. Свои выводы ученый проверял... в уголовном розыске. Он восстанавливал лица людей, погибших при различных обстоятельствах, но не опознанных. Делал их бюсты, одевал и давал фотографировать. Родственники погибших, когда им, как это принято, давали несколько различных фотографий, безошибочно выбирали из них именно ту, которая была сделана с бюста, восстановленного Герасимовым по черепу.

И вот Герасимов начал исследовать череп Андрея Боголюбского. Изучив его до мельчайших подробностей, он сначала сделал настоящий чертеж, восстанавливающий положение носа, губ, форму глаз и век. Затем стал наносить на череп Андрея контуры будущей головы пластилином. Под умелыми руками скульптора сухой чертеж антрополога превратился в подлинный скульптурный портрет Андрея Боголюбского. Собственно говоря, абсолютно достоверной является та реконструкция головы, которую вы видите на рисунке справа. Здесь можно ручаться за правильность каждой чер-

ты. Однако такой портрет еще не дает нам представления о подлинном облике Андрея Боголюбского. Ведь князь, по-видимому, не брил наголо лицо и голову. В те времена, как мы знаем по старинным рисункам, мужчины носили довольно длинные волосы и обязательно – бороду и усы.

Но прическу и убранство головы удастся установить лишь в редчайших случаях. И все же, зная по черепу физический тип человека и принимая во внимание обычаи того времени, можно восстановить полностью облик человека – с волосами, бородой и одеждой. Ведь характер растительности, как известно, тесно связан с физическими особенностями человеческой расы, а как одевались в различные времена знатные люди, как они обычно подстригали волосы и бороду, можно узнать из различных источников.

Так и поступил Герасимов, создавая скульптурный портрет.

Вот он, «жестковейный» Андрей, каким он был еще накануне своей смерти, с гордо поднятой головой! Мы-то зна-

ем, что он не мог бы склонить голову, если бы даже захотел (ведь у него срослись позвонки). Но современники думали, что это от заносчивости.

Но почему сын Юрия Долгорукого так похож на монгола? Почему его чуть раскосые глаза прикрыты несколько набухшими веками? Почему волосы, усы и борода довольно редки? Почему так выдаются скулы, хотя нос прямой и довольно длинный, как у русских?

Секрет прост. Ведь женой Юрия Долгорукого, матерью Андрея, была дочь половецкого хана Аепы. А сын, значит, был похож на мать и ее родню.

Во многих музеях нашей страны есть теперь бюсты Андрея Боголюбского. Все они отлиты из гипса в формах, сделанных с восстановленного Герасимовым портрета. И мы знаем, какой огромный труд ученых и художника понадобился для того, чтобы из глубины веков выступило лицо этого князя – сурового воина и прямолинейного политика, павшего жертвой боярского заговора.

ЯРОСЛАВОВ ШЛЕМ

На берегах небольшой реки Колокши, там, где в нее впадает речка Гза, в нынешней Владимирской области, стоит древний русский город Юрьев-Польской. Живописный городок, с его садами, старинными церквями и монастырями и всемирно знаменитым собором XIII века, покрытым, как ковром, резным орнаментом, раскинулся в низине среди плавно поднимающихся полей, пересеченных изредка оврагами и кудрявыми перелесками. Оттого он и назван Польской, то есть «стоящий в полях» (а не «Польский», как

неправильно произносят некоторые). Недалеко от устья Гзы и сейчас еще видно кольцо земляных валов – остатки некогда грозной крепости, построенной еще при Юрии Долгоруком. В прошлом же столетии это был глухой уездный городок, окруженный деревнями.

Погожей ранней осенью 1808 года крестьянка одной из подгородных деревень Ларионова отправилась куда-то с лукошком. Столь обыденный поступок не привлек бы ничего внимания, если бы с Ларионовой не произошло в этот день нечто из ряда вон выходящее. «Находясь в кустарнике для щипания орехов, – как гласит составленный вскоре после этого документ, – Ларионова усмотрела близ орехового куста в кочке что-то светящееся». В пробивавшихся через листву солнечных лучах ярко горело золото. Когда крестьянка подошла поближе, она увидела, что это золотая бляха на заржавленном шишаке, каких не встретишь у теперешних солдат. Под шишаком лежала груда заржавленных железных колец, которые, однако, были прочно соединены друг с другом – кольчуга. Забыв об орехах, женщина с трудом подняла обе вещи и, придя в деревню, сдала свою пудовую ношу старосте. Рассмотрев на бляхах изображения каких-то святых и надписи, староста переправил находку местному Церковному начальству – архиерею. А тот хоть и не сумел определить толком, что это за вещи, но понял все же, что они древние и могут быть интересны для науки, и послал самому царю Александру I в Петербург.

В Петербурге древними вещами, присланными из Юрьева-Польского, занялся Алексей Николаевич Оленин, человек во многом замечательный. В молодые годы он сам рисовал и даже иллюстрировал сочинения Державина. Но со временем его все больше привлекало изучение различных древностей, преимущественно древних изображений и надписей. Он стал историком и археологом, в дальнейшем был директором петербургской Публичной библиотеки (ныне библиотека им. Салтыкова-Щедрина) и президентом Академии художеств.

Вещи были, насколько возможно, очищены от ржавчины, и перед глазами ученого предстал древний, богато украшенный воинский шлем, или шелом, как его называли в далеком прошлом. От этого древнерусского слова в нашем современном языке осталось образное выражение «ошеломить» (буквально – «ударить по шелому»), «оглушить». Шелом был скован из железа, плавно вытянут кверху (с таким расчетом, чтобы оружие врага, ударяя по нему, скользило) и заканчи-

вался острым «шишом», к которому когда-то прикреплялся еще султан из перьев. Для защиты лица шлем имел особый наносник – железный посеребренный. Когда-то весь шлем был позолочен. Его нижний край украшала серебряная пластина. На чеканном ее орнаменте видны были фантастические хищники – грифоны, барсы, птицы, – листья, цветы лилии. Наверху вокруг шиша располагались серебряные позолоченные образки, на которых были вычеканены изображения Христа и «святых». На «челе» – надо лбом – помещалась большая пластина (она тоже оказалась серебряной позолоченной) с чеканной фигурой «святого» архистратига («начальника небесного воинства») Михаила. Голова архистратига окружена сиянием, за спиной – огромные крылья. Вокруг фигуры буквы древнего славянского письма образовали надпись: «Велик архистратиже господен Михаиле помози рабу своему Феодору». Это заклинание должно было принести удачу владельцу роскошного шлема, какому-то знатному воину по имени Федор.

Ведь рядовой боец не мог иметь такого драгоценного шлема. Золотой шлем носил обычно князь – военачальник. Недаром автор замечательного литературного произведения XII века «Слово о полку Игореве», описывая битву русских с половцами, в которой прославился трубчевский и курский князь Всеволод, по прозвищу Храбрый (буй) Тур, говорил: «Камо (куда) Тур поскочаше, *златым шеломом своим посвещивая*, тамо лежат поганые головы половецкие». Певец следил в битве за своим князем, находя его повсюду по светящемуся золотому шелому.

Но какому князю Федору мог принадлежать шлем, найденный у Юрьева-Польского? Начертания букв надписей были такими, какие встречались во второй половине XII или начале XIII века. Перебирая имена русских князей того времени, Оленин остановился на Ярославе Всеволодиче, отце Александра Невского. В те отдаленные времена, когда христианская церковь господствовала на Руси еще сравнительно недавно (каких-нибудь двести с лишним лет), имена христианских святых, в честь которых церковь предписывала называть новорожденных, еще не стали обычными не только в народе, но даже среди бояр и князей. Князь обычно имел два имени: так сказать, официальное, данное при крещении, «крестное», имя в честь какого-либо святого, и народное, русское имя, которым его звали обычно (например, «Гавриил, зовомый Всеволод»). Оказывается, Ярослав Всеволодич имел «крестное» имя Федор. Но ведь он княжил в Переяславле, Великом Новгороде, Галиче, Рязани, Муроме, позднее – во Владимире, где и умер. Как же мог его шлем попасть на берег Колокши, к Юрьеву-Польскому?

Оленин обратил внимание на рассказ летописи о событиях, развернувшихся как раз в тех местах почти шестьсот лет назад.

1216 год нельзя было назвать спокойным. Княжеские распри раздирали Русь. Князья боролись за выгодные уделы, за «теплые» места, стремились занять их то хитростью, то силой. Одним из завидных уделов был Господин Великий Нов-

город, богатый город, владевший еще огромной областью, простиравшейся до самого студеного моря на севере, до хмурой Балтики на западе. Новгородский «стол» (так назывались тогда княжеские престолы) занимали обычно ближайшие родственники великих князей – сначала киевских, а потом владимирских. Но новгородцы крепко держались за свои вольности и не раз вынуждали неудобных им князей покинуть «стол».

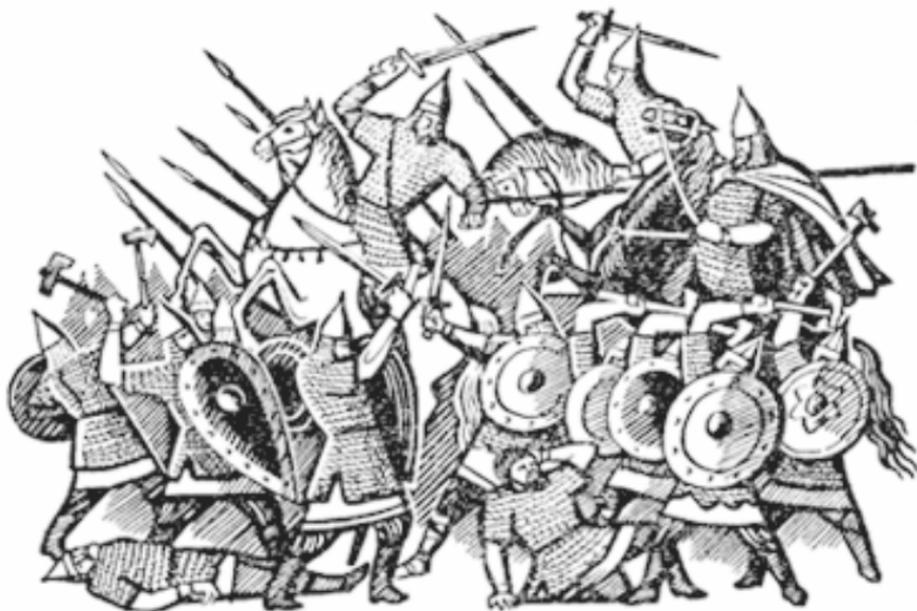
Так случилось и с Ярославом Всеволодичем как раз в то время, когда шла ожесточенная борьба и за Владимира, где великим князем был родной брат Ярослава, Юрий Всеволодич. Ярослав соединился с Юрием, а новгородцы пригласили к себе знаменитого тогда военачальника князя Мстислава Мстиславича, прозванного Удалым.

После долгих походов и мелких стычек передовых отрядов главные силы противника встретились на Липицком поле, неподалеку от Юрьева-Польского. Всеволодичи заняли здесь почти неприступную позицию. Подошедшие противники увидели их на прибрежной возвышенности – Авдовой горе. Болотистый ручей Тугень образовал здесь «дебрь». Кудрявился цепкий кустарник и молодые деревца. За темной зеленью сочной травы угадывалась труднопроходимая тряси́на. На горе за палисадом из плетней и кольев развевались многочисленные стяги, сверкало оружие. По стягам можно было определить, что в центре стоят полки самого Юрия Суздальского и Владимирского, на правом фланге – муром-

ские полки Ярослава, на левом – силы подручных «меньших» князей. Новгородцы, смоляне и ростовцы заняли Юрьеву гору на другой стороне Тугени. В центре стали новгородцы, на левом фланге, против Ярослава, – смоляне, на правом – псковичи и ростовцы. Но они не стали нападать на суздальцев, а вступили с ними в переговоры, желая заключить мир или хотя бы избрать другое поле боя.

«Один есмь брат с Ярославом», – ответил великий князь Юрий, дав новгородцам понять, что он до конца будет поддерживать претензии брата за Новгород. А заносчивый Ярослав прибавил: «Мира не хочу, а мужи у мене. А далече есте шли, а вышли есте аки рыбы насухо». Он отказывался отдать пленных новгородских мужей да еще издевался над новгородцами, удалившимися от своей земли, сравнивая их с попавшими на сушу рыбами.

Тогда решено было штурмовать Авдову гору. Новгородские ремесленники просили Мстислава разрешить им сражаться в этом бою пешими, как они издавна привыкли. «Князь же Мстислав рад бысть тому», – писал летописец. Он со своей дружиной решил поддерживать атаку пехоты.

И вот новгородцы в пешем строю переправились через «добрь» и ударили, против всех ожиданий врагов, не на войска Юрия, стоявшие как раз против них, а на полки ненавистного им Ярослава. А стоявшие левее их смольняне обошли правый фланг противника и ударили в тыл. Войска суздальцев были смяты и в панике бежали. Вот тогда-то и бросил Ярослав свой золотой шлем и дорогую кольчугу – ведь надо было облегчить бег коня!

А шлем и кольчуга князя остались, оказывается, лежать в кустах неподалеку от поля боя и, наверное, не были замечены победителями, которые, конечно, не упустили бы такой богатой добычи. Со временем здесь вырос лесок, и широ-

кие листья орешника закрывали княжеские доспехи от посторонних глаз. Мы не знаем, пытался ли Ярослав разыскать свои доспехи, когда война уже кончилась. Может быть, он не надеялся, что они уцелели, а может быть, просто не хотел вспоминать о своем позоре. Так или иначе, до самой своей смерти (а он умер только через тридцать лет после Липицкой битвы) Ярослав не получил своих доспехов. Прошло 592 года, пока крестьянка Ларионова увидела золотой образок архистратига Михаила, который так плохо «помог рабу своему Феодору» в день Липицкой битвы.

Мы видим, как много знаний потребовалось Ленину для решения поставленной задачи. И он, конечно, блестяще справился с ней.

Но дело на этом не кончилось. Многие ученые возвращались к изучению этих вещей и тогда, когда шлем и кольчуга были отправлены из Петербурга в Москву и заняли почетное место в Оружейной палате Московского Кремля. Оставалось все же неясным, где и когда сделан этот шлем. И ключ к этой загадке можно было найти только в нем самом.

Вот узор на пластине, украшающей нижний край шлема. Мы уже говорили, что он составлен из красиво переплетающихся листьев, стилизованных цветов лилии, фигур фантастических животных. Но почему и в замысле и в самой манере выполнения этого орнамента так много сходства с резьбой по белому камню, которую и сейчас еще можно увидеть на древних зданиях церковей Владимирской земли?

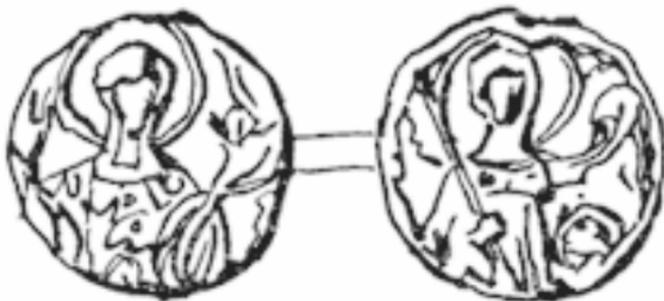
Наверное, мастер, украшавший шлем, был владимирцем или, во всяком случае, жил и работал где-то во Владимиро-Суздальской земле. Ведь в других русских землях эта манера почти не применялась. А княжеская династия Мономаховичей, к которой принадлежали Юрий и Ярослав Всеволодичи, внуки Юрия Долгорукого, уже с XII века владела Владимиро-Суздальской землей. Б. А. Рыбакову удалось найти и любопытные детали производства шлема. Оказалось, что мастер чеканил серебряные пластины сначала с обратной стороны и лишь потом, обрабатывая детали рельефа, поворачивал их лицевой стороной. Валентин Лаврентьевич Янин, сопоставив детали орнамента и изображения святых на шлеме с рядом иных материалов, в частности с древними печатями, пришел к выводу, что Ярослав был уже не первым владельцем шлема, что шлем сделан в середине XII века для... князя Мстислава Юрьевича, который также носил «крестное» имя Федор. Об этом говорит подбор образков на верхней части шлема. Кроме Христа, там помещены образки Федора, Георгия и Василия, в честь которых были названы Мстислав (Федор), его отец Юрий (Георгий) и дед Владимир (Василий) Мономах. Лишь потом шлем попал к Ярославу Всеволодичу, приходившемуся Мстиславу Юрьевичу родным племянником.

Итак, мы можем сказать, что судьба по-своему баловала эту замечательную вещь. Шлем был сделан искусным владимирским мастером для князя. Это была родовая драгоцен-

ность. Недаром сюда поместили образки «святых» – покровителей владельца шлема, его отца и деда. Шлем берегли, передавали по наследству. Княжеские оруженосцы заботились о нем и перед сражениями надевали на голову господину. Шлем побывал и в Киеве, и в Новгороде, и в Галиче, и в Рязани, и в Муроме, и в других городах Русской земли, а может быть, даже в далеком Царьграде, куда однажды вынужден был удалиться его первый хозяин. В дни сражений шлем красовался во главе полков под развевающимися знаменами. А в тяжелый час Липицкого поражения он избежал и жестоких ударов оружия и грубых рук победителей – новгородского «мужичья», как презрительно называли новгородцев феодалы.

Крестьянские руки все же коснулись его, но лишь через много веков, и совсем не враждебно. И до сих пор он находится в центре внимания ученых, вызывает восхищение многочисленных посетителей Кремлевского музея.

МИТРОПОЛИЧЬЯ ПЕЧАТЬ

У меня зазвонил телефон.

– Это говорит Владимирская. Приезжайте к нам: есть интересная находка!

Нонна Сергеевна Владимирская тогда работала археологом в Центральных научно-реставрационных мастерских, которые, как известно, занимаются реставрацией древних зданий – памятников архитектуры. Казалось бы, что тут делать археологу? Ведь здание обычно возвышается над землей, археолог же стремится углубиться в ее недра.

Оказывается, очень даже нужен архитекторам-реставраторам археолог.

Про старый дом говорят, что он «врос в землю», как будто дом может пустить корни. Так, конечно, не бывает. На самом деле окружающая его земля по многим причинам нарастает. Порог, возвышавшийся когда-то на несколько ступенек,

оказывается через много десятилетий ниже ее поверхности. Приходится делать новый порог, а зачастую и настилать новый пол над прежним. Нижний этаж старого здания постепенно становится подвалом, цоколь крепостной стены оказывается под землей, люди не видят его и могут лишь предполагать, что он есть.

А как же реставрировать здание, если неизвестно, какова его нижняя часть? Высокое, стройное когда-то, оно может показаться низким, приземистым. На гладкой как будто стене могут быть, например, резные украшения. Нет, надо снять нарощую за много веков землю!

Этой работой и руководит теперь археолог: при подобных вскрытиях бывает немало археологических находок.

Так было и на этот раз. Архитекторы реставрировали стены славного Московского Кремля. Понадобилось раскрыть цоколь и фундамент стены неподалеку от Боровицкой башни, как раз там, где был когда-то мыс при впадении речки Неглинной в Москву-реку.

Заложили несколько земляных выработок вроде колодцев – специалисты называют их шурфами.

– Вот в этом шурфе, – говорит Нонна Сергеевна, – на глубине шести метров.

И показывает мне небольшую plombу – серый свинцовый кружочек с нашу трехкопеечную монету. Свинец тяжелый – plombочка маленькая, но увесистая.

На мягком металле оттиснуты с обеих сторон рельеф-

ные изображения. На одной стороне – женщина в богатой одежде, руки подняты, как бы для молитвы; вокруг головы – кружочек, изображающий божественное сияние – нимб, по бокам – надпись: «МР – ФУ». По-гречески сокращенно это значит «мать бога». Да, здесь изображена богоматерь, или, как еще говорили, богородица, в одной из классических поз, в каких предписывала ее изображать православная церковь, – «оранта», по-русски – «просящая» или «молящаяся» (ведь и само слово «молитва» – от слова «молить», то есть просить).

На другой стороне пломбы – фигура мужчины, тоже в богатой одежде, с нимбом вокруг головы. В правой руке он держит грозное копьё, в левой – щит.

За спиной его какие-то складки образуют как бы очертания больших птичьих крыльев. Это – «святой», по имени Михаил. Его всегда изображали с оружием в руках, потому что верили, будто он «архистратиг» – главный предводитель небесного воинства.

Нимб архангела сверху несколько поврежден – через него проходит круглое отверстие от шнура, концы которого когда-то зажимала пломба. С чем соединял ее этот шнурок?

На ладони Нонны Сергеевны лежала печать от какой-то древней грамоты.

Вы, конечно, знаете, что и теперь к важным бумагам прикладывают печати. Но они не похожи на древние: сделаны из мягкого каучука и оттискивают на ровной бумаге изобра-

жения, надписи, сделанные краской. Такая печать ничего не весит, от бумаги отпасть не может.

Но знаете ли вы, что печати появились в глубокой древности, едва ли не тогда же, когда человек научился писать?

И были они такими, как того требовал писчий материал. Например, древние ассирийцы и вавилоняне писали острой палочкой на сырой глине. И печати у них были замысловатые: нужное изображение вырезали на глиняном или каменном цилиндрике. Стоило его прокатить по сырой глиняной табличке – и на ней оттискивались рельефные фигуры крылатых чудовищ, клинописные надписи и тому подобное. Позднее, в Древнем Риме, писали на восковых табличках, и печать представляла собой чаще всего изображение, вырезанное на камне; такой камень – «гемму» – вставляли, например, в перстень и, когда нужно, прикладывали этот перстень-печать к мягкому воску, оставляя оттиск.

Для нашей «бумажной» письменности удобнее всего штемпеля с краской. А вот в средние века, когда бумаги еще не знали и писали на телячьей коже – пергамене, – печати делали из какого-нибудь мягкого металла (чаще из свинца, иногда даже из золота), а то и из особой пасты и привешивали к листу пергамена на шнурочке. Такая, как ее называют, «вислая» печать могла, в отличие от всех, о которых мы сейчас говорили, иметь изображения на обеих сторонах. Эти изображения вырезывали на двух жестких матрицах и, когда нужно было приложить (вернее, «привесить» – так и го-

ворили в те времена) печать, концы шнура пропускали через лист пергамента и через кусок металла, а затем этот кусок сильно сжимали между матрицами, устроенными наподобие щипцов для орехов. И мягкий металл превращался в круглую лепешку, на обеих сторонах которой оттискивались изображения. Кончики шнурка обычно оставались торчать внизу. Печать была привешена.

Но что же изображали на печатях? Мог ли каждый заказать мастеру матрицу печати с любым, каким вздумается, изображением?

Оказывается, нет. Изображения на печатях делались по определенным и даже весьма строгим правилам. Каждый сеньор помещал на печати свое имя и герб, составленный по законам очень важной тогда науки – геральдики. У русских феодалов, например, нередко на печати было изображение «святого», имя которого носил владелец.

Но никогда ни у одного светского феодала не бывало на печати изображения богородицы. Это право принадлежало феодалам духовным.

Так, значит, перед нами печать духовного лица?

Да. И очень высокого сана. Вернее, даже не лица, а (если так можно выразиться о тех отдаленных временах) «учреждения». Это печать Киевской митрополии – церковного центра тогдашней Руси. К такому заключению пришел Валентин Лаврентьевич Янин. Он считает, что печать оттиснута в Киеве в конце XI века, между 1093 и 1096 годами.

В то время в Киеве княжил Святополк, носивший «крестное» имя Михаила, и на оборотной стороне печати поместили изображение его «святого-тезки». Но нет никаких указаний на имя самого митрополита – первосвященника тогдашней Руси. В. Л. Янин объясняет это тем, что тогда как раз в Киеве митрополита не было: митрополит Иоанн III скончался, а его преемник, Николай, еще не был назначен или не прибыл из Константинополя. Митрополю возглавлял какой-нибудь «местоблюститель», лицо временное. Он не ставил на печатях своего имени.

В Московский Кремль печать попала, конечно, не сама по себе, а с какой-то грамотой, к которой была привешена. Зачем бы посылали из Киевской митрополии грамоту в эти места?

Сами киевские князья приняли православие, как государственную религию, всего немногим более чем за сто лет до того, и далеко не все русские были тогда христианами. Князь Владимир Святославич крестил торжественно киевлян в ручье, получившем с тех пор название «Крещатик», которое и сейчас еще носит проходящая в тех местах главная улица Киева. В других русских землях христианство распространялось медленно, с немалым трудом. Если киевских князей очень устраивал содержащийся в этой новой религии догмат «несть власти, аще не от бога», то народ относился к нему, вероятнее всего, без всякого восторга. Но это была только одна сторона дела. Вместе с восточным православием из Византии пришли и его служители – попы и иные духовные лица во главе с митрополитом Киевским и всея Руси. Князья приказали отдавать духовенству десятую часть урожая, дарили ему земли и разные ценности. А духовные лица всячески поддерживали княжескую власть. Так сложился союз церкви и феодального государства. Была и еще одна сторона этого дела: элита общества приобщилась к более высокой византийской культуре. Из Царьграда шли не только попы, но и художники, и архитекторы, и грамотеи, создавшие для Руси свою письменность, оттуда привозили не только церковную утварь, но и книги и разнообразные роскошные вещи, которые так приятно было иметь всякому зажиточному человеку, и даже разные деликатесы вроде тонких вин или прекрасного оливкового масла.

Христианство стало и новым знаменем киевских князей. Расширяя свои земли, покоряя независимые до тех пор племена, они неизменно провозглашали, что «просвещают их светом святого крещения».

А те держались не только за свою самостоятельность, но и за свои старые верования.

На юго-восточной окраине древнерусского государства таким племенем были вятичи.

В летописях раз пять написано, что их покоряли киевские князья. Покорил Святослав. Потом еще два раза покорил Владимир Святославич, тот самый, что «крестил Русскую землю».

Но и его правнук, тоже Владимир, прозванный Мономахом, дважды ходил походом в землю вятичей против их князька Ходоты и против его сына.

Наверное, глухой лесной край был труднодоступен для киевских дружин, и вятичи, признав когда-то господство Киева, продолжали жить по-своему, не очень-то считаясь с киевскими князьями.

У вятичей появились и свои собственные князья.

Долго держались вятичи и древних верований. Лет через триста после крещения киевлян они все еще хоронили по старому, языческому обряду, о котором вы уже читали в этой книге; только вот к XII веку перестали сжигать покойников, хоронили под курганом тело, а не прах.

Вятические леса были для чужих заповедными. И сами

князя не решались через них ездить – это было небезопасно. Назначит, бывало, киевский великий князь кого-нибудь из своих детей, братьев или племянников, скажем, князем переславским – и новоиспеченный князь едет в свой удел, город Переславль-Залесский (он так и назывался потому, что был от Киева за лесом), не через лес, а объездом – через Смоленск. Недаром старая былина о подвигах крестьянского сына из-под Мурома – богатыря Ильи – первым его подвигом считала, что Илья Муромец проехал в Киев «дорогой прямоезжею», через лес, да еще полонил там Соловья-разбойника.

А из князей первым проехал «сквозь вятичи», да еще дважды (это не считая военных походов), Владимир Мономах. Да ведь это было не в X, а в конце XI века, когда в земле вятичей были уже не только села, но и города.

Вот через города-то и можно было проникнуть в землю вятичей вернее, чем с огнем и мечом. В городах жили ремесленники и торговцы, которые и сами не раз в Киевщину ездили, и у себя киевских купцов принимали. В глухом вятичском городке Москове появились и красивые поливные киевские сосуды, и шиферные розовые пряслица, а то и вещи из далекого Херсонеса – корчаги с вином и маслом, фигурные замочки, дорогие парчовые ткани (из них особенно любили вятичские женщины делать себе кички). Так-то, миром, эту землю, пожалуй, скорей возьмешь.

За купцами шло в тот край и духовенство. Скоро в вя-

тичских городах появились и церкви. Ученые думают, что в Москве посредине городка был когда-то языческий жертвенник, а потом, во времена Мономаха, на его месте построили первую московскую церковь Ивана Предтечи.

– Понимаете, ведь отсюда всего метров восемьдесят до того места, где стоял Иван Предтеча, – говорит Нонна Сергеевна, – то есть не сам Предтеча, конечно, а церковь его имени. А к церкви поднималась какая-то улица: вот и сейчас видны следы вымостки. На ее уровне и печать лежала.

В самом деле, если посылали из Киевской митрополии грамоту в Москов, то она должна была попасть скорее всего в церковь, где обычно и хранили всякие грамоты, или, скажем, в поповский дом поблизости от нее. А печать могла отвалиться где-нибудь на улице.

Итак, в конце XI века, за полсотни лет до того, как летопись впервые упомянула городок Москов, который стали позже называть Москвой, из города Киева написали в Москов грамоту и привесили к ней печать.

Долго ли, коротко ли везли грамоту через вятичские леса, только попала она все же к московской церкви Ивана Предтечи, да где-то здесь и отвалилась от нее печать, как будто нарочно для того, чтобы без малого через девятьсот лет попасть в руки археологов.

Что это была за грамота, мы не знаем. Может быть, из митрополии писали, что медленно идут дела с насаждением православия, что надо заменять старые обряды новыми. Что, ко-

нечно, хорошо, что вятичи все реже сжигают покойников, но надо добиваться, чтобы хоронили при самой церкви, в освященной земле, а свои курганные кладбища бросали бы, что нужно даже разрешить хоронить женщин в их украшениях – лишь бы при церкви. А может быть, просто этой грамотой утверждалась сама церковь – так тоже бывало. Может быть, впрочем, что грамоту написали по гораздо менее важному делу, скажем, чтобы сообщить о назначении нового попа. Многого можно думать – ведь грамоты-то нет!

Разве что когда-нибудь окажется среди старых бумаг пергаменная грамота XI века со следами оторванной печати – бывают же в архивах разные удивительные находки! Вряд ли грамота лежит в земле неподалеку от печати, ожидая только, когда археологи заложат новый шурф, но и такого случая нельзя исключать вовсе.

Раскопки на кремлевском мысу необходимы, даже если археологов не ждет та грамота.

КЛЕЙМО ЕПИСКОПА

Когда-то Красная площадь была главным торжищем Москвы. На ней стояли рядами лавки с разными товарами. Соседние с площадью переулки и сейчас называются Рыбный, Хрустальный; еще недавно был здесь и Ветошный переулок (ныне проезд Сапунова). Эти названия напоминают о торговых рядах, бывших здесь еще лет двести назад. В каждом ряду торговали тогда каким-либо одним видом товаров, например, рыбой, стеклянной посудой, разной одеждой – ветошью – и тому подобным. А за этими рядами (если идти от центра города, из Кремля) были кварталы, получившие название Зарядья. Здесь, на низкой части берега Москвы-ре-

ки, жила преимущественно городская беднота. Так в XVIII и XIX веках по соседству с Кремлем и Красной площадью, которыми славилась Москва, образовались настоящие трущобы. Сейчас эти тесные, неблагоустроенные дома снесены. На их месте – огромное здание гостиницы «Россия».

И уже больше тридцати лет Зарядье изучают археологи, производящие здесь раскопки. Чем же этот невзрачный район привлек внимание ученых?

На заре существования города, более восьмисот лет назад, здесь находилась речная пристань, и это делало прибрежную часть города одним из важнейших его районов. Ведь в те отдаленные времена хороших сухопутных дорог почти не было и главными путями сообщения служили реки. В маленьких, долбленных из одного ствола дерева ладьях и более крупных, надставленных «насаженными» досками-бортами – «насадах», плавали по большим и малым рекам, а в тех местах, где верховья рек близко подходили друг к другу, перетаскивали («волочили») насады по суше из одной речки в другую. Такие места и назывались «волоками».

Память о таком волоке на пути из Новгорода Великого в бассейн Волги сохранилась в названии города Волоколамска – древнего Волока Ламского.

По Зарядью проходила некогда улица, соединяющая Кремль с пристанью. А неподалеку от пристани стояла деревянная церковка Николы Мокрого. Этот «святой» считался на Руси покровителем всех плавающих и путешествующих.

Ранее существовала легенда о спасении Николой утопающего младенца, поэтому его изображали на иконах с мокрыми волосами и называли Мокрым. Церкви Николы Мокрого в древнерусских городах ставились обычно у речных пристаней. Улица, о которой мы говорили, была одной из первых московских улиц и носила название Великой, или Большой, а по ней и вся прилегающая местность стала называться Большим или Великим посадом. Здесь селились торговцы и ремесленники, чьим трудом и создавалось могущество Москвы.

Вот поэтому-то Зарядье и заинтересовало археологов. Здесь можно было отыскать остатки древних городских построек, домов, мастерских, проследить жизнь древнего города, его торговые связи.

Сейчас мы расскажем об одном небольшом предмете, который нашли неподалеку от пристани и церкви Николы Мокрого, на глубине почти четырех метров. Это привеска, какие и в наши дни еще можно увидеть на различных товарах вместе с фабричными ярлыками. Они и сейчас называются пломбами (от латинского слова *plumbum* – свинец). В древности, как и теперь, на мягком свинце пломб оттискивали при помощи специальных щипцов – матриц (сейчас они носят аппетитное название «пломбир») – различные изображения и надписи. Но то ли потому, что эти матрицы не всегда хорошо оттискивались, то ли потому, что свинец мягок и легко поддается всякому давлению, изображения на пломбах

далеко не всегда четки и прочесть их бывает иногда нелегко. И то сказать, ведь некоторые пломбы доходят до нас через несколько веков, после того как кто-то, может быть торопясь, недостаточно старательно сжал щипцы. А сколько ударов выдержали они за это время!

Наша пломба гораздо крупнее тех, какие вы знаете. Она плоская, диаметром с наш рубль. Под ушком, в которое когда-то продет был шнурок, на обеих сторонах пломбы можно различить изображения и полустертые буквы. Изображение с той и другой стороны одно и то же. Оно помещается в центре. Это перчатка с правой руки. Ясно видны длинные, изящно сделанные пальцы и расширение у кисти – «крага». Между большим и указательным пальцами зажат предмет, в котором узнали, правда несоразмерно маленький по сравнению с перчаткой, посох с острым наконечником и спирально загнутой рукоятью.

Такие посохи никогда не встречались на Руси. Но их хорошо знали в средние века в Западной Европе. Человек с таким посохом пользовался большой властью. Это был один из высших сановников католической церкви (как их тогда называли – «прелатов») – епископ. Длинный, почти в рост человека, посох он держал в правой руке во время торжественных церемоний и ставил возле своего кресла, когда творил суд и расправу. Ведь в Западной Европе католические епископы были не только «пастырями» своих «овец» – верующих (возможно, что посох и являлся символом этой древней аллегии: священник, как пастух, пасет стадо верующих). Епископы зачастую были и настоящими феодальными владельцами, под властью которых находились целые города и области. Они были такими же феодалами, как светские сеньоры – графы, герцоги, князья. Их так и называли иногда – «князья церкви».

Перчатка тоже играла в те времена большую роль, как символ власти. Ведь епископ назначался на свою должность самим римским папой. В знак утверждения в этой должности он получал от папы перчатку с его собственной «святой» руки и уже описанный нами посох.

Итак, посох и перчатка – знаки власти католического епископа. Видимо, это его печать стоит на нашей пломбе, как клеймо, подтверждающее принадлежность товара какому-то епископству. Но какому? Об этом могла бы рассказать надпись на печати. Но, увы, на обеих сторонах пломбы надписи, идущие вокруг герба, настолько стерты, что можно прочесть лишь отдельные буквы. Кажется, они различаются и по шрифту. На одной стороне пломбы надпись сделана латин-

скими буквами, близкими по начертанию к современным, на другой же – несколько измененными (по сравнению с латинскими) готическими буквами, распространившимися в эпоху средневековья в Западной Европе. Сколько ни пытались прочесть или угадать, что написано на пломбе, это не удавалось. Читались лишь отдельные слова, например «Sig» – сокращенное слово «Sigillum» (что значит по-латыни «печать») и «S» – так писали сокращенно латинское же слово «Sanctus» (что значит «святой»). Понятно, что эти слова ничего не дают для разгадки имени владельца печати или области, из которой она происходит, так как они могли быть помещены на любой печати, даже не обязательно духовного лица.

Конечно, дальнейшие попытки определить точнее, откуда эта пломба, не оставлены, и есть надежда, что когда-нибудь они увенчаются успехом. Но уже сейчас можно примерно сказать, откуда она могла происходить. Дело в том, что гербы с изображением посоха и перчатки имели города – владения епископов, расположенные в бассейне Рейна: например, Кельн, Майнц, Трир и некоторые другие. Видимо, печать, оттиск которой сохранился на нашей пломбе, могла принадлежать епископу – сеньору одного из этих городов. Оттуда и ведет она свой путь.

Но ведь пломба не могла попасть в Москву с берегов Рейна сама по себе. Она была привешена к тюку с каким-то товаром (с сукном, например). И теперь мы можем с большой долей достоверности восстановить путь, по которому прибыл в Москву этот запечатанный пломбой тюк. Тут нам поможет еще одна находка, сделанная на много лет раньше.

В одном старом альбоме, составленном известным знатоком печатей Николаем Петровичем Лихачевым, удалось найти печать, похожую на ту, о которой вы только что прочли. Но сохранилась она так же плохо или даже еще хуже. На ней видны лишь части изображения посоха и перчатки и отдельные латинские буквы. Печать эта тоже оттиснута на пломбе, которую нашли далеко от Москвы, в Великом Новгороде, на

реке Волхове.

Что в Новгород постоянно ездили немецкие купцы из большого торгового союза, который назывался тогда Немецкой Ганзой, или просто Ганзой, давно и хорошо известно. В Новгороде на окраине большого городского торга, что раскинулся на правом берегу Волхова, у ганзейских купцов был свой постоянный торговый двор и даже своя церковь. Здесь всегда жило много немецких купцов, которые торговали с новгородцами разнообразными товарами. И немалое место среди этих товаров занимали изделия ремесленников из разных городов Германии.

Товар, запечатанный найденной в Москве plombой, мог проделать из своего города сложный и нелегкий путь – по одному из притоков Рейна и по Рейну в Северное или Немецкое море, затем вокруг Ютландского полуострова в Балтийское море и далее в Финский залив, а потом через Неву, озеро Нево (так в древности называлось Ладожское озеро) и Волхов к Великому Новгороду. Наверное, здесь на своем торговом дворе ганзейцы перепродали товар новгородским купцам. Ведь новгородцы старались не выпускать из своих рук торговлю с центральными русскими землями и Востоком, куда вели торговые пути из Новгорода. Какой-то новгородец погрузил, тюк в свою ладью и снова поплыл, на этот раз через озеро Ильмень в реку Мсту. Ладью перетаскивали на волоках к речкам Тверце, Ламе и Рузе (как тут не стереться надписям на пломбе!). Наконец она попала в Москву-реку

и, проплыв мимо Кремля, причалила к пристани у Николы Мокрого. Тюк с товаром выгрузили и, по всей вероятности, тут же, недалеко от пристани, продали. Пломба от него оторвалась и упала. Ее затоптали в землю, где она и пролежала более восьмисот лет, пока не была снова найдена археологами. Так попала в московский музей пломба с печатью епископа из Рейнской области.

ЗОЛОТОЙ ЦВЕТОК И ШАПКА МОНОМАХА

История этой вещи была давно уже известна. Она как бы заключалась уже в самом ее названии. Шапка Мономаха! Кто не слышал о ней? Это было первое, главное сокровище в сокровищнице русских царей. И значение его было не столь-

ко в ценности золота и драгоценных камней, не столько в тонкой художественной работе древних ювелиров, сколько именно в том, что это была шапка Мономаха.

В старинном «Сказании о князьях Владимирских» говорилось о том, как византийский император Константин Мономах послал на Русь, своему внуку Владимиру, те самые знаки императорской власти, которыми пользовался сам, в том числе «крест со своей выи» (шеи), цепь со своих плеч, доставшуюся ему еще от римского императора Августа, и «венец со своей главы». Этот венец – корону – и носили с тех пор киевские, владимирские, а потом московские великие князья.

Всенародно в Успенском соборе Московского Кремля надевали этот венец на голову наследника русского престола при «венчании на царство» – коронации, как говорили позже.

Когда московский царь принимал послов или участвовал в иных торжественных церемониях, на голове его красовался большей частью все тот же «Мономахов венец».

И только после того как Петр Великий принял титул императора и короновался вторично императорской короной, его наследники также сменили шапку Мономаха на корону западноевропейского образца. Но и тогда шапка Мономаха осталась одной из самых почитаемых реликвий. А все потому, что она как бы символизировала преемственность власти московских царей от византийских императоров.

Такова была известная, всеми признанная, освященная веками история этой вещи.

Но было в этой истории и нечто такое, что заставляло призадуматься, правильна ли она.

Дело в том, что князь Владимир Всеволодович описан в ней, как уже взрослый и даже военачальник, известный в Константинополе.

Между тем, хотя он и приходился действительно внуком византийскому императору Константину Мономаху, и назывался поэтому Владимир Мономах, и ставил это имя даже на своих печатях, все же он вряд ли мог получить венец непосредственно от Константина Мономаха (как об этом говорится в «Сказании о князьях Владимирских»), хотя бы уже потому, что родился на свет всего за год до смерти своего деда, в период, когда связи между Русью и Византией были уже значительно затруднены.

В архиве Академии наук в Санкт-Петербурге сохранилась любопытная переписка по этому вопросу. Больше ста лет назад директор Оружейной палаты Вельтман обратился, как тогда говорили, «на высочайшее имя», то есть к самому царю Александру II, с обстоятельной запиской о том, что хранящийся в подведомственной ему Оружейной палате царский венец не следует называть шапкой Мономаха. Указав на то, что император Константин Мономах, по всей вероятности, не мог подарить этот венец Владимиру, так как при жизни своей едва ли знал о том, что Владимир появился на свет,

Вельтман выдвигал другое предположение. Он считал, что эту золотую шапку получил из Византии прадед Владимира Мономаха, киевский князь Владимир Святославич, тот самый, который ввел на Руси христианство.

Вельтман говорил, что в ту пору в Византии существовал обычай посылать такие уборы властителям земель, на которые распространялось влияние Византии, вместе с титулом «гех», что обозначало «царь». Поэтому он предлагал называть шапку Мономаха «царским венцом святого равноапостольного князя Владимира».

Министерство императорского двора, куда попала записка Вельтмана, направило ее на заключение Академии наук. Академия наук назначила комиссию, которая, однако, сочла предположения Вельтмана недоказанными, и в коллекциях Оружейной палаты по-прежнему значилась шапка Мономаха.

Прошло почти полвека, прежде чем этой вещью занялся один из крупнейших русских археологов, Александр Андреевич Спицын. Он обратил внимание на форму золотой шапки и ее украшения. Если снять с шапки Мономаха окаймляющий ее низ дорогой соболиный мех (а он снимается очень просто) и завершающий шапку крест (а он тоже приделан позднее), то перед нами окажется не более не менее, как золотая тибетейка, похожая по форме на те, какие и сейчас носят в Средней Азии. Она даже сделана из восьми расширяющихся книзу пластин: ведь тибетейка шьется обычно из

восьми клиньев. На пяти из восьми пластин шапки помещено изображение цветка лотоса. Такие несколько измененные, как говорят, «стилизованые» фигуры хорошо знали в средние века на Востоке и называли «арабский цветок».

Все пластины шапки покрыты завитками прелестного орнамента, который сейчас называют филигранью, а в Древней Руси называли «скань». На золотую пластинку мастер наплавлял тонкую, тоже золотую проволочку, выкладывая сложные и красивые узоры.

Сам характер узоров привел Спицына к выводу, что шапка сделана в Средней Азии (вернее всего в Бухаре) бухарским мастером. А было это в XIV веке.

Значит, шапка все же не могла принадлежать Владимиру Мономаху. Ведь он умер в 1125 году, примерно на два столетия раньше, чем она была сделана.

Но вспомним, что Спицын установил это в конце прошлого столетия, когда Россия была еще под властью царя. А царь из династии Романовых, конечно, не мог допустить и мыс-

ли о том, что священный венец его предков получен не из христианнейшей Византии, а с мусульманского Востока. Мы не знаем, указал ли так сам Николай II и знал ли он вообще об исследованиях Спицына (ведь этот царь, как известно, не любил много читать, и тем более научные исследования) или так решили монархически настроенные чиновники, только и в начале нашего столетия венец продолжал называться шапкой Владимира Мономаха.

Но ученых продолжал интересовать вопрос, как же эта вещь попала в Москву.

В московских архивах хранятся древние документы, которые называются «духовные грамоты». Это не что иное, как завещания. Московские князья иногда писали даже не одну, а несколько духовных грамот. В те тревожные времена, отправляясь в Орду к ордынскому хану, князья не могли быть уверены, что вернутся назад. Не один из них погиб в ставке хана, были и такие, которые не выдерживали трудностей дальнего путешествия.

Известно, например, что Александр Невский скончался, возвращаясь на Русь из Орды, а его племянник, Михаил Ярославич Тверской, и внук, Юрий Данилович Московский, были убиты в Орде. И вот, отправляясь в Орду, князь обычно писал на всякий случай завещание – «духовную грамоту», в которой разделял между наследниками не только свои земли, но и драгоценности и даже одежду, какая получше. А если он возвращался благополучно, то потом, уже к концу жиз-

ни, иногда писал другое завещание.

Историк Константин Васильевич Базилевич сравнил между собою «духовные грамоты» московских князей. Оказалось, что шапка Мономаха и в самом деле упоминается впервые в XIV веке, в завещании Ивана Калиты. Но Калита не называл ее шапкой Мономаха. Он писал просто «золотая шапка». И потомки его передавали этот венец от отца к сыну тоже просто как «золотую шапку». Мономаховой она названа впервые более чем через двести лет, уже в XVI веке, в «духовной грамоте» Ивана Грозного.

Вы знаете, что и известная версия о том, что Москва есть третий Рим, возникла в конце XV – начале XVI века.

Базилевич предположил, что шапка Мономаха на самом деле была подарена Ивану Калите ханом Золотой орды Узбеком, во владения которого входила тогда и Бухара. Теперь «биография» вещи, казалось бы, была окончательно установлена.

Но вот однажды, без малого через тридцать лет после исследований Базилевича, археологическая экспедиция, в которой участвовали студенты Московского городского педагогического института и школьники московских школ, производила раскопки древнего городища, Тушкова городка.

Это было одно из красивейших мест Московского края. Москва-река образует здесь живописные излучины. С высокого мыса открывался вид на низкий луговой берег, круглое, как чаша, озеро, старое русло и верховья реки. Видно очень далеко. Кажется, ни один человек не мог бы подойти к Тушкову, не будучи замеченным еще верст за десять. Это и было нужно людям, которые почти тысячу лет назад построили здесь небольшой укрепленный поселок. Много лет охраняла эта крепостца рубежи Московского княжества. А в конце XIV века здесь построили новые укрепления по последнему слову тогдашней оборонительной техники. Ведь тогда

литовцы захватили Смоленск, и верховья Москвы-реки за Можайском стали важнейшим рубежом обороны Москвы. Впрочем, и позже эти места не один раз видели ожесточенные битвы за Москву. Славное Бородинское поле находится всего в десятке километров от Тушкова.

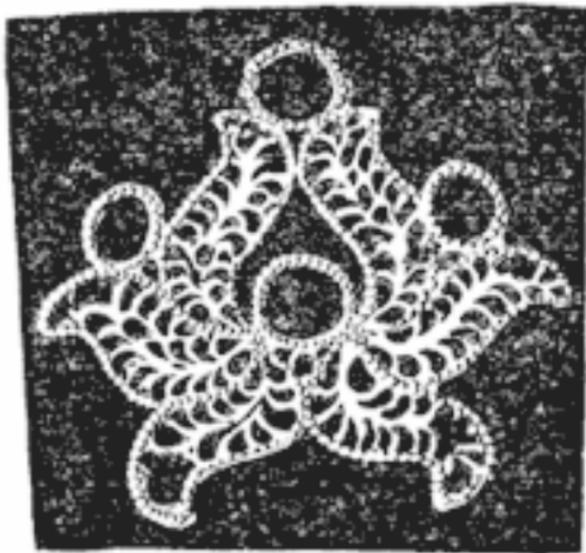
Но вернемся к нашему рассказу. Мы раскапывали древнюю крепость. У подошвы ее мощного земляного вала тянулась целая прослойка разного строительного материала – извести, песка, глины, натоптанного здесь при строительстве укрепления шестьсот лет назад.

Попадались и различные вещи – массивные, кованые, граненные наконечники стрел для самострелов, части брони, наверхье булавы, сломанная шпора. Все эти предметы воинского обихода сильно пострадали от времени. Иногда вещь невозможно было узнать: она так заржавела, что потеряла форму. Просто комок ржавчины.

Но вдруг под отвалившимся куском земли сверкнул желтый металл. Осторожно расчистив ножами и кисточками, мы вынули из земли маленькую вещицу вроде брошки, но без булавки для прикрепления к одежде.

Форма ее показалась удивительно знакомой. Где мы видели такой странный цветок? Да, конечно же, на шапке Мономаха! Это и есть знаменитый «арабский цветок», или цветок лотоса. Лепестки его были украшены филигранью и зернью. Тысячи крошечных золотых шариков были напаяны по краям лепестков. Когда-то цветок, видимо, был украшен и дра-

гоценными камнями. Но теперь от них остались лишь гнезда. Лепестки были кое-где погнуты, их ажурные украшения пробиты. Осмотрев внимательно золотую пластинку, составляющую основу цветка, мы увидели на ней признаки изменений в судьбе этой маленькой, изящной вещицы.

Видимо, когда-то мастер, делавший ее, предназначил цветок для нашивания на какую-то ткань и сделал для этого едва заметные отверстия в каждой лепестке. Они были менее полумиллиметра в диаметре и могли пропустить только тончайшую иглу и нить. Но потом, может быть через много лет, цветок был отпорот от ткани и прикреплен к какой-то другой вещи, должно быть деревянной или кожаной, потому что на этот раз его прибили небольшими гвоздиками. Отверстия

от гвоздиков были все же во много раз больше первоначальных. Наверное, при этом и погнул в некоторых местах ажурные лепестки цветка случайно сорвавшийся молоточек.

И все-таки главное открытие ожидало нас в Москве. Сравнив наш цветок с такими же цветками, украшавшими шапку Мономаха, мы убедились, что это не просто похожие вещи, но вещи почти тождественные. И по форме и по размеру они отличались друг от друга лишь в деталях, как могут различаться изделия одного мастера, одной руки. Цветок из Тушкова покрыт сплошь филигранным орнаментом, а цветки на шапке оставлены гладкими. Это потому, что они помещены среди филигранного орнамента, покрывающего всю шапку, и так лучше выделяются. Одним словом, ясно, что наш цветок был сделан тем же мастером, что и золотая шапка, и составлял когда-то с ней один комплект украшений, один гарнитур, как говорят сейчас. Что же это были за украшения?

Всего вероятнее, что это своеобразные пряжки или пуговицы, пришитавшиеся на ворот одежды друг против друга. Такие парные застежки находят в курганах XIV века на Нижнем Поволжье, то есть как раз неподалеку от древней столицы Золотой орды – Сарая.

Все это подтверждает догадку Базилевича о том, что шапка Мономаха, или, как сейчас можно ее назвать, золотая шапка Ивана Калиты, – подарок хана Узбека. Известно, что князья ездили в Орду с дорогими подарками, и нет ничего удивительного в том, что и ханы «отдаривали» их тоже до-

рогими вещами. Таков был обычай того времени.

Наверное, хан подарил московскому князю не только одну шапку, но и какую-то дорогую одежду, ворот которой был украшен пряжками – «запонами». Конечно, это была работа не татарских, а бухарских мастеров.

Дальнейшая судьба золотой шапки нам уже известна. А одежда, видимо, была переделана по вкусу нового владельца тогда же или немного позже. Может быть, пряжки показались ненужными, и по крайней мере одну из них приспособили для украшения какого-то другого, гораздо более твердого предмета, например конской сбруи. Ведь конь князя тоже должен был носить богатый убор.

Но как же попал золотой цветок из Москвы в Тушков, отдаленную крепость на западной границе русских земель?

Это нам поможет понять одна из упоминавшихся уже нами «духовных грамот» – завещание Дмитрия Донского. Князь перечисляет сначала земли, которые дает своим сы-

новьям. И вот среди можайских волостей, доставшихся его третьему сыну, Андрею, мы находим Тушков. Потом в «духовной грамоте» идет перечисление фамильных драгоценностей. Из них Андрей получил золотой пояс новгородской работы и какую-то «золотую снасть». Так иногда называли на Руси конский убор. Наверное, на этом-то уборе и был прибит золотой цветок. Андрей Дмитриевич, князь Можайский, приходился правнуком Ивану Калите, первому владельцу цветка и шапки.

Потом шапка доставалась всегда старшим сыновьям московских князей, а младшие получали другие, менее ценные вещи. Андрей мог лично осматривать строительство пограничной крепости в одной из своих волостей. Может быть, тогда и отпал от сбруи княжеского коня золотой цветок. Его не заметили среди строительного мусора, и только через пятьсот с лишком лет кисточка археолога смахнула с него пыль веков.

И вот он снова в Москве, в одном городе с золотой шапкой, вместе с которой вышел когда-то из рук бухарского ювелира.

ЕЗДЕЦ С КРЕМЛЕВСКОЙ БАШНИ

Посетитель знаменитой Третьяковской галереи попадает прежде всего в отдел древнерусского искусства. Со стен зала на него смотрят строгие лица святых: ведь в Древней Руси, как и повсюду в средневековой Европе, художник мог писать почти только одни иконы. Так установила церковь – законодательница средневековой идеологии. Она не одобряла нере-

лигиозных, или, как тогда говорили, «мирских», «светских» тем для художников. И даже портреты почтенных бюргеров в Западной Европе нередко исполнялись на одном полотне с фигурой богоматери: мадонна и даритель этой иконы такой-то с семейством.

В отличие от западноевропейской русская православная церковь признавала почти только одни плоскостные изображения – иконы, фрески, вышивки. Лишь очень редко можно было увидеть статуи русских святых (чаще других – Николая Можайского). Поэтому думали, что и вообще на Руси круглая скульптура развивалась слабо до самого XVIII века.

Однако, идя по залу древнего русского искусства, вы не пройдете мимо стоящей на небольшом постаменте человеческой фигуры, высеченной из белого камня. Это только верхняя часть туловища и голова. Грудь покрыта панцирем, на плечах – плащ, а обнаженная голова чуть повернута вправо. Простые, тонкие и строгие черты лица выражают спокойствие и твердую решимость. Волосы лежат правильными округлыми завитками.

Невольно вспоминается великолепная резьба по белому камню, украшающая стены владимирских соборов; художник, видимо, еще не освободился от влияния этих орнаментов и украсил голову своей статуи кудрями, скорее напоминающими правильный узор, чем человеческие волосы.

Правое плечо статуи поднято, левое – опущено. Руки отломаны, но по уцелевшим возле плеч остаткам видно, что

правая рука была поднята в порывистом движении кверху, а левая опущена довольно спокойно. Это, конечно, воин. Мы могли бы это сказать, даже если бы не знали, что выставленная теперь в Третьяковской галерее часть уцелела от фигуры всадника, украшавшей некогда ворота Спасской башни Московского Кремля.

В различных документах XV века можно увидеть имя Василия Дмитриевича Ермолина. Это был выдающийся московский строитель, «предстатель», как его называли, одной из крупнейших строительных артелей города. Под его руководством московские мастера построили и отремонтировали не одно каменное здание не только в Москве, но и в других городах Московского государства.

Ермолин восстановил, например, разрушившийся собор в городе Юрьеве-Польском, недалеко от Владимира, знаменитый и сейчас своей художественной резьбой. И хотя он не сумел составить вновь каменный узор (перепутал много камней), все же для своего времени это был громадный труд, и именно Ермолину мы обязаны тем, что чудесный памятник искусства XIII века дошел до нас.

Василий Дмитриевич Ермолин участвовал в ремонте стен и башен Московского Кремля, построенных еще в XIV веке, при Дмитрии Донском. На Фроловских воротах (так назывались тогда теперешние Спасские ворота Кремля) он поставил резные фигуры из белого камня. Одна из них изображала Дмитрия Солунского – святого, покровителя Дмитрия

Донского, а другая, та самая, часть которой мы описали, была гербом города Москвы.

Всадник (тогда говорили «ездец» – от слова «ездить») натягивал левой рукой узду, подымая коня на дыбы. Упершись ногами в стремяна, он привстал над седлом. В высоко поднятой правой руке его – копьё, острие которого ездец направил прямо в раскрытую пасть змеи, извивавшейся под копытами коня.

Что же это был за герб? Может быть, изображение святого? По крайней мере, так думали одно время. В описании гербов городов бывшей Российской империи вы найдете, что герб города Москвы изображает Георгия Победоносца, которому одна из легенд, распространенных на Балканах, как известно, приписывала победу над ужасным змеем.

Но в Древней Руси Георгия изображали зачастую в виде пешего воина со щитом и копьем, без всякой змеи. А древним гербом города Москвы был просто ездец. Его изображения помещали на княжеских печатях, на монетах, которые чеканили московские князья. Не всегда ездец держал в руках копьё, не сразу появилась и змея под копытами коня. Зачастую в поднятой руке всадника было не копьё, а сабля. Мы не знаем, с какими представлениями был связан этот символ. Но из одной записи летописца, сделанной уже в XVI веке, становится ясно, что, по крайней мере, тогда ездеца считали изображением самого великого князя московского; если хотите, это был своеобразный портрет. Летописи

сец сообщает, что в 1535 году великий князь Иван Васильевич (Иван IV) и его мать, великая княгиня Елена, решили чеканить деньги нового образца. Это было очень важное дело, закреплявшее слияние разрозненных прежде княжеств в единое Русское государство. Ведь до тех пор на Руси ходили монеты не только московских князей, но и тверские, и рязанские, и новгородские, и псковские, и даже монеты удельных князей (вроде мало кому известного теперь Ивана Можайского или одного из героев Куликовской битвы Владимира Серпуховского). Этих княжеств давно уже не существовало: они вошли в Московское государство, но монеты их еще принимали купцы.

Вводя для всех русских земель монеты единого образца, московские правители установили на них и единообразное изображение: на монетах ценой в «деньгу» изображался «князь великий на коне, а имея копье в руке – оттоле же, – говорит летописец, – прозвашася деньги копейные».

Вот, оказывается, откуда происходит название нашей копейки, на которой давно уже нет никакого изображения копья!

Были и монеты, вдвое меньше по цене, – «полушки». На них был изображен «князь великий на коне, а имея меч в руке». Они назывались также «сабляницы», поскольку в поднятой руке всадника была именно кривая сабля, а не прямой меч. На еще более мелких монетах – «четвертцах» – чеканили изображение птицы.

Итак, на монетах были оба ездца, о которых мы уже говорили, – и с саблей, и с копьем, и оба они считались портретами великого князя.

Но тут надо сказать, что великому князю всея Руси Ивану Васильевичу было тогда всего пять лет: ведь он родился в 1530 году. Недаром же указы издавались не только от его имени, но и от имени его матери Елены, которая была в то время правительницей, или, как говорят сейчас, регентшей. Вряд ли пятилетний мальчик мог сесть на коня и тем более взять в руки саблю или копье. Значит, портрет был условным. Однако и на целое столетие позже фигуру ездца объясняли как изображение царя. Сохранилось описание царского знамени, изготовленного мастерами московской Оружейной палаты. О всаднике с копьем и змеей там сказано: «Царь на коне колет копьем змия». Конечно, и тут мы напрасно стали бы искать сходства изображения с тем или иным царем. Просто уже прочно установилась традиция объяснять московский герб как изображение главы государства.

Но ведь еще дед Ивана Васильевича, о котором мы гово-

рили, Иван III, как известно, женился на наследнице византийских императоров Софье Палеолог и принял византийский герб – двуглавого орла. Изображение этой фантастической птицы помещали с тех пор на государственных печатях, и на предметах дворцового обихода, и на дворцовых постройках, и даже на одежде дворцовых слуг. Это был не только герб государства, но и герб царствующей семьи, как говорят, династии. Однако на московских монетах изображение всадника оставалось до XVIII века, когда и на них стали помещать изображение двуглавого орла. Древний ездец остался гербом города Москвы. На большой государственной печати, где государственный герб изображался вместе с областными, ездец занимал центральное положение. Двуглавый орел с распростертыми крыльями покрывал почти всю печать. На груди его в особом щите помещалось изображение московского ездоца, а на крыльях – гербы других русских областей, в том числе ярославский медведь, нижегородский лось, вечевая степень и жезл посадника Великого Новгорода.

Итак, ездец оставался гербом города Москвы, а московские князья взяли себе другой герб. Это объяснит нам и судьбу статуи, высеченной когда-то из белого камня. Когда в конце XV века были выстроены стены и башни Московского Кремля, которые стоят и теперь, на месте Фроловских ворот Дмитрия Донского выросла башня, которая называется Спасской. Строил ее итальянский мастер Пьетро Антонио

Соларио. На башне и сейчас можно увидеть вырезанные на белокаменных плитах надписи: с наружной стороны Кремля – на латинском, с внутренней – на русском языке. Красивой вязью написано: «В лето 6999 (по нашему летосчислению – 1491 год) июля божию милостию сделана бысть сия стрельница (башня) повелением Иоанна Васильевича, государя и самодержца всея Руси и великого князя Володимирского и Московского и Новгородского и Псковского и Тверского и Югорского и Вятского и Пермского и Болгарского и иных в 30-е лето господарства его а делал Петр Антоний Солари от града Медиолана». На воротах кирпичной башни, построенной этим миланским мастером, не нашлось уже места для ездца. Со Спасских ворот он был перенесен в Вознесенский монастырь, где тогда как раз построили новую церковь Георгия, и заняла там главное место так называемого «храмового образа». Выражаясь современным языком, старый ездец играл в этой церкви «заглавную роль» Георгия.

В XVIII веке, в царствование Анны Иоанновны, древний московский ездец окончательно получил название Георгия Победоносца. Так было понятнее для царицы и ее приближенных.

Фигура всадника помещалась теперь не только на городской печати. Ее можно увидеть, например, на серебряных изделиях, проходивших через московскую пробирную палату, и даже на донышках фарфоровых тарелок, чашек, блюдец и иных изделий «Фабрики Гарднер в Москве», хоть эта фаб-

рика и помещалась не в Москве, а в Вербилках.

И древняя статуя, символизировавшая когда-то город Москву, также стала называться «Георгием», хотя когда-то делавший ее художник, наверно, и не думал создавать икону.

Прошли годы, и Георгиевская церковь была упразднена. Статую перенесли в другую церковь – Михаила Малеина; здесь она пробыла (тоже в качестве иконы) до 1917 года.

Церковники очень заботились о статуе, но, разумеется, на свой лад. Они старались сделать ее благолепнее, придать ей больше сходства с иконой. И вот ездоца «вштукатурили», если можно так сказать, в стену – он стал похож на барельеф. На обнаженной голове всадника появился позолоченный металлический венец вроде короны. Его низко надвинули на лоб, закрыв каменные кудри. Плечи поверх брони и плаща и бедра от пояса до колена закрыли расшитыми золотом и серебром дорогими покрывами, у седла приспособили нечто вроде лампы.

И, конечно же, статую красили масляной краской – змия, гриву и хвост коня, например, в густой черный цвет, как и сапоги всадника и высывающиеся из-под венца кудри на его затылке. Разрушающийся камень восстанавливали, как умели. Словом, в начале нашего столетия трудно было отличить древние части статуи от позднейших наслоений. После 1917 года уже только голову и плечи решили взять в Третьяковскую галерею.

Об остальных частях фигуры ездоца долго ничего не было известно. Но вот недавно архитектор Сергей Александрович Маслих, разыскивая древние архитектурные детали, обнаружил в подклете церкви Ризположения сложенные кем-то когда-то куски резного белого камня. В одном из них узнавалось конское копыто, в другом – раскрытая пасть змея, в третьем – кисть одетой в броню мужской руки. На всех, конечно, были следы краски.

Словом, когда извлекли эти камни, оказалось, что здесь почти все утраченные части статуи. Над восстановлением Скульптуры работали археологи Нонна Сергеевна Владимирская и Георгий Карлович Вагнер. Это кропотливое дело продолжают сейчас реставраторы, и есть надежда, что вскоре московский ездец предстанет перед нами во всей своей древней красе.

РОГАТИНА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

На медведя ходят с рогатиной... Этот сильный и свирепый зверь, когда-то «хозяин» русских лесов, в единоборстве с человеком в большинстве случаев гибнет из-за собственной слепой ярости. Завидя врага, он поднимается на дыбы и с ревом идет ему навстречу, не замечая препятствий, сокрушая на своем пути все, лишь бы обрушить поскорее на противника многопудовый вес своей туши, страшные удары мощных когтистых лап, острых зубов.

Но вдруг перед лесным гигантом оказывается острое и крепкое копьё, задний конец которого укреплен в земле.

Острое вонзается в грудь зверя, а тот в ярости стремится вперед и даже не замечает, что сам своим весом и движением все глубже вонзает в себя смертоносный металл. И если даже медведь не умрет от проникнувшего в сердце копья, он все же совершенно беспомощен и его легко добить, например, ударом топора.

Про человека, который стремится к своей цели, невзирая на непреодолимые препятствия, говорят, что он «лезет на рожон», то есть идет, как медведь на рогатину.

Нельзя сказать, что единоборство со страшным зверем – легкое дело. Для этого человек должен быть мужественным, сильным и опытным. Малейшая оплошность – и вместо того, чтобы «поддеть» медведя, охотник окажется сам подмятым под него. И если будет жив, то уж, во всяком случае, медвежьи когти и зубы оставят память навсегда. Недаром русская притча подсмеивается над незадачливым медвежатником: «Чего кричишь?» – «Медведя поймал!» – «Так веди его сюда!» – «Да не идет!» – «Ну так сам иди!» – «Да не пускает!»

Медвежья охота в древности была излюбленной забавой русской знати. Если бедный человек шел на медведя по необходимости, борясь с этим опасным хищником ради его шкуры и мяса, то боярин или князь охотился ради острых ощущений. Конечно, с целой гурьбой челяди, со сворой специально натасканных собак. Ловчие выслеживали медведя, находили его берлогу, «обкладывали» зверя и в нужный

момент неожиданно «поднимали» его, чтобы застигнутый врасплох медведь не ушел, а яростно кинулся на охотников. Но удовольствие вонзить в грудь зверя копьё всегда доставалось хозяину.

Эти копьё, рогатины, были особенные – короче обычных боевых копий, с толстым древком и массивным стальным наконечником. Иногда наконечник был даже с маленькой перекладиной, чтобы не проткнуть зверя насквозь. Для любимой забавы князя заказывали себе богато украшенные рогатины.

Вот перед нами одна из них. Она красуется за стеклом витрины Оружейной палаты Московского Кремля. Разумеется, это только наконечник рогатины. Изящное, крепкое «перо» его стальное; стальная же втулка, при помощи которой наконечник надевали на древко, обложена серебром и слегка позолочена.

На втулке выгравированы различные изображения. Они хорошо видны, если рогатину повернуть острием вниз. Конечно, есть здесь сцены охоты: ведь копьё-то охотничье! Юный охотник натягивает лук, чтобы выстрелить в нападающего зверя. Над головой зверя летит, выпустив острые когти, птица (может быть, сокол). А вот охотник ударяет рогати-

ной в раскрытую пасть вылезавшего из-под дерева (из берлоги?) медведя. Молодой, довольно богато одетый человек почтительно разговаривает с царицей в роскошном платье и пышной короне, какие рисовали в те времена на миниатюрах летописей. Один человек подносит другому кубок, который тот принимает почтительно, готовясь преклонить колено; над головой его – еще одна человеческая голова. Полуобнаженного человека пытаются: руки привязали к кольцу наверху, один из палачей держит его за ноги, второй бьет кнутом. Человека бьют головой об стену. А вот, может быть, тот же человек, которого пытали, сидит на резном стуле; он еще не одет, и на лице следы истязаний, перед ним – целая толпа, а впереди нее – также полуобнаженный человек с ведром в руках и злорадным выражением на лице. На другой сцене недавно мучимый человек сидит на стуле, одет в богатое платье; ему подносят корзину или ведро, но он отказывается характерным жестом руки.

Трудно связать все эти сцены воедино, но исследователи думают, что это иллюстрации к какой-то не дошедшей до нас повести или сказанию, хорошо известному в те годы, что они

говорили тогда людям гораздо больше, чем говорят нам сейчас.

Долго попытки объяснить смысл изображений были почти безуспешны. С. Я. Лурье предположил, что они иллюстрируют знаменитую повесть о Щелкане Дудентьевиче, татарском баскаке, убитом восставшими тверичами в 1327 году. Но далеко не все сцены даже при очень вольном толковании могли быть связаны с этой повестью. Б. А. Рыбаков думал, что изображения на рогатине иллюстрируют, может быть, не одно, а несколько сказаний.

И лишь недавно Татьяне Васильевне Николаевой удалось найти исчерпывающее, убедительное объяснение всех изображений, связанных, как оказалось, единым, глубоко трагическим сюжетом.

На втулке рогатины художник изобразил историю гибели тверского великого князя Михаила Ярославича, замученного в ставке ордынского хана Узбека. Мастеру был хорошо известен рассказ об этом, вошедший в московскую летопись.

Теперь нам трудно представить себе, что город Тверь, на-

ходящийся не так далеко от Москвы, был когда-то центром сильного Тверского княжества, не только другого, но даже зачастую враждебного Москве и всегда соперничавшего с ней феодального государства. Тверские князья не только не признавали главенства московских, но иногда даже добивались от ханов Золотой Орды ярлыка на великое княжение Владимирское – старшинства над всеми другими русскими князьями.

Борьба эта особенно обострилась во втором десятилетии XIV века, когда в Твери правил Михаил Ярославич, а в Москве Юрий Данилович, старший брат Ивана Калиты. Они были в близком родстве между собой: Михаил – племянник, а Юрий – внук Александра Невского. Михаил Ярославич имел тогда ярлык на великое княжение Владимирское. Великий князь владимирский отвечал перед ханом и за сбор «числа» – дани, наложенной ордынцами на русские земли. Несмотря на это, великое княжение давало множество выгод в непрекращавшейся тогда борьбе между феодалами, иные князья мечтали отнять у своего тверского собрата Владимирский стол.

Юрию Даниловичу это удалось. Он отправился к Узбеку, поднес богатые подарки многим влиятельным вражеским сановникам, приобрел важные связи и уехал из Орды не только великим князем владимирским, но и ханским родственником: он женился на сестре хана. Молодую чету сопровождал на Русь ханский посол, крупный феодал Кавгадый. Разуме-

ется, с немалым войском.

Постоянно ссорить русских князей, поддерживая то одного, то другого, не давать никому из них усилиться, не позволять им объединяться – вот к чему стремились завоеватели.

Но сладить с сильным Тверским княжеством было нелегко. Борьба шла с переменным успехом. В 1317 году при селе Бортенева в сорока верстах от Твери Михаил Ярославич наголову разбил московскую рать. Юрий Данилович едва ушел со своей личной дружиной, его жена и брат попали в плен, а Кавгадый даже не решился вступить в бой и начал с Михаилом мирные переговоры. Вскоре было решено, что оба соперника вновь поедут в Орду «искать великого княжения Владимирского».

Между тем жена московского князя, ханская сестра, умерла в тверском плену, и противники Михаила распустили слух, что ее отравили. Все это не предвещало успеха тверскому князю; родичи и советники уговаривали его не ездить к хану. Но тогда нужно было ожидать нового нашествия: разгневанный хан обрушил бы на непокорных всю свою грозную силу.

И Михаил Ярославич поехал в Орду; ясно сознавая, что рискует жизнью. Там после нарочитой комедии суда, в которой решающую роль играл все тот же Кавгадый, князь был зверски замучен. Его обвиняли прежде всего в непокорстве, а заодно – и в утайке дани, и в попытке бежать за рубеж, и, конечно же, в отравлении ханской сестры. «Горд еси и непо-

корлив царю (так переводили на русский язык титул хана) нашему, и посла царева Кавгадыя соромотил еси, и с ним бился еси, и татар его побил еси, и дани царевы имал еси себе, а царю не давал, и в немцы с казною бежати хотел еси, и казну к папе в Рим отпустил еси, и княгиню Юрьеву зелием уморил еси, и князей и татар царевых побил еси» – таково было, выражаясь современным языком, «обвинительное заключение» ханского суда; оно дошло до нас на страницах летописи. Летописец рассказал и о мучениях, которым подвергли Михаила Ярославича до и после суда.

И вот, сравнив эту повесть с изображениями на рогатине, Татьяна Васильевна Николаева убедилась, что каждое из них посвящено одному из эпизодов этой трагедии. Они даже расположены в своеобразном порядке: на одной стороне втулки сверху вниз, на другой – снизу вверх и две на боковых гранях. Михаила Ярославича повели за ханом, который отправился в поход, а по дороге «делал ловы», то есть охотился – и мастер изобразил первую сцену охоты, где видны стрелок и охотничий сокол. Князь (вероятно, через своего сына) искал помощи у одной из ханских жен, но та оказалась бессильной – об этом говорит изображение разговора юноши с царицей. Осужденного Михаила выставили для всенародного поругания на базарной площади, а затем по ханскому обычаю его полагалось омыть, одеть в приличествующие его сану одежды и накормить изысканными яствами, но князь отказался их есть. Об этом говорят следующие два изображения – ниж-

ние на обеих сторонах втулки. Затем – опять охота (рассказ упоминает, что князя снова возили за ханом «на ловы»). Шестая сцена – это причащение Михаила перед смертью (символом которой служит изображение головы), две последних – пытки и казнь, точнее – убийство.

На серебряной обкладке втулки рогатины выгравирована и надпись красивыми декоративными буквами: «РОГАТИНА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ БОРИСА ОЛЕКСАНДРОВИЧА».

Борис Александрович! Этот человек хорошо известен историкам. С 1425 по 1461 год он был великим князем тверским. Как раз тогда Москва переживала период временного упадка, так как московские князья – потомки Дмитрия Донского – ссорились и воевали между собой. И Борис Александрович, подчинив удельных тверских князей, мог подумать о том, чтобы стать великим князем «всея Руси». Его даже именовали иногда «царем». Один из тверских монахов, некий Фома, написал тогда особое «похвальное слово о великом князе Борисе Александровиче», в котором доказывал, что этот князь достоин быть князем «всея Руси».

Но потом Борис Александрович оставил эти мечты. Он предпочел поддержать московского князя Василия Васильевича и обручить свою дочь Марию с наследником московского престола Иваном Васильевичем, будущим Иваном III. Жениху было всего семь лет, но в семьях феодальных государей браки детей не были в те времена редкостью: они заключались по политическим соображениям. У Ивана и Ма-

рии родился через одиннадцать лет сын Иван, рано скончавшийся и получивший в истории прозвание Молодого. Внук Бориса Александровича, он был впоследствии претендентом на тверской великокняжеский престол.

Однако мы отвлеклись от самой рогатины. История этой вещи замечательна. Ее сделали искусные тверские мастера для своего князя. На горячую, только что откованную стальную втулку набили тонкие серебряные листы. Острым резцом мастер выгравировал на серебре фигуры и надпись. Это был выдающийся художник. Маленькие фигурки выразительны и динамичны. А чтобы они лучше выделялись, фон серебряных пластин частью заштрихован, частью же покрыт рядами зигзагообразных линий. Каждая из них нанесена миниатюрным зубильцем, которое поворачивали при ударе молоточком всякий раз под определенным углом. Чтобы сделать этот фон, потребовались, может быть, десятки тысяч поворотов зубильца и ударов молоточка по тупому его концу. Все эти приемы древнего мастера смог восстановить по его изделию Б. А. Рыбаков.

Почему для украшения драгоценной рогатины избран такой трагический сюжет, понять можно. Великий князь тверской Борис Александрович приходился Михаилу Ярославичу пра-пра-правнуком. Гибель Михаила в Орде воспринималась тогда всеми как великая жертва за русскую землю. Недаром позднее, в XVI веке, и церковь объявила его «святым». «Если даже тебе придется умереть, то лучше умри, а

друга не выдай!» – говорилось в одной тверской рукописи того времени. Эта идея вложена и в украшение княжеского оружия, предназначавшегося, вероятно, не столько для самой охоты, сколько для парадных церемоний. Каждый, кто видел рогатину, вспоминал и о подвиге предка ее владельца. Может быть, все же рогатина послужила князю и в его охотничьих забавах.

Но как попала она в Москву? Не вместе ли со всей казной тверских князей, когда Тверь была присоединена к Москве (в 1485 году)? Это, пожалуй, маловероятно. Последний тверской князь Михаил Борисович бежал тогда в Литву и, конечно, захватил казну с собою. А может быть, и совсем иначе. Ведь Борис Александрович мог подарить своему малолетнему зятю по случаю свадьбы свою драгоценную рогатину в знак того, что Иван теперь взрослый мужчина и может не только жениться, но и охотиться, если захочет, на медведя. Конечно, мальчику такой подарок был приятен вдвойне.

А когда князь стал взрослым, то, видимо, оценил и художественную работу мастера. Да и потомки его ценили. Иначе не хранили бы рогатину так бережно в Оружейной палате Московского Кремля.

ПЕЧАТЬ ИВАНА КОРОВЫ

Раннее утро в дачном поселке Луцино под Звенигородом.
Высокий берег Москвы-реки.

Сосны. Тишина.

Яркие лучи солнца врываются в окно коттеджа.

Комната заставлена книгами. За рабочим столом уже сидит худощавый пожилой человек с живыми, внимательными глазами. Это академик Степан Борисович Веселовский. Сквозь большую лупу он рассматривает лежащий перед ним маленький предмет. Кусочек кости величиной в ноготь ми-

цинца снабжен сверху миниатюрным ушком. Сквозь увеличительное стекло видна вырезанная в центре овального щитка фигурка человека, держащего в левой руке копьё, в правой – щит. Конечно, при увеличении, под косым светом солнечных лучей, копьё похоже на спичку, а круглый щит – на жирную запятовую. Кругом какие-то буквы странных очертаний, так что мы и прочесть сначала не смогли бы. Но, если читать не так, как мы привыкли, – слева направо, а наоборот – справа налево, начиная от буквы, стоящей над головой человечка, надпись получает определенный смысл: «ПЕЧАТЬ ИВАНА КАРОВИ». Теперь уже легко разделить их на слова: «ПЕЧАТЬ ИВАНА КАРОВИ».

– Такая маленькая! – говорит Степан Борисович. – Как же вы ее нашли в такой массе земли, как углядели?

В самом деле, как мы ее углядели?

Вспоминаются шум и суeta большой стройки далеко от-

сюда, тоже на берегу Москвы-реки, но в самом центре Москвы, в Зарядье, близ Красной площади. Мощные экскаваторы рыли котлован для фундамента. Но по договоренности с археологами они сняли только верхние слои земли, а нижние, более древние, раскапывали вручную. Сначала работали обыкновенными лопатами, но потом, когда на глубине трех с лишним метров встретился мощный слой угля и золы, стали действовать саперными лопатками, ножичками и кисточками. Вот удалось расчистить два частоккола, идущие параллельно с севера на юг на расстоянии двух метров друг от друга. Между ними – остатки колодца. На всем следы сильного пожара, уничтожившего постройки. Уцелели только те их части, которые тогда были в земле. Частокколы подходили к улице, Великой улице, про которую вы уже читали. Они отгораживали друг от друга две усадьбы. Та, что была западнее, ближе к Кремлю, носила явные следы отчаянной борьбы людей с огнем. По всей ее площади попадались остатки огромных бревен, длиной метров по шести, толщиной до полуметра. Они лежали в беспорядке. Видимо, горел какой-то большой дом, и его растащили буквально по бревнышку (хороши были «бревнышки» – не в обхват!), пытаясь остановить свирепый огонь и спасти хотя бы соседние дома. Но в глубине усадьбы, далеко от улицы, за домом сохранилась часть небольшого строеньица, на сооружение которого явно в свое время пошли отходы от постройки большого дома. В сруб попали и огромные бревна и тонкие жерди. Из жердей

(а не из досок, как обычно в северных русских домах) настлали и пол, как будто нарочно, чтобы могла стекать вода. Больше половины маленького помещения занимала большая глинобитная печь, от которой, конечно, нашли лишь остатки. Земля перед срубом тоже была выстлана жердями. Здесь уцелели и обугленное днище бочки и часть полусгоревшего деревянного желоба. Впрочем, и пол и самый сруб были тоже сильно обуглены, как и все вокруг. Это была баня, или, как тогда говорили москвичи, «мыльня» с предбанником.

Когда могли сгореть все эти строения? Приблизительно мы определили это еще задолго до расчистки бани, когда, постепенно опускаясь, дошли до слоя пожара. Дело в том, что в нем совсем не попадалось обломков ни блестящей, ни матовой черной глиняной посуды, которая распространилась в Москве в начале и особенно в середине XVI века, когда московский престол занимали Василий III и Иван IV. Можно было предположить, что раскопки уже прошли горизонты земли, отложившиеся в XVI веке, и слой, оставшийся от большого пожара, относится ко второй половине XV века. Но пока не было найдено ни одной вещи, которая могла помочь определить время точнее. Хорошо бы, например, найти монету с надписью «князь великий Иван Васильевич и господарь всея Руси» – монету Ивана III!

Узнать точнее, когда произошел этот огромный пожар, все же удалось. Дело в том, что о таких бедствиях писали современники. На страницах московской летописи XV века

мы прочли: «Того же лета 6976 маиа в 23 день в 2 часа ноци загореся посад на Москве у Николы Мокрово, и много дворов бесчислено згоре. Горело вверх по рву за Богоявленскую улицу, а от Богоявления улицею мимо Весяковых двор по Иван святы на пять улиц, а от Иоанна святого на подол по Васильевской луг, да на Большую улицу на Вострой конец, и по самую реку да по Кузьму Демиана на Вострой конец. Истомно же тогда было и нутрь городу, понеже бо ветрено было и вихор мног, но бог сохрани его».

Осторожно, разминая каждый комок земли руками, обметая кистью сохранившиеся части деревянных конструкций

и глинобитной печи, расчищали археологи участок за участком древнего пола. Попадались все больше черепки разбитых сосудов, остатки обгоревшей до неузнаваемости деревянной утвари, обломки костей. Но вот за печкой, под комьями осыпавшейся глины, нашли маленькую косточку необычно правильной формы. Осторожно промыли ее водой и на обратной стороне небольшого овального щитка увидели фигурку, окруженную непонятными с первого взгляда знаками. Но это были не магические знаки и не письма какого-то неизвестного нам еще народа. Тайна их раскрылась сразу, как только находку отразили в зеркале. Зеркальце нашлось, к всеобщему удивлению, не у молодых девушек-студенток, а у пожилого рабочего Николая Михайловича.

– А что удивительного? Думаете, я уже должен замухрышкой ходить, коли года вышли? – усмехнулся он, подавая нетерпеливой молодежи «волшебное стекло».

И сейчас же все легко прочли надпись: «Печать Ивана Карови». А прочтя, уже удивлялись, как с самого начала не догадались читать надпись «наоборот».

«Должно быть, никогда не писали люди грамотно, – подумаете вы. – Вот и «корову» через «а» написали». Но эта ошибка не так проста, как кажется. Не надо забывать, что вещь найдена в Москве, где еще до наших дней сохранился «акающий» говор. И совсем недавно «акающих» москвичей поддразнивали: «С Масквы, с пасада, с Аващнова ряда!» Вырезал на кости эту печать, наверное, москвич. И под его

резцом «корова» превратилась в «карову».

Это был очень искусный мастер. На такой маленькой площади – лишь немного больше квадратного сантиметра – и фигурку-то воина вырезал, и крупную, четкую надпись вокруг. И каждая буква на месте, ни одна не больше и не меньше, не налезает на другую!

Сама фигурка очень живая. Как будто идет вперед.

А кого она изображает? В древности обычно на печати изображали того святого, в честь которого был назван владелец. Этот был Иваном, а на печати – фигурка с оружием. Наверное, Иван Воин, очень почитавшийся на Руси и много позднее. Было даже имя Воин. Еще у Пушкина был такой приятель Павел Воинович Нащокин. Впрочем, голова человека изображена без нимба – сияния, которое якобы окружало головы святых. Может быть, это вовсе и не изображение святого, а просто условный портрет владельца.

Но кто же был владелец печати? Конечно, не из простых людей. Печать могла быть тогда только у феодала-боярина или дворянина. Нам известны печати многих русских князей, епископов, наместников, посадников, тысяцких и иных должностных лиц. Известны (хотя и в меньшем количестве) также печати частных лиц, но все больше бояр. Из простых людей печать имел один лишь знаменитый Кузьма Минин.

Печати берегли. Ту, о которой мы говорим сейчас, хозяин, по всей вероятности, носил на шее рядом с нательным крестом. В ушке печати удалось найти даже остатки шелко-

вого шнура, на котором ее носили.

Чья же она? Вероятнее всего, владельца усадьбы, к которой принадлежала «мыльня»: ведь общественных бань в Москве тогда не было, да и стал ли бы боярин мыться в общей бане? Конечно, это был его дом.

Как все-таки Иван Корова потерял свою печать, если так дорожил ею? По-видимому, ему было уже не до печати: самому бы только выскочить! Вспомним, что печать нашли под развалинами сгоревшего здания.

Представляется страшная картина. Глухая ночь, два часа, и вдруг все кругом запылало! Горел один из центральных кварталов города.

Что же, все это действительно было ночью и Иван Корова вздумал ночью мыться? Оказывается, нет. Просто тогда был совсем другой счет времени – не только лет, но дней и часов. Часы ночи считали не после полуночи, как сейчас, а после захода солнца. Два часа ночи 23 мая 6976 года – это по-нашему будет 31 мая 1468 года, примерно половина девятого вечера. В мае в это время еще совсем светло и ложатся спать разве что дети.

Студенты – участники экспедиции – очень заинтересовались этой ситуацией. И вскоре в их рукописном журнале «Археологическая неделя» появились стихи, начинавшиеся так:

Как при третьем при Иване

Мылся раз боярин в бане...

Конечно, они были снабжены соответствующими иллюстрациями, выполненными самим автором.

Итак, во второй половине XV века искусный мастер-резчик сделал в Москве печать для какого-то московского боярина или дворянина, по имени Иван, по прозвищу «Корова». Тот носил ее на шее на шелковом шнуре, но снял однажды (по всей вероятности, 31 мая 1468 года, несколько раньше половины девятого вечера) в «мыльне» да так и не надел снова до самой своей смерти. Лежала она под развалинами печи в сгоревшем здании, покрылась пеплом, сверху вырос культурный слой. И только через 482 года археологи снова извлекли ее на дневную поверхность.

Но кто же был этот Иван Корова? Не принадлежал ли он к какой-либо знаменитой фамилии? Из «духовных грамот» (завещаний), сохранившихся до наших дней от тех отдаленных времен, нам известно, что этот район в Зарядье принадлежал тогда одному из знатнейших московских бояр – князю Ивану Юрьевичу Патрикееву. Уж не носил ли этот князь, потомок древнего рода, «благозвучного» прозвища «Корова»?

Вот эти-то размышления и привели нас в тихий подмосковный поселок, в кабинет Веселовского, лучшего знатока этого периода.

– Да, – говорил Степан Борисович, рассматривая печать, –

это несомненно вторая половина пятнадцатого века. Только тогда писали и букву «ч» «расщепом» (в виде двух палочек, напоминающих латинское «v»), и букву «в» с увеличенной, как бы набухшей, верхней частью, и букву «т» иногда с мягким знаком слитно. Ну что ж, поищем вашего Корову.

Он достал с полки большой фолиант в темном, выдавшем виды переплете. Это была не совсем обычная книга. Ее страницы исписаны четким, несколько угловатым почерком самого Степана Борисовича. На каждую из них он наносил в течение ряда лет в хронологическом порядке имена представителей московских боярских семей, встреченные им на страницах многочисленных архивных и печатных исторических источников. Получалось своеобразное родословное дерево каждой фамилии.

– Говорите, неблагозвучное прозвище «Корова»? Неблагородное? Вот, видите, на этих страницах есть прозвища и почище. А между тем все, так сказать, цвет московской аристократии!

И правда, ведь общеизвестно, что родоначальником царской династии Романовых был некий Андрей Кобыла, живший в XIV веке. Конечно, цари потом стеснялись этого прозвища своего предка и нашли «специалистов», которые вывели их род от потомка прусского владельца некоего Камбилы. Но факт остался фактом, и дальний родственник царей, известный драматург, автор знаменитой «Свадьбы Кречинского», прославил род именно под фамилией Сухово-Кобы-

лин. Был в роду будущих царей и боярин Федор Кошка, и только в конце XVI века они получили свою фамилию – Романовы – от Романа Юрьевича Юрьева-Захарына, отца Анастасии, первой жены Ивана Грозного.

– Поищем вашего Корову, – повторяет Степан Борисович, перелистывая свою книгу. – Вот Корова из рода Пожарских. Нет, этого зовут Василий, а не Иван. Стойте! Вот Иван Корова Кутузов! Нет, и этот не подойдет: он жил в конце XVI века...

Словом, много страниц было перевернуто, много родословных прочитано, а Ивана Коровы, который бы жил во второй половине XV века, среди них не оказалось.

И печать снова вернулась в Москву, в Музей истории и реконструкции Москвы.

А мы время от времени возобновляем поиски Ивана Коровы. Нельзя сказать, чтобы они были совсем безуспешны. Среди документов XV века попалась одна челобитная – жалоба жителей городка Солигалича на великокняжеского наместника Федора Корову, написанная в 1470-х годах, вскоре после того, как Иван Корова так поспешно выскочил на улицу, забыв о своей печати. Может быть, этот Федор – родственник нашего Ивана? Во всяком случае, мы не теряем надежды найти еще и Ивана Корову.

Или, может быть, вы его найдете, когда вырастете?

А пока наиболее вероятный «кандидат в Коровы» – князь Иван Юрьевич Патрикеев.

КАЛИТА ИГРОКА

Шесть ворот было когда-то в Московском Кремле. И каждые ворота представляли собой проезд в крепкой и высокой башне. Через Никольскую, Спасскую и (теперь заложенную) Константино-Еленинскую башни можно было попасть на дороги, ведущие к востоку и юго-востоку. Еще в 1380 году из этих ворот тремя колоннами вышло войско Дмитрия Ивановича, направляясь к Коломне, а затем к Дону, на поле Куликово. К Москве-реке выходили ворота в Тайницкой башне; через Боровицкие и через Троицкие ворота попадали на дороги, ведущие на юго-запад и запад от Москвы. Всем известная улица Арбат и ее продолжение носили в древности название Смоленской улицы: ведь здесь шла дорога на Смоленск и далее, к западным рубежам московской земли.

Конечно, так много ворот было нужно для того, чтобы центральная московская крепость была всегда связана со

своим городом и со всей страной. Однако в эти ворота легко мог ворваться и враг! Поэтому москвичи вынуждены были строить ворота своей крепости так, чтобы доступ к ним в любой момент мог быть прегражден естественными и искусственными препятствиями. Москва-река и Неглинная, конечно, были надежными преградами, а по Красной площади был прорыт широкий и глубокий ров, наполненный водой из этих рек.

Водная преграда была, разумеется, надежной, но не совсем непреодолимой для врага. И потом сами же строители крепости должны были перекидывать через эти преграды мосты, чтобы не оказаться изолированными от внешнего мира.

Как же все-таки они защищали входы в свою крепость?

Посмотрим на те ворота, которые сохранились лучше других. Вот, напротив улицы Новый Арбат и нового здания Ленинской библиотеки, возле бывшего Манежа, где теперь Выставочный зал, стоит приземистая белая башня с затейливым узором зубцов наверху. В ней широкий проем ворот, завершающийся полукруглой аркой. То есть собственно ворот, которые можно было бы закрывать и открывать, нет вовсе, и через арку с улицы виден каменный мост, перекинутый через Александровский сад. На месте сада и текла в древности река Неглинная, и мост, конечно, был перекинут через нее к воротам высокой Троицкой башни, которые вели уже непосредственно в Кремль. Но зачем эта белая башня (кото-

рую называют теперь Кутафьей), когда через нее так же легко попасть на мост, как если бы ее и не было? Осмотрим ее повнимательнее. Зайдем со стороны Александровского сада, от здания Манежа. Теперь видно, что в северной стене башни были ворота, ныне заложенные. Осталась даже каменная рамка, куда прикрепляли икону над воротами. А что это за узкие щели, оставшиеся в стене башни? Через эти щели проходили когда-то рычаги и цепи, при помощи которых можно было поднимать и опускать мост. А зачем вообще здесь, на суше, был еще один мост? Ведь Кутафья стояла на правом берегу Неглинной, перед большим мостом.

Ответы на все эти вопросы мы получили, когда произвели раскопки у северной стены Кутафьи. Оказалось, что при постройке это предмостное укрепление (как называют такие сооружения военные инженеры) имело только один выход – к северу, под прямым углом к линии моста через Неглинную. И этот выход находился на высоте... шести метров над землей, примерно на уровне пола третьего этажа современного жилого дома. Да и вся площадь перед Манежем в древности была гораздо ниже, а башня стояла на мощном белокаменном цоколе, который теперь скрыт под нанесенной за века землей. Вот поэтому-то и нужен был еще один мост, чтобы из ворот Кутафьи можно было съехать на берег. А для большей безопасности прилегающая к Кутафье часть моста была устроена так, что ее в случае нужды можно было поднять.

Теперь представим себе, какие препятствия встретил бы

неприятель, который попытался бы в этом месте ворваться в Кремль. Вот он подошел к легкому мосту, даже сумел подняться по нему. Но тут перед ним разверзлась пропасть. Подъемная часть моста была поднята так, что закрывала ворота и оставляла зияющую пустоту, которую не так-то легко было преодолеть. Приходилось начинать сначала. Допустим, что врагу удавалось найти где-то поблизости подходящий материал и соорудить какие-то помосты, по которым можно было добраться до ворот. В древности для этого использовали все, что попадалось под руку – бревна разрушенных домов, деревья, просто землю, – и бросали к основанию крепости, пока куча не достигала уровня ворот. Это называлось «приметывать примет» (от слова «метать» – бросать). Если даже пробивали эти ворота и входили в само укрепление, положение нападающих оставалось незавидным. В тесной башне надо было повернуть под прямым углом налево и штурмовать следующие ворота. А осажденные, конечно, не теряли времени зря и метали сверху во врагов камни, стрелы, лили кипяток или кипящую смолу.

Таков был расчет военных инженеров, задумавших это предмостное укрепление.

Но представим себе гораздо более приятную для глаз и сердца мирную картину. Никаких врагов поблизости нет, и город живет своей кипучей мирной жизнью. Подъемный мост у Кутафы, конечно, опущен, и по нему едут одна за другой повозки, проходят и проезжают верхом люди. И, разумеется, как всегда в большом городе находится немало зевак, бездельников, любителей постоять, поглазеть, кто и как идет, как едет, что везет, что несет. А для пущего удовольствия зеваки захватили с собой орехов и грызут себе их, стоя у обочин моста и перебрасываясь время от времени хлесткими словечками по адресу прохожих и проезжих. Много ли,

мало ли было таких зевак, долго ли или коротко они здесь простаивали, но только скорлупа от орехов легла под мостом целым слоем, который и раскопали археологи.

И вот среди всей этой шелухи неожиданно появился на дневной свет кусочек кожи. Под ловкими руками работницы, удалявшей весь лежавший сверху мусор, он постепенно увеличивался. Проглянул узор... Ба! Да это целая сумка! И какая она была красивая! Впрочем, чтобы оценить это, нужен был опытный глаз, который восстановил бы сумку в ее прежнем виде. Сейчас же она имела вид довольно жалкий для непосвященного зрителя. Она побывала и в воде и в грязи. Опрела, покоробилась.

Сумка попала в руки сначала опытного реставратора Ольги Александровны Кирьяновой, а потом – исследователя-художника Михаила Никаноровича Кислова, который и восстановил ее такой, как изображено на рисунке. Это небольшая калита, как называли в древности такие сумки. Калита была необходима всякому человеку, который вышел по делам на улицу. Ведь тогда в одежде не было столь необходимых нам теперь карманов. Их стали делать только с XVII века. Деньги (в ту пору это были маленькие серебряные монетки: бумажных денег не знали), огниво для высекания огня и иные мелкие предметы носили в калите, которую привешивали к поясу или через плечо на ремне. Калита, как вы видели, была чем-то средним между полевой сумкой и кошельком. В этом последнем значении она была особенно хоро-

шо известна. Недаром одного из первых московских князей, скопидомного Ивана Даниловича, прозвали Калитой, да так это прозвище и «прилипло» к нему не на один век. «Калита – брат, калита – друг. Есть в калите, так и кума на куте» (то есть в гостях: ведь гостей сажали в «красный кут» – передний угол комнаты), – говорит пословица, созданная, видимо, какими-то серебrolюбцами.

Наша калита имела два отделения. Каждое из них прикрывалось особой крышкой. Передняя ее стенка была украшена накладными, вырезанными из кожи узорами, которые прикреплялись к сумке цветной ниткой, красиво сочетавшейся с темным цветом кожи. На верхней крышке была искусно прорезана затейливая розетка. Интересно, что калита была сделана из очень тонкой кожи. Кожу пришлось сшить в несколько слоев. Чтобы изготовить эту сумку, мастер дол-

жен был сначала вырезать четырнадцать кусков кожи по семи различным выкройкам. Затем он сложил их вместе наизнанку, сшил, проложив между ними более толстый ремешок, и только тогда вывернул на лицевую сторону и прошил по краям крышек и ремня, на котором калита подвешивалась... но мы так и не знаем, к поясу или через плечо. Дело в том, что ремень этот оказался косо срезанным каким-то очень острым ножом.

Так вот как попала калита под мост! Ее попросту срезали у кого-то! Наверное, не все зеваки на мосту собирались просто поглазеть, погрызть орехи, перекинуться словечком. Были среди них и такие, которые высматривали зазевавшегося прохожего, чтобы поживиться его добром. Трудно назвать этих людей «карманниками»: ведь карманов-то тогда не было. «Вор» для такого человека тоже слишком почетное прозвание. Это слово применяли в ту пору скорее ко всякого рода политическим преступникам. Слово «мошенник», происходящее от слова «мошна» – мешок, кошелек, – тоже употреблялось тогда в совсем ином смысле: человек, делающий сумки или кошельки. «Тать» называли в ту пору тех, кто крал. «Яко тать в нощи», – говорят и сейчас о крадущемся человеке: как ночной вор.

Итак, один тать лет пятьсот назад в суете и давке на мосту у Кутафьи срезал у какого-то прохожего красивую калиту, обещавшую своим внешним видом богатую добычу. Но воспользоваться ею не сумел. То ли был он недостаточно ловок

и уронил добычу под мост, то ли попался на глаза страже, которая, конечно, всегда дежурила у ворот крепости, и постарался скорее избавиться от «татиного» (краденого), чтобы избежать наказания. Так или иначе, но калита попала под мост да там и пролежала до наших дней.

А что же все-таки было в калите? Скажем прямо, тать не разбогател бы. Скорее, он пережил бы глубокое разочарование. В калите оказались только... игральные кости и маленький стальной кинжал.

Игральная кость – это крошечный костяной кубик, на каждой из граней которого точками обозначены очки – от одного до шести. Они располагались так, чтобы сумма очков на двух противоположных гранях была равна семи: один против шести, два – против пяти, три – против четырех. Таково было тогда правило.

Все вы знаете такие «кости». Их и сейчас еще бросают при некоторых играх, чтобы получить какое-то число очков. А в древности это была азартнейшая игра, конечно, на деньги. В кости играли в кабаках, и нередко игра переходила в драку. На этот случай и захватил наш игрок – а владелец кали-

ты, конечно, был игрок – маленький кинжал, чтобы в случае необходимости незаметно вынуть его из сумки и пустить в ход.

Нет, не вызывает сочувствия этот игрок, у которого тать срезал сумку. Видно, свой своего не узнал.

Но вряд ли такой человек мог быть зевакой, у которого легко было стащить что-нибудь. Как знать? Может быть, он только что проигрался (ведь денег-то в сумке не было – ни одной монетки!). Может быть, он был так погружен в мрачные мысли о своем проигрыше, что и не заметил, что трется возле него незадачливый тать.

Эту сценку из городской жизни рассказала нам красивая калита, сделанная искусным московским мастером.

БРОНЯ ИЗ ОРШИ

Ее нашли сто с лишним лет назад. В небольшом белорусском городке Орше ремонтировали один монастырь. В стене случайно открылась давно замурованная ниша. А там лежала груда заржавленных железных колец. Оказалось, что кольца переплетены между собой и образуют целую рубаху с короткими рукавами.

Находку отправили в крупнейший в тех местах Музей древностей при Виленской публичной библиотеке. В Вильно

вещь определили точнее. Это была броня из крупных плоских железных колец, скрепленных гвоздями или заклепками. Каждое кольцо было высечено специальным штампом из цельного листа железа почти в миллиметр толщиной. Диаметр кольца достигал семнадцати миллиметров, ширина его ободка – около трех миллиметров. Такие кольчатые брони назывались на Руси байданами (или боданами). Слово это арабского происхождения, как, вероятно, и сам этот вид кольчуги. Но байданы делались обычно с длинными (ниже локтей) рукавами и подолом, почти достигавшим колен. А найденная в Орше броня много короче, и рукава ее не достигают локтей. Зато и весит она всего 31 фунт, или около тринадцати килограммов. Наши предки назвали бы эту броню полубайданой (или полубоданьем), как короткую шубу они называли полушубком.

На кольцах заметны были какие-то надписи русскими буквами, среди которых прочли обычные заклинания: «Мати божия буди с нами» и «Бог с нами никто же на ны» (то

есть: «С нами бог, а против нас никого»). Решили, что это сделано в подражание арабским байданам, на кольцах которых нередко помещали, например, стихи из Корана. Тем и ограничилось изучение оршанской находки.

Впрочем, в 1875 году, когда Вильно должен был посетить царь Александр II и думали, что, может быть, он заинтересуется коллекциями Музея древностей, попытались выяснить поточнее происхождение брони. Но к тому времени оказались уже забытыми и сами обстоятельства ее находки. Никто не помнил даже, в каком именно из монастырей или церквей города Орши открыли ту замурованную нишу.

Так что не только не удалось получить никаких новых сведений, но и то, что было уже известно, как бы вновь подернулось дымкой.

Так и лежала броня в музее, пока ею не заинтересовался молодой археолог Павел Сергеевич Рыков. А было это уже незадолго до войны 1914 года. Рыков еще не один раз внимательно осмотрел каждое колечко и установил две важные вещи. Во-первых, надписи на кольцах были сделаны тем шрифтом, каким писали примерно четыреста лет назад, в XVI веке. А во-вторых, среди этих надписей были не только заклинания бога и богородицы, но и совсем другие слова.

«Ивана Грьевича Выроткова», – прочел Рыков на одних кольцах, «...ванова Грьевича Вырдкова», – читалось на других.

Это были безусловно имя, отчество и фамилия Ивана

Григорьевича (в древности можно было сокращенно писать вместо «Григорьевича» – «Грьевича») Выроткова или Выродкова.

Может быть, на кольцах стояло клеймо мастера, как это было на многих вещах, о которых вы уже прочитали? Может быть, Иван Григорьевич Выродков – ремесленник-оружейник, или, как тогда говорили, «бронник», сделавший эту броню?

Но против этого говорило многое. Прежде всего то, что имя стояло в родительном падеже, а не в именительном, как ставили его обычно ремесленники («Коста делал», «Мастер Аврам», «делал Андрей Чохов»). А надпись «...ванова» («Иванова») прямо говорит о принадлежности брони Ивану. Да и то, что Иван назван не только по имени, не только по фамилии, но даже и по отчеству (Иван Григорьевич), говорит, что это был не простой мастер-ремесленник, а какой-то знатный человек. В XVI веке ремесленник бывал доволен, если его называли полным, а не уничижительным именем («Андрей», а не «Ондрюшка»). Куда уж там отчество!

Итак, ясно: Иван Григорьевич Выродков – это заказчик, человек, для которого безымянный мастер сделал броню, ее первый владелец. Но нельзя ли узнать получше, что это был за человек?

Исследователь начинает искать Ивана Григорьевича Выродкова или Выроткова среди имен, встречающихся в доку-

ментах XVI века (ведь надписи были сделаны шрифтом XVI века, значит, и мастер и заказчик жили именно в это время). Он искал в различных изданиях, развязал и просмотрел множество архивных связок. Вот, наконец, описание каких-то дворцовых бумаг. О некоторых из них сказано, что это «грамоты Ивана Выродкова». Конечно, удача, но только наполовину. Ведь мог быть и другой Иван Выродков. Надо найти именно Ивана Григорьевича! Но вот на другой грамоте, 1542 года, стоит подпись: «Ивана Васильевича государя всея Руси диак Иван Григорьевич Выродков».

Это уж бесспорно он! Государев дьяк!

Еще одна грамота говорит о том, что в 1538 году дьяк Иван Григорьевич Выродков, «ближний человек» государя, послан с важным поручением к ногайскому мурзе Кошуму. Через девять лет молодой Иван Васильевич принимает титул царя. А дьяк Иван Григорьевич Выродков служит в одном из приказов. Тогда сложная система управления Московским государством еще только создавалась. Приказами ведали знатнейшие бояре, но всю основную работу вели разрядные дьяки – люди менее знатного происхождения, но зачастую более образованные и способные.

О выдающихся способностях дьяка Ивана Выродкова говорят дальнейшие записи в разрядных книгах, летописях и иных документах, которые были известны историкам и раньше.

В 1550 году царь дал «дьяку своему Ивану Григорьеву

сыну Выродкову» ответственное и опасное поручение – построить поблизости от самой столицы татарского ханства Казани крепость, которая могла бы быть опорным пунктом русских войск при осаде Казани.

В летописи есть даже рисунок, изображающий, как тогда было принято, сразу и царский приказ и его исполнение. За два месяца Выродков организовал в углицких лесах изготовление всех частей будущей крепости, погрузил их на баржи и, спустив вниз по реке, быстро «смонтировал», как мы бы сейчас сказали, крепость на глазах врагов. Это и был знаменитый Свяжск, постройка которого предрешила падение Казани.

Чтобы руководить такой работой, нужно было недюжинное знание военной и строительной техники и талант организатора.

После этого около года Выродков снова выполняет важ-

ные дипломатические поручения. На этот раз при казанском хане. А потом, когда русское войско во главе с самим царем осаждало Казань, Выродков руководил осадными работами на решающем участке, где была возведена «тура» – башня, причинившая немало забот осажденным.

После взятия Казани военный инженер вновь становится чиновником. Выродков снова разрядный дьяк. Но через несколько лет его посылают воеводой в Астрахань. Не все шло гладко в служебной карьере Выродкова. В 1560 году он даже подвергся опале. Но уже в следующем году Выродков снова воевода. На этот раз у западных пределов Московского царства – в Торопце. Сейчас Торопец не очень значительный городок. Но тогда значение его было велико. Царь готовился к борьбе за выход к Балтийскому морю. И в самом деле, уже в следующем году, когда началась известная Ливонская война, мы видим бывшего торопецкого воеводу осаждающим древний русский город Полоцк. После успешной осады Полоцк был взят и возвращен Московскому государству.

Как же сложилась жизнь Ивана Григорьевича Выродкова в дальнейшем? Об этом есть только отрывочные сведения. Так, в Загорске, в бывшем Троице-Сергиевом монастыре, имеются записи о значительных подарках, сделанных в 1565 году Иваном Выродковым. Тут и земли и крестьяне... А почти двадцать лет спустя, в 1583 году, Иван Грозный заказал в Кириллово-Белозерском монастыре очередную панихиду. Среди «опальных, избиенных, потопленных и сожженных с

женами их», которых набожный царь велел поминать на этой панихиде, встречаем и нескольких Выродковых, в том числе двух Иванов. Рыков предполагает, что это Иван Григорьевич и его сын. Наверное, этот талантливый и деятельный сподвижник молодого царя, немало сделавший для усиления государства, оказался в числе первых жертв опричнины.

Такова поистине трагическая история русского военного инженера и дипломата, восстановленная ученым, сначала заинтересовавшимся лишь его боевым доспехом – броней.

А какова история самой брони? Как попала она в Оршу? Трудно сказать, когда именно заказал себе Выродков эту байдану. Из того, что мы узнали о нем, видно, что броня была ему нужна всегда.

Возможно, что уже в тридцатых годах XVI века московский мастер выбивал из железного листа кольца этой байданы. Особыми штампами, на которых были вырезаны надписи, начеканивал он на раскаленных кольцах и слова молитв,

и имя заказчика. Наверное, байдана побывала со своим хозяином и в землях ногайских орд, и на строительстве Свяжска, и под Казанью, и под Астраханью, а потом и в западных землях, под Полоцком. Тяжелое вооружение в ту пору старались надевать лишь перед самым боем. Брони в специальных ящиках обычно возили в обозе. И нет ничего удивительного в том, что когда на берегу реки Улы под городком Оршей литовский гетман Радзивилл нанес поражение русскому войску (в котором под командой князя Петра Ивановича Шуйского был и Выродков со своим отрядом) и захватил обозы, то среди добычи оказалась и байдана Выродкова. Может быть, Выродков не успел даже надеть своей брони, а могло быть и так, что у него была еще и другая; так или иначе, хозяин остался пока жив и на свободе, а байдана его была захвачена врагами. Возможно, потом часть добычи сложили в церквях или монастырях Орши, а байдана Выродкова так там и пролежала двести с лишком лет, пока ее случайно не нашли строители.

ЦАРСКИЙ ПОДАРОК

В залах Оружейной палаты Московского Кремля всегда людно. Но больше всего посетителей задерживается обычно у огромной витрины, за зеркальными стеклами которой как будто выстроился целый полк воинов. Здесь и конные и пешие, простые ратники и воеводы. Все они в блестящей стальной броне и с оружием в руках. Тут островерхие шлемы, «зеркала» – нагрудники из больших, украшенных золотой насечкой пластин – и кольчуги.

Одна из кольчуг в этой витрине отличается от других тем, что на левой стороне ее груди укреплен небольшой, с пятикопеечную монету, медный позолоченный кружок, или «мишень», как называли такие кружки в древности. Вглядевшись внимательнее, можно прочесть на этой мишени выпуклую литую надпись: «Кнзя Петров Ивановича Шускгова».

Князь Шуйский! Знакомая фамилия! Ее носили еще лет четыреста назад именитые московские бояре, в прошлом – князья маленького удельного княжества со столицей в городе Шуе, входившего в состав великого княжества Суздальского. Один из Шуйских, Василий Иванович, впоследствии даже стал на короткое время московским царем.

Кажется, нет ничего удивительного, что в древней сокровищнице московских царей – Оружейной палате – хранится кольчуга одного из Шуйских, что она выглядит как новая: возможно, она не очень-то много употреблялась и за этой прекрасной и дорогой вещью, принадлежавшей к тому же царскому родственнику, всегда был заботливый уход (каждое колечко тщательно протирали и промазывали).

Но нет, благополучный вид этой вещи нас обманул. Кольчуга побывала в жестоких боях, много раз меняла владельцев и лишь по чистой случайности возвратилась в Москву и обрела спокойную жизнь музейного экспоната. Сделали ее действительно для одного из князей Шуйских – Петра Ивановича. Это был в свое время известный военачальник, участвовавший во многих походах, в том числе и в осаде Ка-

зани. Во время Ливонской войны он был одним из главных русских воевод, взял ряд городов, был воеводой в Полоцке. Но в 1564 году войска его были, как уже сказано, разбиты литовским гетманом Радзивиллом под городком Оршей, и сам Шуйский погиб в этом сражении. Тело убитого воеводы, по обычаям того времени, выменяли у врагов, чтобы похоронить с почестями на родине. Вот тогда-то, по-видимому, впервые попала в царские кладовые дорогая кольчуга Петра Ивановича Шуйского: ведь давно уже прошло то время, когда знатных воинов погребали вместе с их оружием.

Годы шли. И молодое Русское государство значительно расширило свои восточные пределы. В его состав вошла необъятная Сибирская земля. Этот подвиг совершил небольшой отряд казаков во главе с Ермаком Тимофеевичем, победивший намного превосходившие его силы сибирского хана Кучума.

С вестью о победе над Кучумом в Москву прибыли люди от Ермака, Царь Иван Грозный на радостях «простил» казакам их прежние «вины» и пожелал даже одарить казаков из своей казны. Среди царских подарков, отправленных Ермаку в Сибирь, было две кольчуги, в том числе и кольчуга, некогда принадлежавшая князю Петру Ивановичу Шуйскому. Подарок этот, конечно, пришелся как раз кстати, и Ермак, продолжая свой трудный поход, носил обе кольчуги (одну поверх другой) и днем и ночью.

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молния блистала,
И непрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком берегу Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.
Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
«О, спите, спите, – мнил герой, —
Друзья, под бурю ревущей,
С рассветом глас раздастся мой,
На славу и на смерть зовущий».

Кто не знает этой народной песни! Слова ее – несколько измененная «Дума», которую написал около полутора столетий назад известный поэт Кондратий Рылеев. В песне поется о гибели Ермака. И в самом деле, Ермак погиб во время неожиданного ночного налета войск Кучума на лагерь русских, расположившихся на берегу Иртыша. Наверное, он пытался спастись, прыгнув с берега в стоявшую на реке лодку. Но тяжелые кольчуги, не раз оберегавшие его в бою, на этот раз стали причиной его гибели. Трудно даже очень сильному человеку, каким, вероятно, и был Ермак, далеко прыгнуть в полном вооружении, которое весило тогда (все вместе) пуда

полтора-два. Еще труднее выплыть, если он не допрыгнул до лодки. А может быть, Ермак еще и был ранен; ведь и бежать и плыть ему пришлось, конечно, под градом вражеских стрел.

Наверное, мы так ничего бы и не узнали о том, как попала кольчуга Ермака обратно в Москву, если бы судьбой этой вещи не занялся известный историк Сергей Владимирович Бахрушин. Это он предположил, что именно та кольчуга, что хранится в Оружейной палате, была в числе царских подарков Ермаку. На такую мысль навела Бахрушина находка

на старом городище Искере (бывшей столице Кучума) точно такой же литой медной позолоченной мишени с надписью: «Князя Петров Ивяновича Шусково». На оборотной стороне ее два штифта, которыми мишень прикреплялась некогда к кольчуге. Наверное, на кольчуге Шуйского было сначала две мишени, по одной на каждой стороне груди. Одна мишень так и осталась на своем месте до сегодняшнего дня, а другая оторвалась в Искере, столице Кучума. Но Искер был окончательно покинут населением в 1588 году. Значит, кольчуга побывала там раньше. А это могло произойти только в том случае, если после смерти первого владельца она принадлежала Ермаку и если тело Ермака было поднято со дна реки (разумеется, не для того, чтобы оказать ему воинские почести, а чтобы взять ценное оружие). Обе его кольчуги, конечно, захватили и привезли в столицу Кучума.

Ермак так прославился своими подвигами, что даже сибирские татары и калмыки считали его вооружение волшебным, приносящим удачу на войне. За одной из его кольчуг, которую Кучум подарил некоему мурзе Кайдаулу, тому давали десять семей рабов, пятьдесят верблюдов, пятьсот лошадей, двести быков и коров, тысячу овец.

А Кайдаул не продал кольчугу даже за такую цену.

Другая же кольчуга была, как видно, принесена в дар местному божеству (такой обычай – отдавать часть военной добычи в храмы – существовал в древности у многих народов мира). Кольчуга очутилась в остяцком святилище Бело-

горье, у впадения Иртыша в Обь. Там был в те времена знаменитый оракул. Как знать, может быть, враги, прежде чем напасть на отряд Ермака, советовались с этим оракулом своих соседей – остяков (или, как они сами себя называют, хантов), и богатый дар был обещанной благодарностью за удачное предсказание?

Но вскоре кольчуга была взята из святилища одним из остяцких князьков. Какое-то время эта броня находилась в его арсенале. Трудно сказать, была ли она захвачена ненцами (самоядью, как их называли тогда) или была им продана хантами, но только уже в 1646 году, более чем через полвека после гибели Ермака, русский отряд, направленный из городка Березова на усмирение восставших ненцев, захватил у них кольчугу, на которой оказалась мишень с именем Петра Ивановича Шуйского. Кольчугу отправили из Березова в Тобольск, а оттуда в Москву. И во второй раз водворилась она в царскую сокровищницу. Теперь уже надолго.

В многочисленных описях Оружейной палаты ей отведено

почетное место. В описной книге 1687 года она значится под номером первым: «Колчуга на ней Мишен медная на мишени подпись: Боярина Князя Петра Ивановича Шуйского»...

«А по переписи... и по осмотру тоя колчуги против прежних переписных оружейной палате у переписи не объявилось», с тревогой записывал какой-то дьяк. Очевидно, тут произошла путаница, как можно судить по следующей записи, сделанной через пять лет: «А по нонешней переписи... и по осмотру та колчуга оружейной палате объявилась, цена тридцать рублей, а в прежней описной книге написана вторая». Тридцать рублей в то время были большие деньги.

В описи 1711 года кольчуга снова была «по осмотру на лице, а на ней явилось 2 мишени посеребрены». Так беспокоились дворцовые чиновники о старой кольчуге из года в год.

Вы видели, что эта такая благополучная с виду вещь на самом деле перенесла, пожалуй, больше приключений, чем какая-либо другая из описанных в нашей книге. Два знаменитых военачальника – родовитый боярин и простой казак – погибли в сражениях, имея на себе эту броню. Она побывала, наверное, в боях и под Казанью, и в Ливонии, и в Сибири. Ее хранили в арсеналах московских царей, сибирского хана, хантского князя, ненцев и даже в храме с оракулом.

Трудно даже представить себе, через сколько рук она прошла, сколько человеческих глаз смотрело на нее с восхищением, жадностью, надеждой, ненавистью!

ШАДРИНСКИЙ БЕРДЫШ

В детские годы само это слово казалось и странным и привлекательным. Слышалось в нем и «бедро», и «ребро», и как будто что-то уменьшительное, вроде «мальш». Из исторических романов, которыми я в то время зачитывался, было ясно, что бердыш – оружие, но неясно, какое именно.

Как-то заглянул я в «Толковый словарь живаго великорусского языка» Владимира Даля. Там (между словами «бер-

дыхать» – толкать, тuzить, и «бердышный» – к оружию этому относящийся) про бердыш было сказано: «... широкий топор, иногда с гвоздевым обухом и с копьём, на длинном ратовище; алебарда, протазан. Бердыш перешло от нас на север Европы, где по свойству готского языка, к нему привесили an: bardis, bardisan; во Франции из этого сделали pertuisane, и слово это позже воротилось к нам, обратись в протазан».

Интересную судьбу самого слова рисует Даль, не правда ли? Видимо, оно происходит от слова «бердыхать» и означает «то, чем бьют».

Но все же, даже если знать, что ратовище – это древко, на которое насаживали топор или наконечник копья, из описания Даля, сделанного более ста лет тому назад, трудно понять, что это за «топор с гвоздевым обухом и с копьём».

«Идти в рать, так бердыш брать», – приводит Даль тут же характерную русскую поговорку. Значит, это было не какое-нибудь редкое, а, напротив, очень распространенное оружие!

Лишь много позже я узнал, что, строго говоря, протазан – не то же самое, что бердыш, да и алебарда, хоть и более похожа на бердыш, и ее часто с бердышом путают, все же другое оружие.

А бердыш – действительно оружие особенное и весьма интересное. Это и в самом деле боевой топор, но топор своеобразный. Лезвие его плавно выгнуто наружу, как молодой месяц, и образует два острых конца. Верхний конец зато-

чен так, что им можно колоть, как копьём, у нижнего конца зачастую есть пластинка («косица» как ее называют), которую прикрепляют ремешком или гвоздями к древку. Само древко длинное: если насаженный на него бердыш поставить вертикально, топор окажется примерно на уровне плеча. На нижнем конце древка тоже острый наконечник – «копьецо», или «вток» (от слова «втыкать»). Воткнутый в землю бердыш будет крепко стоять, и в ложбинку между заостренным верхним концом и втулкой топора можно положить, например, ствол ружья, чтобы стрелять с упора. Бердышом, значит, можно было и рубить и колоть, на него можно было опереть пищаль, а это, когда появился бердыш, было особенно важно.

Наше современное ружье – оружие легкое и удобное. Из него можно стрелять лежа, сидя, с колена или стоя; чтобы его держать, не нужно больших усилий, это может делать и не очень сильный мужчина, женщина, даже ребенок. А первые ружья – аркебузы, мушкеты или пищали, как их называли на Руси – были тяжелыми, заряжались с дула, обращению с ними приходилось долго учиться, да и сила нужна была немалая. Без упора же не мог стрелять даже силач.

Поэтому четыреста с лишним лет назад во всех странах Европы пехота разделилась как бы еще на два рода войска. Стрелки, которых на западе называли мушкетерами, были главными из них. К своим тяжелым мушкетам они имели специальные подпорки для прицеливания – «подсошки», ко-

которые сами по себе не являлись оружием. Еще были у мушкетеров шпаги, но столько было хлопот при стрельбе с неуклюжими ружьями, что до шпаг в бою дело доходило совсем не так часто, как вы, наверное, читали об этом у Дюма. Когда мушкетеры перезаряжали ружья (а этот длительный тогда процесс приходилось повторять после каждого выстрела), они практически оказывались беззащитными. Вот для того, чтобы их прикрывать и вести в это время рукопашный бой, предназначалась вторая часть пехоты – пикинёры, вооруженные пиками – длинными копьями.

В России тогда впервые появилось постоянное войско – стрельцы. Они были и конными, но в основном – пешими. Вооруженные, конечно, пищалями, а не луками и стрелами (хоть и назывались стрельцами, а не пищальниками на манер мушкетеров), они не нуждались ни в подсошках, ни в прикрытии пикинёров. А все потому, что у стрельцов были бердыши, которые служили и подпоркой для стрельбы, и холодным оружием, чтобы колоть и рубить. Так, благодаря этому оружию, русская пехота избежала участи западноевропейской.

Стрельцы главная царева надежда – вербовались больше из простого народа, из посадских и крестьянских детей. За службу им давали не только денежное и хлебное жалованье, но и участки для дома и двора. В свободное от службы время стрельцы занимались тем же, чем и рядовые горожане – ремесленничали, приторговывали, огородничали.

Но служба царева была нелегкой. Стрелецкие полки на своих плечах выносили главную тяжесть войны. И в мирное время охраняли порядок, несли караул, стояли на границах.

Не было, пожалуй, такого дальнего укрепления, где не находился бы большой или малый гарнизон стрельцов...

Бердыш из-за его красивой формы стал не только боевым, но и парадным оружием.

Принимали ли иноземных послов – на всем пути их во дворец выстраивали стрельцов. Стрельцы красовались в ярких кафтанах и шапках – красных, желтых, лазоревых (у каждого полка был свой цвет), картинно опираясь на бердыши. По улицам города время от времени проходили стрелецкие караулы, мерно позванивая колечками, которые для этого специально вставлялись в отверстия, просверленные по нижнему краю бердышей сначала только для облегчения веса. Сама плоскость топора зачастую бывала покрыта затейливым узором – листьями, травами, изображениями чудовищ – «химер».

Были бердыши и с надписями.

В Историческом музее хранится один бердыш, на обухе которого вырезана надпись: «СОЛОВКИ». Трудно сказать, означает ли это, что бердыш сделан в Соловецком монастыре или что он принадлежит гарнизону этой первоклассной крепости, мощные стены и башни которой охраняли северный рубеж Русской земли.

Возможно и то и другое.

Но особенно интересная надпись есть на одном бердыше, хранящемся в музее города Шадринска. На плоскости топора выгравировано:

ЗРИ
СМОТРИ
РУБИ
И НЕ ПРОСПИ.

Почти что стихи.

Хорошее пожелание! И, видно, как раз к месту!

ЗРИ
СМОТРИ
РУБИ
И НЕ
ПРОСПИ

В XVI веке Шадринск еще не был городом. Это была слобода и крепость на далекой окраине – на реке Исети в Зауралье. Совсем близко начиналась Сибирь с ее беспокойным, частью монголо-татарским, частью покоренным ханами населением. Освоение сибирских земель шло после пер-

вых успехов Ермака не очень быстро и не очень гладко. Кругом плодородные земли, заливные луга, в лесах зверья видимо-невидимо! Но пользоваться всем этим богатством, обрабатывать эту целину можно было лишь под постоянной надежной охраной. Жизнь в слободе, окруженной не слишком-то дружественным населением, совсем не была беззаботной. Тут действительно надо было все время смотреть, иногда приходилось и рубить, и спасаться в крепостце, и особенно опасно было проспать.

Не так ли бывало зачастую и на других окраинах Русского государства в самые разные времена? Вспомните песню, написанную А. С. Пушкиным лет на двести с лишним позднее:

.....
В реке бежит гремучий вал;
В горах безмолвие ночное;
Казак усталый задремал,
Склонясь на копие стальное.
Не спи, казак: во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.

Видите, призыв тот же самый, хотя и обращен к казаку, вооруженному пикой, а не к стрельцу, вооруженному бердышом.

Что нам известно о судьбе шадринского бердыша?

Почти ничего. Мы только можем предполагать, что вряд ли он был изготовлен здесь, в Шадринной слободе, да и вооб-

ще на Урале. Стрелецкое оружие делали тогда, главным образом, в крупных городах центральных русских областей: в Москве, в Великом Новгороде, в Туле и других. Но бывало и так, что заказ на какое-нибудь определенное оружие давали одному из крупных монастырей, во владениях которого были мастера-оружейники. В этих случаях из Москвы посылали образцы и строгий наказ точно их придерживаться. Так, в один крупный вологодский монастырь писали: «...а велено топорки и бердыши делать с образцов ни больше, ни меньше, весом бы были таковые же, а делать в железе и в укладе (так называли тогда сталь) добром, а те топорки насадить на доброе топорщице мерою два аршина, а бердыши насадить на дерево ж, как ведется, и на концах тупых у бердышей сделать маленькие копейца, чтоб можно в землю воткнуть».

Уже из этих строк видно, что в качестве образца в монастырь прислали не целые бердыши, а только сам полулунный топор без дровка и втока. А что требовали точного соблюдения веса бердыща, так всякому, кто бывал в походе, понятно почему: лишний вес всегда бойцу вредит.

Так или иначе, но наш бердыш, судя по надписи, ковали уже с расчетом послать в какой-то гарнизон, где нужно и смотреть, и рубить, и, конечно же, не проспать.

И вот он очутился на далеком Урале, где честно нес свою службу, может быть, лет двести, когда и стрельцов-то уже давно не стало. Ведь еще во времена Гоголя на вооружении полицейских-будочников были алебарды, а мы уж говорили,

что бердыш и алебарда до того были схожи, что в девятнадцатом-то веке их особенно не различали. Нет ничего невозможного в том, что кому-нибудь из стражей порядка достался старинный бердыш с выгравированным на нем призывом смотреть и не проспать.

ПУШКА «ЦАРЬ»

Одна из улиц в центре Москвы называется Пушечной.

Круто спускается она вниз от Лубянской площади к Неглинному проезду.

Если бы мы могли с помощью какой-либо «машины времени» перенестись без малого на пятьсот лет назад, то увидели бы здесь разбросанные на крутом берегу реки Неглинной, медленно несущей свои воды к Кремлю, небольшие домики. По берегу вниз идет улица, поворачивающая к деревянному мосту через речку.

В наступающих ранних осенних сумерках нас поразили бы необычные для старой Москвы яркие вспышки огня то в

том, то в другом дворе. Из дворов доносится тот особенный – то мелодичный, то глуховатый – мерный звон, который издадут наковальня и раскаленное докрасна железо, когда по нему ударяют молотом. Мы попали на окраину тогдашнего города, заселенную кузнецами. Это в их маленьких кузницах еще горят раздуваемые мехами горны, еще стучат тяжелые молоты-кувалды.

Кузнецов стремились в то время поселить где-нибудь на окраине города, поближе к воде. Ведь их горны представляли для тогдашних деревянных городов постоянную опасность пожара. И самый этот мост через речку Неглинную стали называть Кузнецким, так как по обеим его сторонам жили кузнецы.

Но что это за большие здания стоят за крепким частоколом, на верху склона берега? Они выглядят среди маленьких домиков кузнецов, как большие деревья среди кустов. Из кирпичных труб, над коническими кровлями этих зданий, валит густой дым, иногда вырывается пламя. Это недавно построенный московскими князьями Пушечный Двор – крупнейшее по тому времени литейное предприятие. Здесь плавил медь и другие металлы и отливали из бронзы пушки. Всякому ясно, как много значил Пушечный двор для молодого Русского государства. От его работы во многом зависела мощь всей страны.

Отлить пушку в те времена было совсем не просто. Мастер должен был сначала произвести некоторые расчеты,

чтобы определить ее основные размеры – длину, толщину стенок. Они зависели от того, какими ядрами должна была стрелять эта пушка, от их веса и размера, а стало быть, и от калибра (внутреннего диаметра ствола) пушки. Только тогда можно было приступить к изготовлению модели будущего орудия. Модель делали из воска и глины в натуральную величину, то есть такого точно размера, какого должна была быть сама пушка. Даже из мягкого и податливого воска нелегко было вылепить хотя бы небольшую пушку. Тут не обходились без кружала – вращающейся подставки вроде гончарного круга. Выточив корпус орудия, мастер обычно украшал его затейливыми узорами, также вылепленными из воска, иногда – фигурами людей и животных. И уже с первых лет существования московского Пушечного двора установился обычай, согласно которому мастера делали на пушках и надписи. В затейливой виньетке или просто на стволе пушки без рамки лепил мастер из воска букву за буквой тогдашнего, несколько вычурного, алфавита. В надписи говорилось, в каком году, при каком государе и каким мастером сделана пушка.

«По велению благоверного и христоролюбивого великого князя Ивана Васильевича государя всеа Руси сделана бысть сия пушка в лето 6991 месяца апреля в двадесятое лето гос-

подарства его а делал Яков», – читаем на первой из дошедших до нас пушек. Мастер Яков отлил это орудие в 1483 году. На других пушках, сделанных позднее, можно прочесть, что одну из них сделали «Ваня да Васюк, ученики Яковлевы», другую – «Богдан русской мастер», третью – «Пятой ученик Богданов», четвертую – «Кузьма Первой» и так далее.

Значит, уже первый известный нам мастер имел учеников, имели их и другие московские мастера. Да, здесь, на московском Пушечном дворе, создалась целая школа мастеров пушечного литья. И, наверное, эта школа неплохо себя зарекомендовала, если, как мы знаем из переписки того времени, уже в начале XVI века правительство перестало приглашать в Москву пушечных мастеров из-за рубежа.

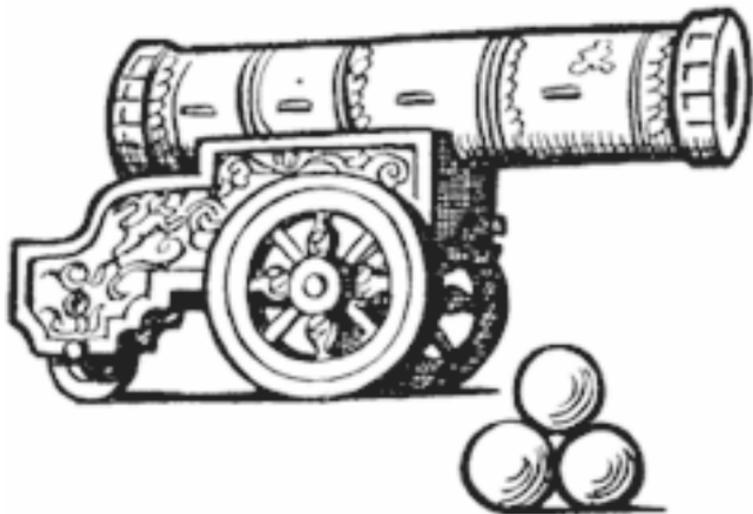
Но вернемся к самому изготовлению пушек.

Когда модель была готова, ее покрывали полужидкой глиной. Застывая, глина образовывала форму для будущего литья. Тогда ее обжигали, вытапливая находившийся внутри воск, а затем вынимали и глиняные части модели. Теперь можно было уже приступить к отливке самой пушки. Расплавленный в особых печах металл пускали по каналам в форму. Он заполнял то пространство, которое ранее занимала модель, повторяя ее во всех деталях. Мастер и его помощники – литцы – должны были заранее приготовить сплав и тщательно следить за тем, чтобы он равномерно заполнял форму, чтобы в стенках не получалось внутренних пустот

– раковин. Иначе пушка, на вид вполне доброкачественная, могла разорваться при первом же выстреле.

Таким способом можно было отлить по одной модели только одно-единственное орудие, так как модель уничтожалась при вытапливании воска, а чтобы вынуть готовое изделие, приходилось ломать и саму форму. Для другой пушки надо было начинать всю работу сначала – с изготовления новой модели. Поэтому каждая бронзовая пушка была единственной и неповторимой. Неудивительно, что большинство из них имело свои собственные имена.

Наверное, имя давалось пушке мастером еще тогда, когда он только задумывал ее изготовление или когда делал модель. Во всяком случае, на некоторых пушках прямо написаны их имена, которые, стало быть, вылепливались на восковой модели. И почти всегда, даже если не было надписи, мастер помещал на модели среди прочих украшений какое-то изображение, соответствующее имени пушки. Так, до наших дней дошли названия пушек: «Единорог» (тогда любили изображать этого фантастического зверя, похожего на лошадь, но с длинным рогом посреди лба), «Медведь», «Песик», «Кобчик», «Скорпион», «Обезьяна», «Дедок», «Девка», «Ахиллес», «Троил» (Троянский царь) и другие.

И есть в Москве пушка, которая называется «Царь». Ее знают все. Но мало кто видит, что на ее дуле действительно изображен царь – царь Федор Иванович на коне.

А на средней части ствола есть еще одна надпись:

«Повелением благоверного и христоролюбивого царя и великого князя Федора Ивановича Государя самодержца всея великия Росия. При его благочестивой и христоролюбивой царице и великой княгине Ирине. Слита бысть сия пушка в преименитом царствующем граде Москве лета 7094 в третье лето государства его. Делал пушку пушечный литец Ондрей Чохов».

Мастер Андрей Чохов отлил эту громадную пушку в 1586 году. Наверное, задумав сделать «всем пушкам пушку», ее

решили назвать в честь царя. И, согласно обычаю, Андрей Чохов изобразил на дуле пушки барельеф царя на вздыбленном коне. Хилый, больной царь Федор выглядит здесь молодцом и воином, под стать московскому ездецу. И сама пушка действительно пушка «Царь». Она самая большая из известных нам средневековых артиллерийских орудий. Ее калибр – восемьдесят девять сантиметров, больше ширины плеч мужчины самого мощного сложения. Длина ствола почти пять с половиной метров. В канале ее ствола, значит, свободно могли бы поместиться два взрослых человека. Длина пушки в шесть раз больше ее калибра. Это было дальнобойное орудие. Пушка весит сорок тонн (примерно две тысячи четыреста пудов).

Сейчас Царь-пушка стоит в Кремле на богато отделанном

чугунном лафете с львиной головой впереди. Рядом – пирамида огромных чугунных ядер, по калибру подходящих к ее громадному жерлу. Невольно подумаешь: да какой же огромный заряд пороха нужен, чтобы выстрелить на большое расстояние таким вот ядром! Да и могла ли пушка со своего лафета произвести такой «царь-выстрел»? Ведь при взрыве этой массы пороха должны мгновенно образовываться газы, давление которых, согласно законам физики, будет действовать во все стороны. Не отбросит ли пушку на ее колесах при этом со страшной силой назад? Не разорвет ли сравнительно тонкие стенки ствола? Могла ли вообще стрелять эта пушка?

Некоторые так и думали, что пушку «Царь» отлили просто на страх врагам, чтобы показать всему миру, какое чудо могут сделать московские пушечники.

Конечно, вряд ли можно было стрелять с этого лафета и этими ядрами. Но ведь и лафет и ядра сделаны лет на двести пятьдесят позже, чем сама пушка, когда она уже стала действительно только музейной редкостью и была выставлена напоказ зрителям на Ивановской площади в Кремле. А когда ее сделали, Царь-пушка стояла на специальном неподвижном постаменте на Красной площади и страшное жерло ее было обращено на юг, за Москву-реку, откуда в ту пору еще можно было ждать нашествия крымцев. Она была, как называют сейчас орудия такого типа, мортирой, то есть должна была выбрасывать свой заряд по крутой дуге – траектории – вверх через весь город и поражать главным образом

живую силу врага. А для этого наибольший эффект давал не выстрел одним, пусть даже огромным «царь-ядром». Пушка должна была стрелять «дробом» – множеством мелких ядер, вроде позднейшей картечи, только гораздо крупнее. В старых документах ее так и называли – дробовик. Наши специалисты, например Николай Иванович Фальковский и другие, думают, что Царь-пушка безусловно могла стрелять, и не для демонстрации мастерства своих литейщиков потратили на нее около двух с половиной тысяч пудов цветных металлов, которые и в наше время высоко ценят и строго экономят.

Неизвестно, когда убрали пушку с Красной площади. Только в 1825 году она стояла уже в Кремле, во дворе здания Арсенала. А в 1835 году ее переставили на Ивановскую площадь.

Сто двадцать пять лет стояла она здесь, у здания, построенного в начале XIX века для Оружейной палаты. Но в 1960 году на месте этого и прилегающих к нему зданий развернулось строительство нового Дворца съездов, и Царь-пушку решено было переместить на другой постамент, всего на несколько десятков метров к югу. Однако это было не так-то просто: ведь сорок тонн весила одна пушка. А еще чугунный лафет! И все же при современной технике это было не так сложно. Пушку вместе с лафетом подняли мощными гидравлическими домкратами, поставили на деревянные, обитые железом полозья, обшили деревом, сверху перевязали стальными канатами. Всю эту машину весом около восьмидесяти

тонн поместили на стотонный автоприцеп, и мощный тягач ярославского производства повез ее вперед.

Как пишет очевидец, Николай Васильевич Гордеев, пушка торжественно сдвинулась с места, совершила «круг почета» по Ивановской площади и была установлена на новом месте. Тут она стоит и теперь.

А какова была судьба самого творца этой пушки? Мы не знаем, когда и в какой семье родился будущий великий мастер, но знаем, что всю свою сознательную жизнь он проработал на московском Пушечном дворе. Наверное, он происходил из рядовых горожан и еще в юные годы попал учеником на Пушечный двор, где и проработал более шестидесяти четырех лет! Впервые его имя упоминается еще в 1568 году. Андрей был тогда еще учеником, а не мастером. Но, наверное, уже не первый год работал над изготовлением пушек, иначе ему не поручили бы самостоятельной работы. И с тех пор имя Андрея Чохова, или Чехова (тогда писали эту фамилию так и так), встречается на многих пушках, уцелевших до наших дней. И можно думать, стояло оно также и еще на многих пушках, которые до нас не дошли, а, отслужив свою службу, были переплавлены в новые. Последнее орудие с именем Андрея Чохова отлито в 1632 году – через шестьдесят четыре года после первого!

Давно уже умер Иван Грозный, при котором Чохов делал свои первые пушки. Умерли и сын Ивана IV, Федор, и Борис Годунов. Был задушен боярами другой Федор, сын Бориса

Годунова. Народ растерзал самозванного Дмитрия. Погиб в польском плену Василий Шуйский. Отказался от претензий на Московское государство польский королевич Владислав. На престоле сидел уже первый представитель последней династии России – Михаил Романов. А старый мастер еще работал. Он обучил своему делу множество учеников, среди которых были такие мастера, как Дружина Богданов, Тарас Григорьев, Мартын Кузьмин, Сенька Артемьев и другие.

Мы не знаем, как кончил престарелый мастер свои дни. Но в наше время он, конечно, был бы героем труда. А его творения намного пережили своего творца и до сих пор говорят о славе русского оружия и труде русских людей.

«ОБРАЗЦОВЫЕ ПЕЧАТИ»

В московских музеях можно увидеть не только дорогие древние вещи, сверкающие серебром, золотом и драгоценными камнями. Подчас рядом с этими драгоценностями лежат молотки, чеканы, клещи и даже бесформенные грубые куски шлака. Они напоминают нам о том, что яркая и блестящая культура наших предков создавалась грубыми, мозолистыми руками ремесленников, что красивые и изящные вещи выходили из темных и дымных мастерских.

Вот на стене зала сверкают всеми цветами радуги древние изразцы, или, как их называли в древности, «образцы», по-

крытые разноцветной глазурью. А рядом лежат куски обыкновенной, докрасна обожженной глины. Но, приглядевшись внимательно к такому куску, вы увидите, что на нем вырезано какое-то изображение. На этом вот, круглом, похожем на современную учрежденческую печать, – как будто птица с длинной шеей, поднятыми крыльями и худыми, голенастыми ногами. Ни дать ни взять – журавль. А на другом, четырехугольном, плоском, – какие-то завитки, складывающиеся в причудливый цветок-розетку. И тут же неподалеку деревянная дощечка, на которой вырезано изображение какого-то чудища с хищной пастью, мощными лапами и крыльями. А сверху – как будто бы какие-то буквы. Мы уже знаем, что, если буквы не читаются, как мы привыкли, слева направо, надо попробовать их прочесть наоборот, – справа налево. И в самом деле, так получаются слова «Зверь лютый грив» (так написал резчик не очень-то знакомое ему слово «гриф», которым называли выдуманных ими чудищ еще древние греки). Почему же все здесь наоборот: и надпись справа налево, и изображения врезанные, а не выпуклые? Это «образцовые печати» – так называли московские гончары формы или штампы, при помощи которых на сырой глине оттискивали выпуклые изображения. А потом каждую часть такого изображения покрывали глазурью разного цвета; вот и получались многоцветные рельефные изразцы. Однако это научились делать не сразу.

Еще восемьсот и более лет назад владимирские камнере-

зы поразили весь мир великолепными узорами, которые они искусно вырезали на белом камне. Их искусству старались подражать и в других городах средней России, украшая наружные стены зданий сложной резьбой. Тут требовалось и умение и долгий, упорный труд. Ведь каждый камень был неповторим. Лет через триста с лишним кто-то придумал, что можно эти узоры вырезать не на камне, а на мягкой глине и вставлять в белокаменную кладку, предварительно побелив. А еще через несколько десятилетий стали вырезать не сами глиняные узоры, а только форму, которую можно было оттискивать на сырой глине столько раз, сколько требовалось. И при помощи одной лишь формы с вырезанной на ней повторяющейся частью орнамента создать целый пояс, украшавший здание.

Такими темпами шла в ту пору рационализация производства. И не удивительно: это ведь было еще при феодализме!

Еще лет через сто, уже в конце XVI – начале XVII века, стали делать изразцы цвета обожженной глины – красными (теперь мы употребляем для этого цвета итальянское слово «терракота», что также значит «обожженная земля» или «глина»). Изразцами стали украшать не только стены, проемы дверей и наличники окон домов, но и печи в парадных богатых комнатах. Каждый изразец представлял собой как бы отдельную картину, заключенную в свою собственную рамку, выступавшую по краям изразца.

Гости рассматривали их так, как позже они разглядыва-

ли развешанные на стенах картины или альбом фотографий. Вот уже встречавшийся нам диковинный единорог. Вот птица с головой женщины. Герой народной сказки Бова-королевич с саблей в руке. Стрельцы с ружьями и пиками устремились на штурм какой-то крепости. Над ними развевается боевое знамя. Тут же пушкарь склонился над пушкой, а сзади него лучник натягивает свой тугой лук. Всадник с развевающимися длинными рукавами одежды беспечно едет на лошади. На некоторых изразцах есть и пояснительные надписи: «Сирин птица», «Бова», «Приступ пехоты», «Едет поляк» и другие.

Прошло еще несколько десятилетий, и поверхность изразцов стали покрывать зеленой глазурью. Теперь излюбленными стали изображения птиц, фантастических зверей, цветов. Наконец еще позже каждую часть рельефа стали покрывать глазурью разных ярких цветов – белого, желтого, зеленого,

синего, коричневого и т. п. Теперь вся поверхность печи выглядела как пестрый и яркий ковер. На стенах зданий и наличниках окон изображали вьющиеся виноградные лозы с листьями или огромный яркий бутон цветка в фигурном обрамлении; его называли «павлинье око».

И для всей этой красоты нужны были «образцовые печати» из дерева и обожженной глины. Как же попали эти инструменты, которые вряд ли могли долго сохраняться, в музей?

Есть в Москве такой район, где подобные находки совсем не редкость. Он находится на устье реки Яузы, позади высотного здания, что на Котельнической набережной. Там проходит улица Гончарная. Гончарными же назывались и некоторые прилегающие к ней переулки и часть набережной Москвы-реки. Если пойти по этой улице от высотного дома к Таганской площади, на левой стороне окажется маленькая, как будто бы ничем не примечательная церквушка. Но что за изразцы на глухой ее стене, выходящей в переулок? Птицы клюют экзотические фрукты, какие не всегда найдешь в наших широтах. А прежде вся церковь была сплошь облицована изразцами. На ней и сейчас есть целые иконы, составленные из изразцов. Эта церковь называется «Успенье в гончарах». И неудивительно, что она украшена изделиями живших в окружавшей ее Гончарной слободе гончаров.

Гончарная слобода... Уже лет двести, как не существует ее. Сейчас тихая улочка, переулки и набережная застраива-

ются новыми большими домами. Но почти каждый день напоминает о себе древняя Гончарная слобода. Роют ли котлован для фундамента дома, проводят ли водопровод или газопровод, ремонтируют ли дорогу – всегда находят изделия, инструменты, остатки мастерских гончаров, где делали и изразцы, и кирпич, и черепицу, и посуду, и детские игрушки. Так однажды в саду дома, где жил мой приятель, рыли для чего-то траншею между деревьями. И вдруг из стенки траншеи вместе с землей посыпались маленькие глиняные фигурки. Здесь были и человечки и зверушки. Мужчины в подпоясанных рубахах, в сапогах с загнутыми кверху носами, в шапках разного фасона, иногда в какой-то верхней одежде, похожей на плащ. Женщины в длинной, до полу, одежде. Музыкант, играющий на дудке, всадники, упряжные лошади, ручные медведи в намордниках, собака с загнутым «баранкой» хвостом. Траншея попала на место древней мастерской гончара и разрушила его горн – обжигательную печь, оказавшуюся доверху наполненной игрушками. Гончар сделал их и успел даже обжечь, но по какой-то причине не выгрузил из горна, да так они там и пролежали около трехсот лет. Потом, когда на этом месте произвел раскопки Б. А. Рыбаков, в этом саду оказался не один, а целых три горна.

Неподалеку мы раскопали другую мастерскую с большим горном, с помещением, где лепили посуду, домом мастера. Этот гончар делал, в основном, посуду и изразцы. Неподалеку от его горна оказались ямы, куда он сбрасывал бракованную посуду. Ведь не всякий вылепленный из глины горшок выдержит обжиг в горне при высокой, 700—900 градусов, температуре. Некоторые дают трещины или коробятся. Такие сосуды, конечно, в продажу не шли, их попросту выбрасывали.

Но то, что выбросил как ненужный хлам гончар триста лет назад, сегодня – настоящий клад для ученого. И не только для археолога или историка, которые узнают, какой формы сосуды делали тогда, каков был набор общеупотребитель-

ной столовой посуды, но и для специалиста по изготовлению современных изделий из обожженной глины – керамики, как их называют. Керамист заинтересуется, почему дали трещины эти изделия, какая ошибка была допущена при обработке сырья, при формовке или при самом обжиге. Поэтому-то наши раскопки постоянно посещал руководитель Лаборатории керамики Академии архитектуры Алексей Васильевич Филиппов. Он заинтересовался, например, как делали в Гончарной слободе из красной глины посуду черного цвета, и провел в своей лаборатории целый ряд опытов, чтобы восстановить в деталях этот древний процесс производства, который может пригодиться и сейчас для изготовления различных декоративных вещей. И особенно интересовался Филиппов производством древних изразцов, черепицы и кирпича. Не только потому, что в это время он работал над восстановлением кровель кремлевских башен, покрытых черепицей, и куполов одной старой кремлевской церкви, украшенных цветными изразцами, но и потому главным образом, что многие строившиеся тогда станции метро облицовывались изнутри фигурными изразцами. И для этой важной работы Лаборатория керамики дала ряд ценных рекомендаций, к которым она пришла, между прочим, в результате изучения приемов работы древних мастеров-керамистов.

Можете себе представить, как обрадовался Филиппов, увидев среди наших находок тот самый круглый штамп с изображением птицы, о котором уже говорилось. Этот штамп мы нашли среди пережженных и полопавшихся сосудов в яме, куда гончар выбрасывал брак. Конечно, он не выбросил бы «образцовую печать», если бы ею еще можно было работать. Но ручка отломана и на плоскости штампа у самой головы птицы также отколота часть, так что этим инструментом работать было уже нельзя: он давал неправильный оттиск. Так и угодила «образцовая печать» в яму вместе с бракованной посудой. А теперь она водворена в музей, и рядом лежит обожженная керамическая плитка с оттиснутой этим штампом фигурой птицы. Но, чтобы никто не принял эту плитку за древнюю, на обороте ее стоит клеймо Лаборатории керамики Академии архитектуры, где она изготовлена.

А другую, квадратную «образцовую печать» с цветком-розеткой нам принесли рабочие. Тогда шло строительство одного из корпусов будущего высотного здания на Котельнической набережной. Рыли котлован для его фундамента. И, конечно, как везде, в районе бывшей Гончарной слободы, находили множество изделий московских гончаров. Археологи часто посещали строительство, объясняли рабочим значение находок. И рабочие, заинтересовавшись историей этого места, стали сами собирать находки и приносить их археологам, не упуская при этом случая поподробнее расспросить обо всем, что касалось каждой найденной вещи.

Как же изготавливали «образцовые печати»? Конечно, чтобы изготовить форму для изразца из дерева, необходимо было вырезать на доске нужное изображение, для чего требовалось немалое искусство. Но глиняный штамп можно бы-

ло изготовить гораздо проще. Достаточно было оттиснуть в сырой глине какое-либо готовое изделие, например изразец, чтобы получилось то обратное изображение, которое могло уже само служить формой для изготовления изразцов. Нужно было только обжечь его, чтобы глина затвердела. Иногда при изготовлении «образцовых печатей» бывали забавные ошибки. Нужно помнить, что при оттискивании получается как бы зеркальное отражение узора штампа. А ведь каждый знает, что у нашего отражения в зеркале правая рука становится левой, а левая – правой.

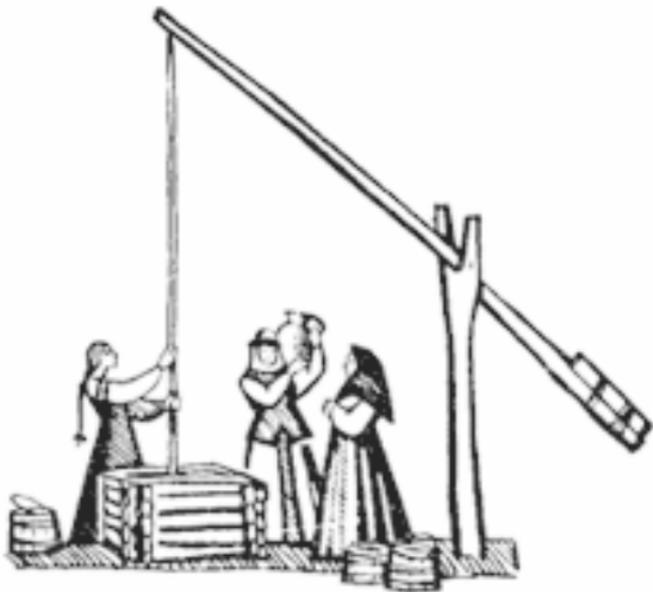

Глиняными штампами обрабатывали не только изразцы, но и посуду. Недавно в Кремле был найден сосуд, на дне которого рельефное изображение Китовраса. Как вы уже знаете, Китовраса изображали похожим на мифических кентавров Древней Греции – получеловеком-полуконем, но в короне и обычно со скипетром, натянутым луком или мечом. Вот и Китоврас на найденном нами сосуде изображен в зуб-

чатой короне, с крыльями и мечом, который он обнажает. Но почему Китоврас тянет рукоять меча левой рукой, а ножны меча придерживает правой? Конечно, не потому, что он левша, а потому, что изображение это оттиснуто неверно сделанным глиняным штампом. Резчик, готовивший «образцовую печать», наверное, по ошибке вырезал фигуру с обычным положением рук, не рассчитав, что на оттиске его Китоврас окажется «левшой». Ошибка, видимо, не считалась в те времена такой уж значительной, и гончар употреблял штамп для выделки дорогой посуды. На днище сосуда с обратной стороны остались даже отпечатки пальцев мастера, видимо прижимавшего сосуд очень сильно.

«Образцовые печати» очень ценились гончарами. Недаром мастер, выпуская ученика, должен был снабдить его не только одеждой, но и дать ему три «образцовых печати», чтобы было с чем начать дело. И, даже отслужив свой срок, эти инструменты занимают почетное место в наших музеях.

КУВШИН «ДОБРА ЧЕЛОВЕКА»

Повадился кувшин по воду ходить – тут ему и голову сложить!» – говорит старая русская пословица.

Как это понять?

У нас кувшины по воду не ходят. По воду ходят ведра. И, чтобы их нести, есть особое приспособление – коромысло. По воду ходят (вернее, ездят) бочки – их везут на колесах или на санях лошади. Да что говорить – у нас теперь обычно по воду не ходят и не ездят: она сама приходит в наши дома.

Не только в городе, но все чаще – в деревне. И все же обычными сосудами для воды у нас уже давно считаются ведра. Раньше даже всякие большие количества воды измерялись обычно ведрами. Например, в цирке бывали «водяные феерии» – представления с водопадами, кораблями, морскими боями и водными играми, – во время которых арена превращалась в бассейн. Тогда в афишах писали: «На арене три тысячи ведер воды!» – или что-нибудь в этом роде.

Мы знаем, что по воду ходят и с кувшинами, но, по нашим представлениям, так достают и носят воду не у нас, а где-то далеко, на юге. Вспоминается, например, пьеса великого испанского драматурга Лопе де Вега «Девушка с кувшином» или пушкинские строки о царскосельской статуе:

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печальна сидит, праздный держа черепок.

Эта статуя изображает не русскую девушку, а, как обычно в то время, скорее, девушку древнегреческую. Недаром Пушкин избрал для этого стихотворения древнегреческий размер – гекзаметр. И Лермонтов не раз возвращался к поэтическому образу грузинской девушки, идущей по воду с кувшином, – будь то простая грузинка или княжна Тамара.

Но вот русский рисунок, сделанный лет четыреста назад. Сергей Радонежский трудится не покладая рук. Он кроит и шьет одежду. Достает из колодца воду и носит ее в дом. Ху-

дожник изобразил его у колодца не только с ведром, но и с кувшином. А потом Сергей идет домой, неся в правой руке ведро, а левой придерживая стоящий на плече кувшин, – не хуже лермонтовской грузинки.

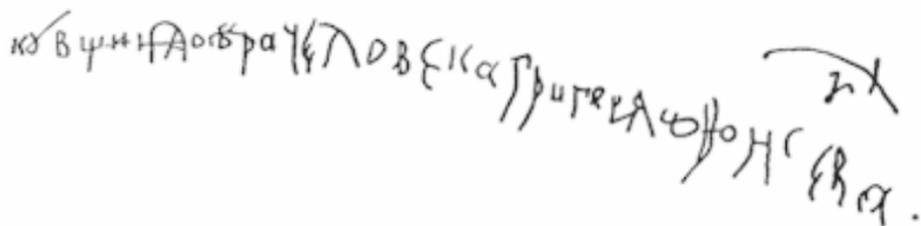
Значит, когда-то ходили и у нас по воду кувшины?

О том же рассказывают и археологические находки. Во многих древних колодцах находят осколки кувшинов и даже целые кувшины. Вот, значит, как надо понимать старую поговорку. Раз уж кувшин начал ходить к колодцу, рано или поздно он там и останется, целый или, скорее всего, разбитый. Однажды в двух стоящих рядом старых колодцах нашли тринадцать кувшинов! А глубокий колодец, открывшийся при строительстве метро у площади Ногина, был прямо-таки забит осколками кувшинов: наверное, здесь разбили их больше сотни. Когда строился высотный дом на Котельнической набережной в Москве, в колодце XVII века нашли кувшин, который специально был оплетен берестой, чтобы не разбился о стенки колодца. Но, видимо, и это не помогло. Хоть кувшин и остался целым, но однажды веревка, на которой его спускали, оборвалась, и только через двести лет мы вытащили его из этого колодца.

Однажды в археологическом отделе Музея истории и реконструкции города Москвы раздался телефонный звонок. Звонили со строительства в районе Казарменного переулка. Рабочие нашли в старом колодце огромный, совершенно целый кувшин, когда-то «сложивший здесь свою голову». Его осторожно вынули, очистили от набившейся внутрь тины и привезли в музей. Да, это был очень большой кувшин – емкостью литров тринадцать. Сделан он не без щегольства – черный, блестящий, похож на металлический. Венчик с носком, чтобы было удобно лить воду, ручка плоская; высокая, стройная шейка плавно переходит в округлое тулово. На шейке и тулове узкие полоски – для украшения. Конечно, кувшин был по тем временам хороший и стоил, наверное, не дешево. Хозяин или хозяйка должны были им дорожить. Не потому ли на нем есть и надпись. Ее обнаружили, когда хорошенько отмыли кувшин снаружи. Под горлышком на шей-

ке кувшина, напротив ручки, изогнулась дугой строка надписи: «Кувшин добра человека Григория Офонасева».

Кувшин добра человека Григория Офонасева.

Может быть, эта надпись сделана мастером, которому Григорий Афанасьев (или Офонасев) заказал сделать кувшин? Нет, мастер сделал бы надпись по сырой глине, когда кувшин еще не был обожжен, – так было легче. А эта надпись процарапана уже по обожженному сосуду, и более светлые буквы резко выделяются на темном теле кувшина. Наверное, сам Григорий Офонасев прочертил каким-то острым инструментом, вроде железного «писала», эти буквы, что стоило ему, должно быть, немалого труда. И этот Григорий был, по-видимому, неплохим грамотеем: линия надписи плавно изогнута, буквы четкие. Почерк, каким писали в конце XVI – начале XVII века.

Конечно, Григорий купил кувшин на рынке и процарапал на нем надпись, чтобы женщины из его дома, когда пойдут по воду к колодцу, не перепутали этот кувшин с каким-нибудь чужим, не таким хорошим. Так делали в то время, наверное, многие москвичи. В Зарядье, например, при раскоп-

ках найден обломок горлышка кувшина, на котором также была процарапана надпись: «Федорин кувшин». На этот раз, наверное, сама хозяйка позаботилась, чтобы ее кувшин не потерялся.

Как же можно было потерять кувшин, идя по воду? Это ведь не иголка. Идет женщина или девушка к колодцу. Кувшин держит в руке. Опускает его на веревке в колодец, вытаскивает полный и несет обратно.

Однако дело обстояло не так-то просто. При тогдашней затворнической жизни женщин, ограниченной домом, двором да иногда церковью, у колодцев образовывались своеобразные женские клубы – места, где можно была встретиться с соседками, поболтать о том о сем, «перемыть косточки» общим знакомым, узнать городские новости. А можно было здесь назначить и любовное свидание. Недаром во многих русских песнях поется о встречах девицы с ее суженым, ко-

гда она идет по воду или у колодца. Ясно, что при таких обстоятельствах можно забыть обо всем на свете, не только о каком-то кувшине, и захватить по ошибке соседкин кувшин.

Впрочем, может быть, надпись делалась и на тот случай, если кувшин сорвется и упадет в колодец. Чтобы, вытащив, можно было узнать свой. Но это маловероятно, так как почти нельзя было рассчитывать, что кувшин, упав в колодец, не «сложит головы», а останется цел.

А может быть и так, что Григорий Офонасев сделал надпись на своем кувшине просто из тщеславия: поставит его жена, дочь или служанка кувшин у колодца, и пусть все видят, какой хороший кувшин купил себе «добрый человек Григорий Офонасев»!

Кстати, как нужно понимать эти слова – «добрый человек»? Что у Григория Офонасева был хороший, мягкий характер? Что он хорошо относился к своим домашним, знакомым и вообще к людям? Отнюдь нет. Слова «добрый человек» говорят не о характере Григория Офонасева, а, скорее, о его социальном, имущественном положении. Слово «добрый» имело еще в XVIII веке значение «хороший», или, как мы еще и сейчас говорим, «доброкачественный», «добротный». Петр Первый, например, писал не раз своим представителям за границей, чтобы они подыскивали для той или иной работы «мастеров самых добрых», то есть самых лучших. «Добрыми людьми», в отличие от «худых» и «средних людишек», назывались более состоятельные посадские лю-

ди. К ним, наверное, и принадлежал Григорий Офонасев, не упустивший случая и на своем кувшине написать: «Смотрите, я богатый!» – что, конечно, не говорит об особой доброте его характера.

Кто же такой, в самом деле, был Григорий Офонасев?

Чтобы выяснить это, Галина Петровна Латышева стала искать его имя в различных московских документах конца XVI – начала XVII века (вспомним, что почерк надписи на кувшине именно этого времени). Надежды было довольно мало: ведь Григорий Офонасев, очевидно, не был ни боярином, ни каким-либо выдающимся лицом. Таких «добрых людей», как он, в Москве тогда было множество. Но все же поиски увенчались успехом. В «Книге об устройстве торговых городских рядов», в которой записывалось, где какой торговец имел лавку и сколько должен был за нее платить налога, упомянут некий торговец Гришка Офонасев. Он имел лавку в главном торговом районе Москвы – Китайгороде – и должен был платить за нее пошлины один рубль одиннадцать алтын четыре деньги в год. Один неопытный сотрудник музея, узнав об этом, сказал: «Как мало! Наверное, был мелким лавочником». На самом деле Гришка Офонасев – а это, вероятно, тот самый, которому принадлежал кувшин, – был довольно состоятельным торговцем, «добрым человеком», по понятиям того времени. Он платил в качестве пошлины такую сумму, на которую можно было, например, купить пудов десять ржи или нанять поденщика – работника месяца

на два.

Лавка Григория Офонасева была в Китайгороде, а дом, в котором он жил, – где-то неподалеку от современных Покровских ворот, но уже по ту сторону недавно выстроенной каменной стены Белого города, в районе, который называли Земляным городом или Скородомом. Во всяком случае, его домочадцы ходили за водой к колодцу, что был примерно там, где сейчас проходит Казарменный переулок. Колодцы тогда были не у всех домов (в описях довольно часто встречаются дома, при которых, например, «полколодца», то есть один колодец приходился на два дома). Но вряд ли дом мог быть особенно далеко от какого-нибудь колодца.

Итак, лет триста пятьдесят назад зажиточный лавочник Григорий Офонасев купил приглянувшийся ему кувшин, нацарапал на нем надпись и определил для носки воды. Но в какой-то день веревка, на которой тянули кувшин, оборвалась, и, оправдывая пословицу, он оказался на дне колодца. А в наши дни строители нашли его и передали в музей города.

СЕРВИЗ КНЯЗЕЙ ГРУЗИНСКИХ

В Москве есть такой район – Песчаные улицы.

Сейчас здесь выстроились большие красивые дома. И рядом с ними кое-где еще недавно стояли маленькие домики с их зелеными садиками. Весной в этих садах пышно цвела сирень. И любители-садоводы выводили такие ее сорта, на которые приезжали потом любоваться со всей Москвы, да и не только из Москвы.

А неподалеку, на Ленинградском проспекте, позади стан-

ции метро «Сокол», находится кладбище и неприметная маленькая церквушка.

Случайного посетителя поразит здесь обилие могил представителей знатных грузинских фамилий – Цициановых, Багратионов. Сам прославленный полководец, герой Отечественной войны 1812 года Петр Иванович Багратион поставил тут обелиск на могиле своего отца Ивана Александровича.

На цоколе обелиска высечен герб Багратионов. Два льва, стоящие на задних лапах, держат в передних лапах увенчанный короной фигурный щит. Поле щита разделено на четыре части, в которых можно различить изображения державы, арфы, пращи и сабли, скрещенной со скипетром. Сколько знаков царской власти – корона, держава, скипетр! И в самом деле, Багратионы происходили из царского рода. Они были потомками грузинских царей Багратидов. А грузинские цари выводили свой род от царя Давида. Вот откуда на гербе изображение арфы и пращи! Ведь, согласно легенде, юноша Давид убил на поединке вражеского богатыря Голиафа, метнув камень из пращи. А позже тот же Давид якобы сложил знаменитые песни-псалмы, которые сам пел, аккомпанируя себе на арфе. Пращу и арфу царя Давида поместили в своем гербе потомки грузинских царей, поселившиеся в Москве лет триста назад и получившие впоследствии российское дворянство с титулом князей Грузинских. Багратионы были в близком родстве с Грузинскими и носили тот же

герб.

Но почему похоронены здесь эти знатные грузины? В XVII веке на этом месте было село Святые Отцы. Вероятно, оно называлось так потому, что поблизости был мужской монастырь.

Вскоре село стали называть Всехсвятское, по церкви, которая и сейчас еще носит имя «Всех святых». Принадлежало оно царскому родственнику, боярину Ивану Милославскому. Свою дочь Федосью Милославский выдал за сына грузинского царя Арчила, царевича Александра Арчиловича, и дал ей в приданое Всехсвятское. Так эти места оказались во владении потомков грузинских царей.

Царевич Александр Арчилович принадлежал к той группе талантливой молодежи, которой еще в юности окружил себя Петр Великий. Он был товарищем детских игр царя, вместе с ним проходил военную выучку в «потешных полках» и до конца своей недолгой жизни остался его верным другом и сподвижником. Сопровождал Петра в его известном путешествии за границу и совершенствовался там в военном деле (кстати, живя в Голландии, он носил фамилию Багратион). Возвратившись, Александр Арчилович руководил переустройством русской артиллерии. В его ведении был Пушкарский приказ и Пушечный двор, о котором мы уже говорили. Но молодой генерал артиллерии (он первый получил это новое в России звание генерал-фельдцейхмейстера) попал в плен под Нарвой, а когда лет через десять шведы на-

конец согласились обменять его на шведских генералов, находившихся в русском плену, Александр Арчилович был уже так изнурен длительным заточением, что по дороге в Россию умер. Петр чтит память своего друга и соратника. Всехсвятское вместе с другими имениями было закреплено за родней Александра. И именно здесь начал Петр в 1722 году знаменитый праздник победы над шведами.

В XVIII веке во Всехсвятском была роскошная княжеская усадьба с двумя дворцами – зимним и летним. В одном из дворцов помещалась даже первая грузинская типография. Но в середине XIX века имение по каким-то причинам было продано мелкими участками, дворцы разрушились, и Всехсвятское стало обычным подмосковным дачным местом. А еще через несколько десятков лет оно вошло в границы растущего города. Только сохранившиеся на местном кладбище и в церкви надгробья грузинских князей напоминали о прошлом.

Несколько лет назад хозяева одного из домиков рыли яму в своем саду. Вдруг лопата наткнулась на какой-то странный предмет: сверкнули яркие краски – белая, синяя, зеленая, желтая. Это оказался расписной, очень красивый изразец. За ним показался другой, третий... Копать перестали. О находке сообщили в Музей истории и реконструкции Москвы. И вскоре археолог Галина Петровна Латышева уже намечала в саду контуры будущего раскопа, осторожно, стараясь не повредить деревья и кусты сирени. В работе приняли живое

участие и школьники, пополнявшие свои знания по истории района.

Что же вызвало интерес археологов и юных краеведов? Надежда найти место дворца грузинских князей, которое давно уже было утрачено. Ведь находки роскошных расписных изразцов всегда указывают на близость богатого дома. Мы помним, что еще в XVI и XVII столетиях богатые москвичи любили украшать печи в парадных комнатах рельефными изразцами. И в XVIII веке этот обычай сохранился, но изразцы, согласно моде, стали делать гладкими, а не рельефными. Узоры на их поверхности уже не оттискивали штампами, а рисовали кистью, яркими красками. Это только в следующем столетии печи стали облицовывать белыми гладкими кафелями, какие кое-где можно увидеть и сейчас.

При раскопках в саду в Первом Песчаном переулке нашли множество расписных изразцов. Некоторые из них явно были из одной печи. На их рисунках разворачивался какой-то неизвестный нам, но несомненно единый сюжет из жизни кавалера в желтом плаще.

Вот он гуляет в саду, вот беседует с прекрасной, по понятиям того времени, дамой... Другие изразцы не складывались в единый комплект. Напротив, по их расцветке и характеру узора можно было сказать, что отдельные их группы никак не могли находиться в одной и той же печи. На одном изразце в красивом медальоне изображен человек с гусем в

руках. По всему видно, что гусь похищен. На другом изразце бурлак тянет бечевой лодку по реке. Ясно, что в доме было несколько очень красивых изразцовых печей.

Потом раскопали часть толстой каменной стены. Было все же ясно, что здесь старая каменная постройка приспособлена и перестроена позднее для каких-то мелких хозяйственных нужд. Что же, это могла быть и часть дворца, но могло быть и какое-нибудь здание, не имеющее к дворцу князей Грузинских никакого решительного отношения. Ведь ничто не указывало определенно на принадлежность здания именно Грузинским...

Не указывало, пока не нашли рядом с остатками здания целую грудку черепков разбитой фаянсовой посуды. В изломе их розовела обыкновенная глина, но внешняя и внутренняя поверхности были покрыты непрозрачной белой поливой, так что сосуд походил на фарфоровый. На черепках то тут, то там виднелась роспись синей и коричневой красками. На одних – каймы, какие делают и сейчас по краям тарелок, на других – куски каких-то рисунков: львиная лапа и часть хвоста, голова льва с косматой гривой, наконец, фигурный геральдический щит, а на нем и арфа, и держава, и праща, и скипетр, перекрещенный с саблей. Теперь уже сомнений не было: на посуде нарисован герб князей Грузинских. В те времена аристократы помещали свой герб не только на своем штандарте – флаге, на фасаде дома, на оружии, но и на дверцах кареты, одежде слуг, переплетах книг, столовом се-

ребре и посуде.

Теперь можно было с уверенностью сказать, что маленький коттедж, в саду которого нашли изразцы, стоял на территории бывшего дворца князей Грузинских. Об этом рассказали черепки разбитой посуды.

Все они были тщательно собраны, отмыты, и Латышева стала проверять, нельзя ли получше узнать, что это была за посуда. Много пришлось осмотреть и примерить друг к дру-

гу черепков, пока удалось собрать и склеить если не целый сервиз, то значительную его часть – одиннадцать мелких тарелок и крышку соусника. Небольшие белые тарелки с фигурными, по моде того времени, краями были украшены по бортику каймой – лентой узора, сделанного коричневой и синей красками (листья, завитки, клеточки). А в центре каждой тарелки красовался герб, который мы уже описали. Он украшал и крышку соусника.

Пожалуй, не менее интересным, чем то, что сервиз принадлежал князьям Грузинским, оказалось и то, что он был до мельчайших деталей похож на те образцы русского фаянса XVIII века, которые выпускал первый русский керамический завод, основанный в Москве в 1724 году Афанасием Гребенщиковым. Если убрать мысленно герб, эти тарелки, пожалуй, нельзя было бы отличить от других, сохранившихся в наших музеях как редкость образцов работы завода Гребенщикова.

Афанасий Гребенщиков был богатым купцом – «гостиной сотни торговым человеком», как тогда говорили. А сын его Иван стал выдающимся специалистом по гончарному делу. Он не только усвоил весь вековой опыт мастеров московской Гончарной слободы, но постоянно искал в этом производстве новые пути и самостоятельно изобрел способы изготовления многих керамических изделий. Так он добился на своем заводе изготовления прекрасной по тем временам фаянсовой посуды, и завод получал, как мы видим, заказы от

вельмож да и от самого царского двора.

В наше время никого не удивишь фарфоровой посудой. Но специалисты и просто любители изделий из этого тонкого и красивого материала знают, как трудно и сейчас изготовить хорошую фарфоровую вещь. И хотя всем давно известно, что фарфор делается из белой глины (которая названа впервые открывшими ее китайцами «као-лин»), приготовить из этой глины хорошее тесто для формовки изделий так, чтобы они могли получиться тонкими и изящными, очень трудно. А в те времена не знали даже, что именно нужно взять в качестве сырья, чтобы получить фарфор. Древний секрет ревниво охранялся. Уже в XVIII веке саксонцы Бетгер и Чирнгауз открыли способ изготовления фарфора, но саксонское правительство также засекретило его, чтобы иметь возможность продавать свой фарфор за границу по баснословно высоким ценам.

Когда русское правительство решило во что бы то ни стало раскрыть секрет изготовления фарфора, в этой работе приняли участие и Гребенщиковы. Они первые подали мысль использовать для производства фарфора подмосковную гжельскую белую глину. Иван Гребенщиков даже сделал из нее несколько пробных вещей, которые Афанасий Гребенщиков послал в Петербург управляющему кабинетом императорского двора барону Черкасову, ведавшему поисками секрета производства фарфора. В Москве ходили разговоры, что Гребенщиков открыл этот секрет раньше самого Дмит-

рия Ивановича Виноградова, который, как известно, работал на Императорском фарфоровом заводе в Петербурге, но посланные Гребенщиковым из Москвы вещи якобы завалились в петербургских канцеляриях (не без участия Черкасова, который был заинтересован в приоритете императорского завода). Трудно сказать, как в точности это было. Но исследователь Александр Борисович Салтыков нашел в архиве документы, свидетельствующие о том, что И. А. Гребенщиков и в самом деле наладил на отцовском заводе производство фарфора, независимо от изобретения его Д. И. Виноградовым.

Сервиз князей Грузинских изготовлен, видимо, еще до того, как стали делать фарфоровую посуду, то есть до 1747 года. Князя заказали себе столовую посуду на заводе Гребенщикова и, конечно, приказали украсить ее своим фамильным гербом.

Какое-то время сервиз служил своим хозяевам. Наверное, однажды какой-нибудь официант в княжеском дворце, когда нес стопку посуды, поскользнулся или споткнулся, уронил свою ношу – и одиннадцать тарелок вместе с соусником обратились в мелкие черепки. Конечно, официанту (а тогда они были обычно крепостными, дворовыми людьми) немало досталось. Вероятно, князь Грузинский даже приказал жестоко выпороть его на конюшне, как делали русские дворяне. Ведь дорогой фамильный сервиз был испорчен – куда он годился без стольких предметов!

Но кто знал тогда, что выброшенные черепки разбитой посуды сослужат еще немалую службу историкам и, когда роскошный княжеский дворец давно уже будет разрушен и забыт, помогут установить его место!

ЦАРЬ-КОЛОКОЛ

«У Спаса бьют, у Николы звонят, а у старого Егорья часы говорят» – такова старая московская поговорка. То отбивая часы, то возвещая о празднике или о начале церковной службы, раздавался над городом колокольный звон. Иногда он звучал обыденно, иногда празднично, иногда грустно, иногда страшно и грозно. Колокольный звон – это не только часы, не только благовест, но и набат, призывающий народ на

тушение пожара или на борьбу с врагом. Колокола были на каждой из «сорока сороков» московских церквей и на крепостных башнях, а в других городах, например в Новгороде, и на площади народных собраний. В русских городах еще до недавнего времени были ценители этой своеобразной музыки колоколов, готовые подолгу спорить о достоинствах и недостатках того или иного колокола, того или другого звонаря.

А в древности колоколам придавали особенно большое значение и не жалели на них затрат. И государевы литцы на Пушечном дворе лили не только грозные пушки, но и мирные колокола.

Отлить большой колокол было еще труднее, чем пушку. Здесь нужна была не только крепость и внешняя красота, но и особые качества звука. А при малейшей неточности расчета формы колокола, толщины его стенок на разных их участках или состава сплава звук не получался таким красивым, как требовалось.

Лили колокола, как и пушки, по модели, которую делали в натуральную величину из глины и воска. Для литья больших колоколов рыли в земле огромные ямы, в которых и делали эти модели и литейные формы. Вокруг ямы строили по нескольку печей, в которых расплавляли иногда тысячи пудов меди и олова.

И так же, как пушка, каждый колокол был единственным и неповторимым; как и пушка, колокол часто имел собствен-

ное имя; как и пушка, в Москве есть колокол, который называется «Царь».

История этого колокола отчасти написана на нем самом. «Лил сей колокол Иван Федоров сын Моторин с сыном своим Михаилом Моториным», – читаем на одной из надписей. Моторины – старинная семья московских литейщиков. Еще в 1617 году, когда на Пушечном дворе работал знаменитый Андрей Чохов, упоминается и литейщик Дмитрий Моторин.

Другая надпись повествует о том, что Царь-колокол отлит взамен ранее бывшего огромного колокола весом в восемь тысяч пудов (более 130 тонн). Этот древний колокол отлили в 1654 году, но только через четырнадцать лет он стал звонить: так трудно было поднять колокол из ямы и подвесить.

Современники дивились этому колоколу и писали, что для звона, чтобы раскачивать огромный его язык, якобы нужно было около сотни стрельцов. Так колокол звонил до 1701 года, когда пришел в негодность после одного из страшных московских пожаров. Ведь бронза плавится сравнительно легко, и достаточно было колоколу побывать в огне пожара, чтобы он хоть и не расплавился совсем, но потерял свои звуковые качества.

Тридцать лет колокол «пребывал безгласен», как говорится в надписи.

Почему же о нем вспомнили столько лет спустя? К этому были серьезные причины. Всего год назад в Москве от оспы скончался император Петр II. Стоявшая у власти груп-

па дворян – членов Верховного Тайного совета – решила передать престол Анне Ивановне, дочери царя Ивана Алексеевича, который в молодые годы Петра Первого был его соправителем. Анна была тогда герцогиней Курляндской и влачила довольно жалкое существование. Приглашенная «верховниками», как тогда называли эту группу вельмож, на русский престол, она при поддержке большинства дворян, которых много съехалось тогда в Москву на коронацию, отказалась править при ограничениях ее власти Верховным Тайным советом и объявила себя самодержицей. Однако для России это означало уже с первых шагов новой императрицы лишь господство фаворита Анны, курляндца Бирона.

Но бывшая курляндская герцогиня проявила себя напоказ всему народу большой ревнительницей православной религии. Уже в первые месяцы своего правления она издала манифест о том, чтобы те народы России, которые еще не знают «христианского закона», были обращены в православие, как и все старообрядцы или раскольники, и чтобы все церковные службы отправлялись «благочинно и порядочно... так, как прежде сего при их величествах деде и отце нашем было». Стремясь вернуть Россию к порядкам, какие были при Алексее Михайловиче (ведь это он был ее дедом), Анна, наверное, вспомнила и про колокол, отлитый еще в его царствование.

Как бы то ни было, уже через несколько месяцев после своего воцарения, в июле 1730 года, Анна указала «тот ко-

локол перелить вновь с пополнением, чтобы в нем в отделке было десять тысяч пудов, а на литье того колокола медь брать где приличная тому явится, а олово взять из Артиллерии, а припасы всякие покупать и работников нанимать настоящей ценою», иначе говоря, не жалеть ни материалов, ни денег.

Один из сановников ее двора, Миних, заказал проект колокола в Париже знаменитому Жерменю, королевскому золотых дел мастеру и члену Академии наук, «который, – как писал Миних, – по сей части преискуснейшим считается механиком. Сей художник удивился, когда я объявил ему о весе колокола, и сначала думал, что я шутил».

В самом деле, отлить колокол весом почти в сто шестьдесят тонн (Миних, давая заказ, назвал даже меньший вес, чем было в царском указе, – девять, а не десять тысяч пудов) было делом неслыханным в тогдашней Европе.

Однако за это дело взялся отнюдь не академик, а простой русский «артиллерийских дел колокольный мастер» Иван Федорович Моторин. Может быть, поэтому Правительствующий Сенат, хотя и было в царском указе предписано не

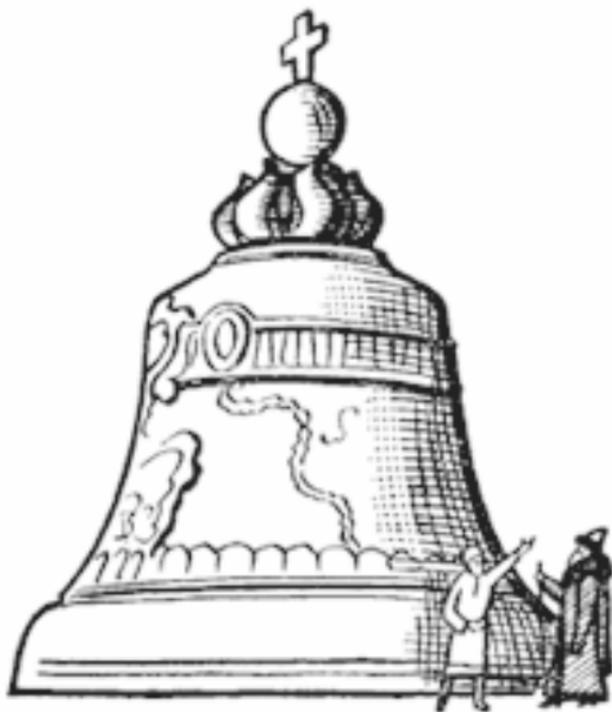
жалеть средств на это дело, задерживал жалование, «от чего, – писал Моторин, – в пропитании моем претерпеваю немалую нужду и скудость». Иван Моторин работал с сыном Михаилом и помощниками Гаврилой Смирновым и Андреем Маляровым. Представленный Жерменем проект колокола он отверг, так как Жермень предложил сделать колокол со слишком толстыми стенками, от чего должен был получиться глуховатый звук. Сам Моторин сконструировал колокол не с такими толстыми стенками, но, видимо, значительно больший по размеру, так как в нем было около двенадцати тысяч пудов (немного менее двухсот тонн).

Делать его он предложил в яме у самой колокольной Ивана Великого. Мастер произвел все расчеты и сделал модель и форму для колокола. Поверхность колокола мастера Василий Кобе-лев, Петр Галкин и другие украсили узором, по моде того времени, из листьев аканфа и красивых розеток, поместили на ней фигуры царя Алексея Михайловича и императрицы Анны Ивановны. Так стремились еще раз показать, что новый колокол – как бы преемник старого колокола, отлитого еще при царе Алексее Михайловиче, когда патриархом только что назначили знаменитого Никона. Так велела Анна, стремившаяся всюду подчеркнуть, что она внучка и наследница Алексея и сторонница церковных реформ Никона. Было на поверхности колокола еще шесть икон и три надписи. В одной, как мы уже сказали, излагалась история колокола. Вторая говорила о том, что «лит сей колокол

из меди прежнего осми тысяч пуд колокола, пожаром поврежденного, с прибавлением материи двух тысяч пуд от создания мира 7241 от рождества же по плоти бога слова 1733». Но сведения эти не соответствуют действительности. Дело в том, что надпись была сделана на модели колокола, с которым после этого произошло еще немало приключений.

Когда все приготовления были закончены, в плавильные печи заложили «лома меди и олова от прежнего разбитого колокола семь тысяч восемьсот пудов, расковочной меди три тысячи девятьсот пудов, сибирской красной тысяча пудов, старых колоколов тысяча двести девяносто шесть пудов, полушек старого дела (монет старой чеканки) сорок пудов... Прутового олова тысяча пудов», в общей сложности – более пятнадцати тысяч пудов металла. С учетом потерь, неизбежных при сложном процессе литья, готовый колокол должен был весить двенадцать, а не десять тысяч пудов. Конечно, такое количество металла можно было расплавить не сразу даже в нескольких печах. Через два дня, после того как были затоплены все четыре печи, в двух из них произошла авария. Моторин попытался продолжать литье с помощью остальных двух печей, но еще через день одна из них тоже вышла из строя. Литье пришлось прекратить. От брызг раскаленного металла возник пожар, при котором сгорели вспомогательные постройки и едва удалось спасти саму форму колокола. Это было в ноябре 1734 года. А когда Анна велела вторично отлить колокол, Ивана Моторина уже не было в живых. Ра-

боту продолжали Михаил Моторин, Гаврила Смирнов и Андрей Маляров. Колокол был отлит в ноябре 1735 года.

– Кто Царь-колокол поднимет?
Кто Царь-пушку повернет? —

писал более чем через полтора столетия после этого поэт Федор Глинка.

Как поворачивали и передвигали Царь-пушку, вы уже чи-

тали. А вот с подъемом Царь-колокола дело обстояло гораздо сложнее: как-никак он весил в пять раз больше. Почти два года оставался колокол в той самой яме, где его отлили. Хотели поднять его и повесить в особой звоннице. Для этого были устроены уже леса и подмости. Но в мае 1737 года в Кремле снова вспыхнул жестокий пожар, и Царь-колоколу угрожала судьба его предшественника. Чтобы колокол не оплавился, его стали поливать водой. Но раскаленный металл при этом растрескался. Громадные сквозные трещины прошли вдоль корпуса, а в нижней части колокола отвалился «небольшой кусочек», весом... около семисот пудов (более одиннадцати тонн).

Прошло еще более ста лет, прежде чем колокол все-таки вынули из ямы. Тогда царствовал уже Николай I. За это столетие несколько раз возникали проекты то переливки, то спайки колокола, но правительство не было расположено тратить на это большие средства (переливка колокола, например, должна была обойтись по тогдашним ценам более ста тысяч рублей – сумма огромная, особенно если учесть, что квалифицированные мастера – медальеры и литейщики – получали в ту пору жалованья всего по пять-шесть рублей в месяц).

Николай I не думал уже о том, что колокол будет звонить. Он решил установить его на пьедестале для всеобщего обозрения, как и Царь-пушку. Работа была поручена знаменитому инженеру Монферрану, строителю Исаакиевского со-

бора в Петербурге.

Яму, в которой был колокол, значительно расширили и укрепили деревянным срубом. Полтора месяца строили леса. Монферран думал поднять колокол с помощью особых лебедок и блоков-кабестанов, какими поднимают якоря на судах. Но первая попытка не удалась. Тогда вместо прежних двенадцати кабестанов поставили двадцать (на это ушло тоже более полутора месяцев), и только с их помощью удалось поднять колокол немного выше края ямы.

В тот день на Ивановской площади в Кремле было большое стечение народа. Рядом с колокольной Ивана Великого уже готов был постамент для колокола, а над ямой, в которой колокол еще находился, возвышались леса высотой с трехэтажный дом. К их мощным балкам были подвешены блоки, через которые к двадцати кабестанам тянулись толстые канаты. Каждый кабестан приводили в движение по шестнадцать солдат (всего их работало, значит, триста двадцать человек). Кабестаны вращали сорок две с половиной минуты, следя при этом, чтобы ни один канат не натягивался сильнее другого. Постепенно колокол показался на поверхности. Яму прикрыли помостом, на который поставили тележку на катках, и только тогда удалось по специально устроенной наклонной платформе передвинуть колокол на заранее сделанный пьедестал, где он стоит и до сих пор как памятник замечательной работы московских литейщиков.

Работы, увы, не принесшей никому пользы.

КЛАД КРЕСТЬЯНИНА

«Весной в своих грядках так рылся огородник, как будто бы хотел он вырыть клад...»

Этот трудолюбивый крестьянин из известной басни Ивана Андреевича Крылова, конечно, не был повинен в кладоискательстве. Но в прежние годы в России да и теперь во многих зарубежных странах находилось и находится еще немало людей, которые, вместо того чтобы заниматься полезным делом, тратят свое время на поиски сокровищ, якобы только ожидающих, когда их найдут. В Керчи, где часты были находки древностей, таких людей называли, не без иронии,

«счастливицами». Досужие люди еще и теперь расскажут вам о том, что именно «где-то здесь», неподалеку, спрятаны огромные ценности (в одном месте скажут, что зарыл их палач Малюта Скуратов, в другой – знаменитый атаман Кудеяр, или сам Степан Разин, или Наполеон), и стоит только копнуть раза два, чтобы их найти. И конечно, присвоить или выгодно продать: иной мысли у этих людей не бывает. Не надеясь на труды своих рук, они тешат себя пустой надеждой обогатиться за счет спрятанных в древности сокровищ. И зачастую пытаются сбить на этот путь и других.

Что же такое в самом деле клады? Какую они могут иметь ценность сейчас?

Клады или сокровища (вы слышите в этих словах знакомые «класть» и «скрывать») – это ценности, которые люди в разные времена прятали от других людей, да не всегда успевали до конца своих дней достать обратно, чтобы воспользоваться ими. Ценности могли быть различными. Так, еще в бронзовом веке человек мог зарыть в землю металлические украшения, каменный полированный топор и кинжал с серебряной рукоятью и каменным клинком. На заре средневековья какой-то вождь зарыл, как видно, свою часть военной добычи, а это была, конечно, львиная доля. Тут оказалась главным образом византийская посуда из драгоценных металлов. Московские купцы, захваченные врасплох революцией 1917 года, также пытались иногда скрыть свои богатства. И вот в домах, где были их конторы, иногда находят

случайно слитки золота, спрятанные, например, в дымоходы или под пол. Конечно, среди спрятанных таким образом вещей могут оказаться и дорогие и интересные по выработке. Но ценны такие вещи сейчас, в основном, для историков.

В самом деле, что делать сейчас с кинжалом из зеленого нефрита с рукоятью из серебра? Разве что положить на письменный стол в виде пресс-папье? А в те отдаленные времена этой вещи цены не было! Где употребляются сейчас золотые и серебряные кувшины и блюда? Или древние монеты? Они сейчас нигде не ходят. А именно с тех пор, как появились на свете деньги, клады монет стали наиболее часты. Это и понятно: ведь деньги было удобнее всего спрятать. И уже совсем никакой цены не имеют находки спрятанных богачами недавних лет бумажных денег и так называемых «ценных бумаг» – акций не существующих уже давно предприятий.

Кладами интересуются сейчас историки. Потому, во-первых, что там встречаются вещи, являвшиеся в свое время образцом искусной работы, а по этим вещам можно изучать древнее искусство и ремесло. А во-вторых, потому, что покладам (в особенности, если их множество) можно сделать важные выводы о торговле, экономических, политических связях той или иной страны в различные времена. Не случайно, например, что на территории Древней Руси до X века зарывали главным образом клады арабских монет – диргемов, а после – византийских и затем – западноевропейских монет. Это говорит и о том, с кем торговали (непосредствен-

но или через соседей), и даже о том, что, наверное, тогда из Руси вывозили товаров больше, чем ввозили. Иначе как бы могли оставаться в руках местного населения арабские монеты? Если бы русские больше покупали у арабов, то пришлось бы отдавать им обратно монеты, вырученные ранее за проданные товары.

Итак, древние клады представляют иногда большой исторический интерес. И все же историки и археологи больше занимаются теперь другими видами исторических источников и относительно меньше придают значениякладам. Настоящее богатство доставляет не кладоискательство, а упорный труд.

Настоящим кладом для науки может явиться как раз не спрятанные удачливым разбойником сокровища, а научное открытие, которое рождается обычно не в результате случайной счастливой находки, а в результате напряженной работы ученого, кропотливого исследования научных источников. И такими источниками могут быть не только красивые и дорогие вещи, но и невзрачные на первый взгляд черепки и кости, о которых не раз говорилось в этой книге.

Поэтому-то систематические раскопки какого-либо поселения дают для истории много больше, чем находка клада, так как позволяют изучить жизнь и труд простого народа. Поэтому археолог очень обидится, если его назовут «кладоискателем», намекая на то, что он не исследует тщательно археологические памятники, а гонится лишь за эффектно-

ми находками.

Вот после таких высказываний меня обычно и спрашивают: «А вам случалось самому когда-нибудь найти клад?» Да, случилось однажды. И не одному, а в большой компании. Я сейчас и хочу рассказать, как мы нашли клад и что с ним сделали.

Мы были тогда студентами и уже побывали в своих первых археологических экспедициях. Увлечшись археологией (большинство из нас от этого увлечения не излечил впоследствии и возраст), почти все свое свободное время от ранней весны до глубокой осени бродили мы вокруг Москвы, разыскивая, по заданию нашего руководителя, профессора Артемия Владимировича Арциховского, различные археологические памятники – древние городища и курганы.

Для этого не нужно было ходить особенно далеко. Теперь в этих местах стоят уже новые кварталы города – Черемушки, например. А тогда здесь были деревни, и, уходя в субботу после занятий, мы уже не возвращались в Москву, а ночевали где-нибудь на сеновале, чтобы с рассветом начать раскопки. Так было романтичнее, да и времени для работы оставалось больше: тогда ведь нельзя было проехать в Черемушки на метро.

В ту осень мы облюбовали себе для раскопок группу курганов на самой обочине Калужского шоссе, у околицы деревни с красивым и древним названием Деревлево. Теперь это один из районов новой застройки Москвы – Коньково-Де-

ревлево. Мы очень гордились, что один из наших товарищей получил от Академии наук разрешение на эти раскопки, так называемый «открытый лист». Это был красиво напечатанный в типографии на толстой, очень белой, очень глянцевитой бумаге документ, где говорилось, что Георгию Борисовичу Федорову (имя, отчество и фамилия, как и название деревни были вписаны машинкой) поручается исследовать группу курганов у деревни Деревлево, для чего он имеет право снимать планы и производить любые земляные работы, а все государственные учреждения и частные лица должны оказывать Георгию Борисовичу Федорову в интересах науки всемерное содействие в выполнении возложенных на него поручений. С тех пор я видел и сам получал много «открытых листов». Но не помню ни одного такого красивого.

Впервые мы приступали к раскопкам без профессора или доцента, под руководством своего же товарища. Значит, нас признавали уже в какой-то мере специалистами-археологами, а не только учениками. И конечно, мы были полны решимости не подвести нашего общего учителя – Арциховского, ручательству которого мы были обязаны этим доверием.

Наступило утро, и работа началась. Еще накануне мы тщательно сняли план всей группы курганов: их было около десятка. Теперь же начертили в крупном масштабе на отдельном листе выбранный для сегодняшних раскопок курган. Измерили его диаметр, окружность, уровнем и рейкой промерили высоту. Потом по компасу провели линию север – юг

и по сторонам ее оставили узкую полоску – бровку, как называют ее археологи. Ее собирались раскопать в последнюю очередь, чтобы сохранить разрез – профиль – кургана в натуре для будущих фотографий, чертежей и промеров. Мы наметили ее в направлении с севера на юг, потому что погребение в кургане лежит обычно головой на запад, ногами на восток, то есть перпендикулярно этой бровке, так что все будет видно.

Теперь настало время «производить земляные работы», то есть, попросту, копать. Все взялись за лопаты, и вскоре уже по обе стороны бровки насыпь кургана значительно побавилась. В таких курганах обычно погребены крестьяне, и в верхней части насыпи не бывает тех сооружений, о которых говорилось при описании погребений знати. Поэтому лопаты всаживали на полный штык и далеко отбрасывали землю.

Но вдруг под лопатой что-то зазвенело. Сейчас же работа лопатами прекратилась, и несколько человек стали осторожно расчищать это место ножами. Вот и нож звякнул о какой-то металл. Монета! Круглая серебряная монета, похожая по форме на наши! Конечно, все были удивлены. В курганах подмосковных крестьян монета – находка очень редкая. Разве что в виде украшения, и, конечно, это монеты древние. Но каково было наше изумление, когда за первой монетой мы вытащили вторую, третью... всего их оказалось сотни три. Это были серебряные монеты – рубли, полтинники, полуполтинники (была, оказывается, и такая монета –

двадцать пять копеек) и гривенники. Все они были русской чеканки с надписями и изображениями. На одних виднелся знакомый профиль Петра Великого, на других – «видная собою» Екатерина Первая, курчавый длинноносый юноша Петр Второй, до безобразия толстая женщина «Божиею милостию Анна, императрица и самодержица всероссийская», маленький Иван Шестой (тот самый, что потом кончил свои дни узником Шлиссельбургской крепости), наконец, курносая женщина, чуть более изящная, чем Анна, но тоже толстая, «Божиею милостию Елисавет» – тоже императрица и тоже самодержица. На всех монетах был обозначен год чеканки.

Это был клад!

Настоящий клад!

Кто-то зарыл тут деньги, наверное, в мешочке. Материя сгнила, и следа не осталось, а монеты оказались просто в насыпи кургана.

Необычная находка, конечно, не помешала нам закончить раскопку кургана по всем правилам. Снеся почти весь курган, мы добрались до погребения, аккуратно его расчистили, сделали все нужные чертежи, рисунки и фотографии, обозначили точно места находок каждого украшения, положение черепа и главных костей скелета. Ведь мы и тогда были археологами, а не кладоискателями, как и наши учителя. Если бы из отчета о раскопках (а такой отчет обязан представить каждый, кто получает «открытый лист») узнали, что

после находки клада раскопки не довели до конца, никогда больше ни одному из нас не дали бы «открытого листа».

Когда мы появились на другой день в кабинете археологии не только с чертежами, украшениями и черепом (черепа археологи берут для антропологов), но и с кладом монет, это всех позабавило. Нам сказали, что если уж мы нашли клад монет, то должны его и обработать по всем правилам, как это делают нумизматы – исследователи монет. И вот мы начали описывать монеты: изображение и надпись на одной стороне – «аверсе», изображение и надпись на другой стороне – «реверсе» и т. д.

При этом открылось одно интереснейшее обстоятельство. Монеты нашего клада были чеканены в разные годы, начиная с 1725 года, но не позже 1755 года. Это говорило, что клад зарыт не ранее 1756 года: ведь почти всегда и в наше время монета, чеканенная в текущем году, поступает в обращение только в следующем.

1756 год знаменателен в истории нашей страны. В этом году Россия вступила в войну, которую вели Австрия и Франция с Пруссией и Англией. Потом историки назвали войну

Семилетней потому, что велась она семь лет – с 1756 по 1763 год. Русские войска трижды разбивали прославленные армии Фридриха II.

Они заняли и самый Берлин, и Пруссия была уже на грани гибели. Кто знает, может быть, дальнейшие судьбы всего мира сложились бы иначе, если бы не умерла Елизавета и на русский престол не вступил ее племянник Петр III, преклонившийся перед прусским королем Фридрихом II. Он и заключил с ним мир, выгодный одной лишь Пруссии.

Наш клад зарыт в первый же год этой войны. Наверное, хотя война и велась где-то далеко, на полях Пруссии и Австрии, но и здесь, под Москвой, было тревожно. И какой-то крестьянин зарыл свои сбережения в старый курган за околицей деревни.

Почему же крестьянин? А может быть, это был дворянин или купец? Вряд ли. Клад зарыт поблизости от деревни, где купцу неоткуда было взяться. А для дворянина он мал. Когда мы подсчитали общую сумму, оказалось всего девяносто рублей серебром. Для крестьянина – это целое состояние, а дворянин в ту пору проигрывал зачастую за карточным столом во много раз большие суммы. Да, кладывали не только палачи, разбойничьи атаманы и богатеи. И крестьянин мог зарыть в землю свои, трудом накопленные рубли, когда наступало тревожное время. Ведь он знал, что именно его, прежде чем дворянина или купца, коснутся бедствия войны.

С нашим крестьянином, наверное, так и случилось. Ведь он так и не вырыл из кургана свои девяносто рублей. Как знать, может быть, барин сдал его в рекруты и солдат сложил свою голову где-нибудь в Пруссии, например, в одном из знаменитых сражений, принесших славу русскому оружию, – при Гросс-Егерсдорфе или Куннерсдорфе. А может быть, он просто погиб от какой-либо болезни или от голода в одну из зимних кампаний. Так или иначе, но он, видимо, не вернулся с войны.

Как тут не вспомнить слов популярной в свое время песни Марии Конопницкой:

Как король шел на войну
В чужедальнюю страну,
Зазвенели трубы медные
На потехи на победные.
А как Стах шел на войну
В чужедальнюю страну,
Зашумела рожь по полюшку
На кручину, на недолюшку.

Что же случилось с кладом, после того как мы его нашли? Конечно, прежде всего показали его на ежегодной выставке результатов студенческих летних работ. Кто-то принес из дому кусок черного бархата, им обтянули картонный планшет, и светлые серебряные монеты еще ярче засверкали на этом фоне. Потом клад хранился несколько лет в кабинете архео-

логии Московского университета среди других коллекций.

А вскоре для нашей Родины настал час тяжелых испытаний. Полчища гитлеровцев вторглись на нашу землю. Стране нужна была каждая копейка, чтобы лучше организовать отпор врагу, и каждый нес свои сбережения в фонд обороны страны.

В те дни почти никого из тех, кто копал когда-то деревлевский курган, уже не было в стенах университета. Одни были в армии, другие – в рядах народного ополчения, в рабочих батальонах и командах противовоздушной обороны, третьи – на так называемых спецработах – строительстве укреплений. Многие девушки пошли в медсестры, в военные переводчики.

Клад, найденный когда-то в кургане, решено было сдать в фонд обороны.

Так скромные сбережения русского крестьянина послужили делу защиты Родины почти через двести лет.

ПУШКИНСКИЙ РАДИЩЕВ

Книги сопровождают нас всюду. Без них мы не могли бы ни учиться, ни работать, ни отдыхать. У нас книги и журналы печатаются в десятках и сотнях тысяч, а то и в миллионах экземпляров. Мы уже настолько привыкли к печатной книге, что с трудом представляем себе, как это жили люди пятьсот лет назад, когда еще не знали книгопечатания.

Только это изобретение дало возможность приобщиться к сокровищам человеческой мысли, знания, культуры не еди-

ницам избранных, а массам людей.

Но бывают и печатные книги, которых очень мало: иногда даже во всем мире едва ли не несколько экземпляров. Такие книги называются редкими, особенно ценятся и хранятся в специальных отделах библиотек.

Иногда бывает, что книга сразу задумана, как редкая, предназначенная для узкого круга читателей (прежде – только для любителей и собирателей книг – библиофилов). В этих случаях печатается очень мало экземпляров, обычно каждый под своим особым номером или с личной надписью автора. «Все экземпляры этой книги, не подписанные автором, – напечатано на одном томике стихов Баратынского, – суть поддельные и продаватели их будут преследоваться по законам». А далее чернилами подпись: «Е. Боратынский».

Но чаще книга предназначается для многих; печатается, по возможности, «большой тираж», как говорят специалисты. И все же проходят сотни лет, десятки, а то и только годы – и книга становится редкой. Прежде всего, потому, что год за годом, век за веком растет число читателей, и то, что казалось достаточным даже пятьдесят лет назад, теперь до смешного мало. А книги к тому же далеко не вечны. Это – тоже вещи. Они теряются, треплются – словом, исчезают.

Бывало и так, что книга не истрепалась, не потерялась, а все же исчезла; и притом не через века, а через годы или какие-то месяцы, может быть, даже дни после того, как покинула типографию.

Иногда – по воле самого автора. Известно, например, что Гоголь издал свое первое творение – идиллическую поэму «Ганц Кюхельgarten» – на собственный счет и вскоре же, убедившись в том, что это – вещь слабая, сам скупил в книжных лавках почти все экземпляры поэмы и уничтожил их. Остались лишь книги, которые продали до того. Так «Ганц Кюхельgarten» стал редкой книгой.

А иногда – и против воли автора.

Вот об одной такой книге и пойдет сейчас речь.

Эта старинная книжка невелика; она легко могла уместиться в тогдашних довольно объемистых карманах. Видно, ее очень ценили: любовно переплели в красный сафьян, украсили переплет золотым тиснением, обрез листов тоже позолотили.

Раскроем книжку. На первом белом листе увидим знакомую подпись: «А. Пушкинь».

Нет, он не автор этой книги. Он – владелец ее. Это Александр Сергеевич Пушкин своей рукой записал тут же на развороте: «Экземпляр, бывший в тайной канцелярии. Заплачен двести рублей».

Что же это за книга, за которую поэт, как известно, всегда испытывавший денежные затруднения, не пожалел заплатить двести рублей – деньги в ту пору немалые?

Это – «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева.

В Санкт-Петербурге недалеко от Московского вокзала

есть на одной улице один дом. Официальный адрес – улица Марата, 14 – вряд ли вам что-нибудь скажет. Дом, пожалуй, ничем не отличался бы от своих соседей – таких же домов, тесно стоящих друг к другу «плечом к плечу». Если посмотреть на каждый из них, то можно заметить, что он старый, построен лет двести назад, а лет сто назад – или поменьше того – перестроен, что теперь недурно бы дать ему снова капитальный ремонт. И этот дом не отличался бы от других, если бы на нем не было мраморной доски с надписью, что здесь жил Александр Николаевич Радищев и здесь, в своей собственной типографии, он отпечатал «Путешествие из Петербурга в Москву».

«Путешествие из Петербурга в Москву»... Его без преувеличения можно назвать самой значительной русской книгой XVIII века. Но судьба этой книги была поистине трагична. Екатерина Вторая, разъяренная дерзостью Радищева, велела арестовать его и предать суду, а книгу, конечно, уничтожить. Сохранились ее собственноручные пометки, сделанные при чтении «Путешествия».

«Книга печатана в 1790 г. без подписи типографии и без видимого дозволения, но в конце сказано: с дозволения управы благочиния. Сие вероятно ложь, либо оплошность, – писала императрица. – Намерение сей книги в каждом листе видно: сочинитель оной исполнен и заражен французским заблуждением (Екатерина имеет в виду идеи французской революции), ищет всячески и выищивает все возможное к

умалению почтения к власти и властям, к приведению народу в негодование против начальников и начальства».

Что ж, по-русски не слишком грамотно, но зато высокопоставленная рецензентка вполне уловила, что книга направлена против возглавляемой ею крепостнической системы, следовательно, и против нее лично.

Автор, по ее мнению, «сложения унылого и все видит в темно-черном виде... едит оплакивать судьбу крестьянского состояния, хотя и то неоспоримо, что лутчее судьбы наших крестьян у хорошова помещика нет во всей вселенной». Вот, оказывается, как! Судьба российского крепостного – лучшая даже во всей вселенной, а не только на нашей грешной земле!

Радищев напечатал всего 650 экземпляров своей книги. В мае 1790 года она начала продаваться, а 30 июня автор уже был арестован, а книга запрещена. Радищев, о котором сама императрица сказала, что он «бунтовщик хуже Пугачева», суд, конечно, осудил на смертную казнь. Но Екатерина, испугавшись общественного мнения, «помиловала» Радищева, заменив казнь ссылкой в Сибирь на «десятилетнее безысходное пребывание».

Казалось, крамолу вырвали с корнем. Но идеи Радищева продолжали распространяться. Те немногие экземпляры книги, что были проданы до наложения запрета, ценились очень высоко.

Но экземпляр Пушкина, конечно, превосходил их ценой.

Ведь он побывал в самой Тайной канцелярии!

На страницах этой книги много пометок красным карандашом. Крупные косые крестики вытянулись на полях один под другим, образуя как бы цепочку. Сравнив отмеченные крестиками места с замечаниями, сделанными Екатериной, ученые думают, что, может быть, карандаш этот держала в руках сама царица, иначе говоря, что в библиотеку Пушкина попала та самая книга, которой пользовалась в свое время Екатерина Вторая.

Видимо, Пушкин внимательно, и притом не раз, читал «Путешествие». Книга произвела на него такое сильное впечатление, что он не только побывал сам в тех местах, о которых говорилось у Радищева, но и написал свое «Путешествие из Москвы в Петербург».

Есть разные мнения об этом произведении, как будто бы во всем противоречащем Радищеву.

Вероятно, правы те, кто думает, что, ведя, подобно Радищеву, рассказ от имени некоего Путешественника, а не от себя, Пушкин вложил в его уста разные «благоденственные речи» с тем, чтобы обойти царскую цензуру и хотя бы таким окольным путем сообщить читателю главнейшие мысли самого крамольного автора, которые и приводятся тут же, якобы для того, чтобы на них возразить.

Но вы, вероятно, удивитесь, если я скажу, что Пушкин испытал на себе влияние Радищева не только как человек, но и как поэт. Испытал влияние не одних только идей Радищева,

но и его поэтических художественных образов. Об этом не говорят обычно пушкиноведы, но мне пришла в голову такая мысль, когда я очередной раз перечитывал вошедшую в радищевское «Путешествие» оду «Вольность». Там есть образ мрачного тирана, олицетворяющего самодержавие. Автор вкладывает в его уста, между прочим, и такие слова:

«Где я смеюсь, там все смеется;
Нахмурюсь грозно, все смятется;
Живешь тогда, велю коль жить».

Не правда ли, есть в этом образе что-то нам с детства знакомое?

Вспомните, как пушкинская Татьяна видит во сне Онегина в образе мрачного тирана, главаря шайки чудовищ:

«Он знак подаст – и все хлопочут;
Он пьет – все пьют и все кричат.
Он засмеется – все хохочут.
Нахмурит брови – все молчат.
Он здесь хозяин – это ясно...»

Кажется, ясно и то, что этот пушкинский образ в известной мере навеян радищевским образом.

«Путешествие» Радищева оказало огромное влияние на лучших людей России. Царский запрет оказался бессилем, хоть и уничтожили почти весь тираж книги. Известно, что

продано было всего 25 экземпляров, да еще несколько Радищев подарил разным лицам, в том числе Г. Р. Державину, и больше она не переиздавалась. Через несколько лет после смерти Радищева его сыновья издали «Собрание оставшихся произведений покойного Александра Николаевича Радищева с его портретом». Конечно, сюда не вошло «Путешествие из Петербурга в Москву». Но книга не канула в вечность. Не только в пушкинской библиотеке приютилась она. С одной из ее «сестер» перепечатал «Путешествие» в своей лондонской типографии Александр Иванович Герцен.

В России «Путешествие из Петербурга в Москву» было снова издано только после 1905 года.

Итак, эту небольшую книгу напечатал своими руками Александр Николаевич Радищев – великий русский мыслитель.

Она попала в руки самой императрице Екатерине Второй, вызвала, конечно, ее гнев и тем определила как судьбу почти всех других книг этого тиража, которые были по царскому приказу уничтожены, так и судьбу самого автора, испытавшего за нее не только тюрьму и ссылку, но и ужас осуждения на смерть (не забудем, что приговор суда был ему объявлен, и только потом сообщено о «помиловании»!).

Сама же книга уцелела. Наверное, Екатерина отдала ее в свою Тайную канцелярию для приобщения к «делу» Радищева. Здесь книга пролежала несколько десятков лет, пережив своего автора.

Как случилось, что ее изъяли и даже продали, сказать трудно. Но надо думать, тот, кто это сделал, немало нажился на редкой книге. Вряд ли ее продали сразу Пушкину: скорее, она прошла еще через чьи-то руки. Но в библиотеке поэта заняла сразу почетное место. Наверное, Пушкин и отдал ее переплести, любил и хранил ее, как одно из ценнейших сокровищ своей прекрасной библиотеки. Но показывал, конечно, только самым ближайшим друзьям: книга была запрещенная, даже держать ее дома было небезопасно.

Что случилось с книгой после гибели поэта, в точности сказать трудно. Может быть, ее сразу же изъяли, хоть и не числится она в составленной жандармами описи. Во всяком случае, книга не разделила полностью судьбы всей библиотеки Пушкина, кочевавшей по различным складам и имениям его наследников до начала нашего столетия, когда ее целиком купил Пушкинский дом.

Пушкинский экземпляр Радищева попал еще в 1889 году в Петербургскую Публичную библиотеку, а почти полвека спустя, когда готовилась выставка, посвященная столетию со дня смерти поэта, был прислан в Москву, и я сам видел его в зале Исторического музея, где размещалась выставка. Потом выставка побывала в Санкт-Петербурге, в залах Эрмитажа, а еще позже из нее создали музей А. С. Пушкина в городе Пушкине (бывшем Царском Селе). Недавно вновь открылась экспозиция этого музея в залах бывшего Екатерининского дворца.

Не своеобразная ли это ирония судьбы, что книга, так долго гонимая царями, теперь, когда цари давно изгнаны, переезжает из одного царского дворца в другой?

ПАМЯТНАЯ ДОСКА ПРОХОРОВЫХ

Всем известно, что такое памятные, или, выражаясь по-ученому, мемориальные, доски. Они прямо-таки вошли в нашу жизнь. Не только в городах, но и в селах можно зачастую увидеть памятные доски, рассказывающие прохожему, что на этом месте или в этом доме произошло такое-то важное для всех нас событие. Памятные доски укрепляют на сте-

нах домов, мостах и иных постройках, но иногда и просто на улице. Они бывают мраморные и гранитные, бронзовые и чугунные.

В небольшом селе Петрищеве есть мемориальная доска на доме, где провела свои последние часы перед казнью героиня Великой Отечественной войны Зоя Космодемьянская.

В разных городах и селах России мемориальные доски рассказывают, о происшедших здесь каких либо событиях. А сколько их посвящено одному только Пушкину! И где-нибудь в самом неожиданном месте вы можете вдруг прочесть, что здесь жил и работал в такие-то годы такой-то крупный деятель науки или культуры, например Сергей Тимофеевич Аксаков.

Надо сказать, что обычай ставить памятные доски не новый. Он возник в глубокой древности. Еще властители Двуречья и египетские фараоны делали разные надписи для потомства о своих победах, об изданных ими законах и т. п. В античных городах имеется множество надписей, вырезанных на камнях и рассказывающих о деяниях полководцев и строителей.

И от эпохи средневековья до нас дошли некоторые памятные надписи. Так, новгородец Иванко Павлович оставил надпись, которая гласит: «В лето 6641 (1133) месяца июля 14 день почях рыти реку сю яз Иванко Павловиць и крест сей поставих». Этот памятник стоит в верховьях Волги, при впадении ее в озеро Стерж. Наверное, Иванко Павлович на-

чал какие-то большие земляные работы в верховьях Волги, для того чтобы новгородские бусы-корабли могли лучше плавать.

Мы можем увидеть на старинных зданиях, например, мрачные доски с надписями о том, что в этом доме учился писатель Гончаров, а еще раньше родился историк Соловьев, что здесь жил Суворов, а на каком-нибудь мосту, что он построен на средства таких-то и таких-то таким-то архитектором, открыт такого-то числа месяца и года в присутствии таких-то высокопоставленных особ (как, например, б. Троицкий мост в Санкт-Петербурге, самого «государя императора самодержца Всероссийского» Николая II и президента Франции господина Феликса Фора). Что же, может быть, это и в самом деле очень хороший мост и стоило водрузить эту доску? Ведь он служит до сих пор. Наконец, в палатах ростовского кремля я видел мемориальную доску, где написано, на средства каких купцов был реставрирован тот или иной древний зал или церковь. И это было дело благородное, может быть, заслуживавшее мемориальной доски.

Но хочется рассказать об одной необычной памятной доске.

Ее нашли лет тридцать назад при благоустройстве двора на знаменитой и сейчас Трехгорной мануфактуре. Раньше фабрика принадлежала богатым заводчикам Прохоровым и называлась Прохоровской мануфактурой. «Мануфактурой» – не потому, что она выпускала различные ткани, а потому,

что так в ту пору назывались крупные производства с большим количеством рабочих.

Находка не была совсем неожиданной.

Старые работники Трехгорки помнили, что когда-то во дворе фабрики был какой-то «мемориал», или памятник, который особо оберегали хозяева. Одни говорили, что он был на стене ветхого здания, другие – что стоял сам по себе.

В роскошно изданной еще самими Прохоровыми «Истории Прохоровской мануфактуры» говорилось о памятной доске на стене одного из зданий.

Строго говоря, прохоровский памятник не был разрушен или тем более сознательно уничтожен. Просто, когда фабрика перешла в руки рабочих, а прежние хозяева навсегда исчезли оттуда, никто не заботился о мемориальной доске по причине полного отсутствия интереса к ней. И «мемориал» исчез не только из памяти людей, но и с их глаз. Может быть, прогнили крепления, может быть, был какой-нибудь ремонт. Так или иначе, только он был вновь найден, когда фабричный двор стали очередной раз чистить и благоустраивать.

Это была довольно большая, целиком отлитая из чугуна доска. Буквы на ней сильно обожрались, но еще хорошо читалась надпись:

«На этой горке 1812 года в бытность Наполеона с войсками в Москве московский фабрикант Василий Иванович и сын его Иван Васильевич Прохоровы спасались от пламени, объявшего Москву, и грабежа неприятелей. Во всех неисто-

вых поступках преобладали перед другими нациями поляки и итальянцы. Французской же гвардии Полковник не допустил до разграбления последний запас муки и картофеля, и тем запасом Прохоровы продовольствовались до конца сентября месяца выхода своего из Москвы в Зарайск, куда его супруга Екатерина Никифоровна с сыновьями Константином и Яковом и дочерью Анною В. выехали 25-го августа. Этот же добрый французский полковник, выезжая отсюда в поместье Остров граф. Орловой-Чесменской, заходил проститься с хозяином Василием Ивановичем и подарил сыну его Ивану В. подзорную трубку. Вечная ему память!».

Текст этот составил не очень-то большой грамотей. Строго говоря, остается неясным, чьей супругой была Екатерина Никифоровна: Василия Ивановича Прохорова или, может быть, «доброе французского полковника» – так составлена длинная и неуклюжая фраза. Трудно подумать, что так мог написать какой-нибудь специально приглашенный человек. Он-то уж должен был быть пограмотнее. Наверное, это кто-то из самих почтенных толстосумов Прохоровых – скорее всего, Иван Васильевич, – кто еще запомнил бы, что получил в подарок подзорную трубку?

Так и чувствуется чванный и необразованный купец, вроде тех, что так блестяще описаны А. Н. Островским.

Но оставим грамматику и стилистику в стороне. Подумаем, о каких событиях рассказывает надпись, какое эти события имели значение для нашей родины и что из них замети-

ли фабриканты Прохоровы, что думали и чувствовали они сами, что сочли нужным увековечить.

Памятная всей России осень 1812 года. Наполеон с армиями всей Европы («двунадесяти язык», как тогда говорили) вторгся в пределы нашей родины. Ему удалось даже занять на короткое время Москву. Древняя столица погибла в пламени. Но тем выше поднялась волна народного гнева. Не только регулярная армия боролась с неприятелем. С ним боролся весь народ, вся Россия. И гордый завоеватель, покоритель полумира, должен был бежать из Москвы, и это было началом конца его империи.

Московские фабриканты Василий и Иван Прохоровы были очевидцами этих событий. Но не участниками, как это явствует из самой надписи. Они не принимали никакого участия в общей борьбе народа против его поработителей. Единственной их заботой было сохранение собственного добра. И ради этого они, конечно, подружились с «французским гвардии полковником», который помог им (может быть, небезвозмездно) сохранить запасы продовольствия.

Может быть, все же эти московские буржуа, видя примеры героической борьбы народа, захотели увековечить какой-либо виденный ими подвиг, сохранить его для потомства?

Нет. Они считали единственным примечательным событием, достойным увековечения, то, что им удалось сохранить свои запасы продовольствия, да еще то, что один из них получил в то время маленький подарок – подзорную трубку.

И конечно, они сочли нужным провозгласить вечную память французскому полковнику, а не русским воинам. Для этого была отлита мемориальная доска из чугуна и водружена на прохоровской фабрике в назидание потомству.

ПОДРУГА ДУМЫ ПРАЗДНОЙ

Слово «керамика» о многом говорит в наше время самым разным людям.

– Э, да сюда нужно новую керамику! – скажет с мрачным видом электрик, принимая в ремонт электроплитку или рефлектор.

– Я работаю в научно-исследовательском институте строй-керамики, – заявит с гордостью инженер-строитель или технолог.

– Нет ли у вас какой-нибудь интересной керамики? – спросит в магазине дама, желающая красиво и модно обставить квартиру.

– А какая в этом культурном слое керамика? – поинтересуется археолог, когда захочет выяснить, к какому времени относятся те или иные отложения и с какой культурой они могут быть связаны.

А ведь само это слово древние греки производили от слова «керамос», что на их языке обозначало просто «глина». «Керамика» – это значит «глиняное», изделия из глины.

И в самом деле, с тех пор как первобытный человек узнал, что глина, если ее обжечь, чудесным образом изменяет свои свойства, керамика уверенно вошла во все области нашей жизни. С древнейших времен и до наших дней почти повсюду в мире люди едят и пьют из керамической посуды, строят кирпичные дома, в ряде стран покрывают их черепицей, украшают изразцами и плитками, а в комнатах ставят керамические вазы и статуэтки; на заводах и в лабораториях мы можем увидеть керамические бутылки, стаканы, ступки, тигли, разного рода изоляторы и т. п.

И во все времена, у всех народов, знавших керамику, изделия были своеобразны, чем-то не похожи на керамику других народов. В них сказывались и особенности производства, и народные вкусы. Но и у одного и того же народа в разные времена керамика была разной. Развивалось производство, изменялась жизнь, и начинали делать другие предметы,

обычно лучшего качества и более разнообразные. Сначала, например, лепили от руки грубые глиняные горшки, потом научились делать их на подставке, наращивая стенки кольцевыми жгутами, позднее изобрели гончарный круг и стали изготавливать разнообразные сосуды правильной формы, навивая глиняный жгут спиралью; наконец, научились вытягивать сосуд из одного цельного куска глины, покрывать его глазурью и т. д. Для этих усовершенствований понадобились столетия, а иногда и тысячелетия. Поэтому-то археологи и могут по керамике, как правило, уже давно разбитой и поломанной, определить время, которому она принадлежала. Поэтому они так интересуются керамикой. На любых раскопках вы увидите людей, которые, собрав обломки керамических изделий, тщательно зарисовывают их форму и орнамент, описывают их, подсчитывают, стараются восстановить древние формы сосудов и, если можно, склеить их из черепков.

В верхних горизонтах культурного слоя русских городов обычно находят много обломков небольших глиняных банок цилиндрической формы, немало и целых банок. Снаружи банка обычно покрыта глазурью синего цвета, изнутри – белой глазурью. Синие черепки хорошо видны в культурном слое и прямо-таки бросаются в глаза археологу. В тех же слоях попадаются монеты Елизаветы, Екатерины, Павла. Синие банки – своеобразная аптечная посуда второй половины XVIII века. В них приготавливали и продавали тогда различ-

ные мази, чаще всего – помаду. У городских модниц спрос на помаду был, по-видимому, очень велик, и едва ли не в каждом доме – дворянском, купеческом или мещанском – находились особы женского пола, пользовавшиеся синими баночками. В них хранили помаду, белила, румяна и тому подобные средства для покорения мужских сердец. Потому-то и находят обломки банок десятками и сотнями во всех старых городах. А в деревнях это редкая находка. И понятно: ведь только помещица или помещичья дочка могла позволить себе такую роскошь.

Трудно передать то чувство, с которымходишь в дом, где жил и работал твой любимый писатель. Вот прихожая, столовая, маленькая гостиная – «зальце», как ее называли, кабинет. И, по мере того как идешь из одной комнаты в другую, исчезают те годы, которые прошли со дня смерти писателя.

Кажется, что вот сейчас оживут эти комнаты, раздадутся голоса тех, кто здесь жил, шум их шагов – и в кабинет войдет небольшого роста, изящный, быстрый в движениях, незнакомый и бесконечно милый мне человек, которого я, конечно, никогда не видел и вместе с тем видел столько раз своим мысленным взором.

Войдет бодрый, хотя и несколько утомленный верховой прогулкой, бросит на диван хлыст, поскорее сядет за стол, подвинет к себе бумагу, нетерпеливо схватит вот это гусиное перо, потянется к чернильнице...

– Позвольте, откуда здесь помадная банка? – спросил я со-

трудника музея, который любезно показывал мне дом в Михайловском.

– А разве вы не знаете, что Александр Сергеевич пользовался помадной банкой как чернильницей? – был ответ.

В кабинете, обставленном очень скромно, но все же во вкусе двадцатых годов XIX века, на небольшом рабочем столе стояла синяя помадная банка, которая была, безусловно, лет на тридцать – сорок старше всех окружающих вещей.

«Я девочкой бывала у Пушкина в имении и видела комнату, где он писал, – рассказывала впоследствии соседка Пушкина Екатерина Ивановна Осипова. – Комнатка Александра Сергеевича была маленькая, жалкая. Стояли в ней всего-навсего простая кровать деревянная с двумя подушками... а стол был ломберный (какие в ту пору употреблялись для игры в карты). На нем он и писал, и не из чернильницы, а из помадной банки».

Так вот она какая была, «подруга думы праздной»! Вот к кому обращал поэт исполненные нежности строки:

Подруга думы праздной,
Чернильница моя.
Мой век разнообразный
Тобой украсил я...
Под сенью хаты скромной
В часы печали томной
Была ты предо мной
С лампадой и мечтой.

В минуты вдохновенья
К тебе я прибегал
И музу призывал
На пир воображенья...

Он писал, что перо находит здесь

Концы моих стихов
И верность выраженья,
То звуков или слов
Нежданное стеченье,
То едкой шутки соль,
То правды слог суровый.
То странность рифмы новой,
Неслыханной дотоль.
С глупцов сорвав одежду,
Я весело клеймил
Зоила и невежду
Пятном твоих чернил,
Но их не разводил
Ни тайной злости пеной,
Ни ядом клеветы.
И сердца простоты
Ни лестью, ни изменой
Не замарала ты.
...Пока златые годы
В забвеньи трачу я.
Со мною неразлучно
Живи благополучно,

Наперсница моя.

Стихи как будто не предназначались для печати. Во всяком случае, они не увидели света при жизни автора. То был дар щедрого сердца поэта.

Да, у этой вещи едва ли не самая завидная судьба из всех судеб вещей, описанных в этой книге.

Сначала она была обычной банкой, которую сделал гончар, а аптекарь наполнил каким-то косметическим снадобьем. Впрочем, не исключена возможность, что сама красавица Надежда Осиповна Пушкина набирала из нее помаду своим смуглым пальчиком. Ведь в царствование Павла она уже блистала в свете. А потом забытая банка валялась где-нибудь в доме, пока не полюбилась сыну Александру, который и сделал ее участницей своего вдохновенного творчества.

ПИСЬМО В ГРЯДУЩЕЕ

– Скажите, когда в нынешнем году будет сессия археологов? – спросила как-то Милица Васильевна Нечкина. Признаться, этот вопрос в ее устах меня немного удивил.

По давней хорошей традиции Академия наук каждый год созывает археологов и этнографов всей нашей страны. Это обычно происходит ранней весной, когда то, что добыто в прошлом году, уже обработано, а новый сезон полевых исследований еще не начался. Самое время поговорить о результатах прошлого, о планах на будущее.

Большой зал Дома ученых в Москве наполняется не со-

всем обычными посетителями. Они приехали из больших и малых городов – из Средней Азии, где в это время уже цветут сады, и из скованных еще льдом северных областей, из Закарпатья, из Прибалтики, с Дальнего Востока.

Это – археологи и этнографы, работающие в многочисленных научных и учебных институтах и музеях. С волнением слушают они друг друга, подчас спорят между собой, жадно рассматривают новые находки на выставке, советуются о работах наступающего лета.

Здесь можно узнать самые свежие новости о древнейших культурах на территории нашей страны – древнем и новом каменном веке, об эпохе бронзы, о раннем железном веке, о ярких культурах Кавказа, Причерноморских степей, о старых городах Средней Азии, Боспорского царства, о русских городищах и курганах. Поэтому на заседаниях можно увидеть не только археологов и этнографов, но и исследователей смежных областей древней и средневековой истории. Но на годичных собраниях археологов никогда не приходилось слышать докладов о прошлом столетии, если не считать, разумеется, довольно редких сообщений об истории археологических исследований или охраны археологических памятников.

– Я хочу передать археологам привет от декабриста, – сказала Милица Васильевна.

Привет от декабриста, от человека прошлого столетия... Просто мистика какая-то! Но оказалось, конечно, что ника-

кой мистики тут нет. Вот что я узнал из рассказа академика М. В. Нечкиной.

Не так давно в небольшом сибирском городе Ялуторовске, что стоит на берегу реки Тобол, ремонтировали старый дом. Когда разобрали большую русскую печь, под половицей нашли... бутылку. Бутылка была старинная, из толстого темного стекла, небольшая, с длинным горлышком, за которое очень удобно было когда-то браться рукой.

Вы, конечно, не раз уже читали о бутылках, найденных в море. Вспомните хотя бы «Человека, который смеется» Виктора Гюго или «Детей капитана Гранта» Жюль Верна. Видимо, еще в прошлом веке хорошо закупоренная крепкая стеклянная бутылка считалась самым надежным хранилищем документов. «Таковыми бутылками, – писал Жюль Верн, – разбивают спинки стульев, причем на стекле не остается даже царапины. Не удивительно, что этот сосуд мог легко перенести все превратности длительного путешествия».

А бутылка, найденная в Ялуторовске, и не путешествовала. Она все время пролежала под половицей и печью. И в ней, разумеется, тоже оказался документ – довольно большое письмо. Оно отлично сохранилось, даже не отсырело. Два небольших листка белой, чуть пожелтевшей бумаги исписаны с обеих сторон. Сквозь тонкую бумагу слегка просвечивают строки обратной стороны. Ровные, как будто бы по линейке написанные буроватыми чернилами строчки. Аккуратные, четкие буквы. Хотя зачастую и с росчерками, но без

всякой лишней кудрявости. Так свободно, красиво и аккуратно мог писать только интеллигентный, привыкший к перу человек.

Писал он давно, когда еще употребляли десятеричное *i*, ать, твердый знак в конце слов. Но не слишком давно, не в те времена, когда начертания букв существенно отличались от наших современных. Нам легко прочесть его письмо. Начинается как будто с не слишком интересной истории дома.

«По преданиям, – читаем на первой странице, – этот дом построен в последних годах царствования Екатерины II Егором Прокофьевичем Белоусовым».

Но дальше письмо приобретает огромный интерес:

«В 1838 году по кончине Егора Прокофьевича этот дом был куплен Государственным Преступником Матвеем Ивановичем Муравьевым Апостол. В 1839 году Муравьев поднял и совершенно переделал этот дом.

В 1849 году из сеней сделана Комната и печь, под которой Муравьев кладет эту записку».

Так вот кто автор письма! Матвей Иванович Муравьев-Апостол, который сам себя именуется государственным преступником, но, видимо, не стыдится этого наименования. Слова «Государственный Преступник» он пишет даже с большой буквы.

Это был один из первых русских революционеров. «Союз спасения», «Союз благоденствия», а потом «Южное общество», «Северное общество» – так назывались их организа-

ции. Восстание 14 декабря 1825 года дало этим революционерам новое имя. «Nos amis du quatorze» – «Наши друзья четырнадцатого», – с издевкой и ненавистью говорил о них Николай I. «Декабристы», – с уважением и любовью стали говорить в кругах революционно настроенной интеллигенции, а потом и в народе.

Матвей Иванович Муравьев-Апостол был одним из видных деятелей тайных обществ. Судьба его, пожалуй, типична для многих декабристов. Восемнадцатилетним юношей пошел он, как и большинство молодых дворян того времени, на военную службу. Это было незадолго до Отечественной войны 1812 года. Юный офицер сражался за родину против ворвавшегося в нее врага. Он видел всю меру народных бедствий, величие народного гнева. Потом участвовал в заграничных походах русской армии, завершившихся, как известно, в Париже.

Впоследствии, когда, допрашивая «своих друзей четырнадцатого», царские чиновники стремились показать, что революционных идей эти русские дворяне «нахватались» во Франции, декабристы не раз говорили, что не за границей, а у себя на родине во время Отечественной войны увидели они впервые ясно то, что толкнуло их на борьбу против существующего строя, – бесправие народа, разнузданное господство кучки дворян, палочную муштру. «Мы были дети двенадцатого года», – писал впоследствии и сам Матвей Муравьев-Апостол.

И вот Матвей Иванович Муравьев-Апостол – член тайных обществ: «Союза спасения», «Союза благоденствия», «Южного общества». Одно время он был представителем «Южного общества» в Петербурге и вел там переговоры об объединении с «Северным обществом». Он достиг чина подполковника и был уже в отставке, когда вспыхнуло восстание. И тут он не остался в стороне: принял участие в восстании Черниговского полка, которым руководил его младший брат, Сергей Иванович Муравьев-Апостол. Известно, что Черниговский полк был разгромлен правительственными войсками у села Ковалевки. Раненый Сергей Муравьев-Апостол был взят на поле боя с оружием в руках. Впоследствии царь приказал повесить его вместе с четырьмя другими «главными, – как он говорил, – преступниками» – Рылеевым, Пестелем, Бестужевым-Рюминым и Каховским.

А старший брат, Матвей, был приговорен к каторге, и потом – к поселению в отдаленных местах Сибири. Ссылку он отбывал в Ялуторовске, куда в разное время попали и другие декабристы. Ссылные не падали духом. В Ялуторовске они открыли две школы – для мальчиков и, что тогда было почти дерзостью, для девочек. Лечили крестьян и горожан, оказывали им всевозможную помощь.

О многих из них упоминает Матвей Иванович Муравьев-Апостол в том письме, что найдено в бутылке:

«Государственные преступники, живущие в Ялуторовске в 1849.

Кроме Муравьева Апостол.

Иван Дмитриевич Якушкин.

Иван Иванович Пущин.

Николай Васильевич Басаргин.

Василий Карлович Тизенгаузен.

Евгений Петрович Князь Оболенский.

Андрей Васильевич Ентальцев наш товарищ скончался здесь в Ялуторовске в субботу, 11 часов до полудни 27 января 1845 году – похоронен на Ялуторовском кладбище 30 января Протоиереем Стефаном Яковлевичем Знаменским.

В Ялуторовске скончался еще другой наш товарищ Василий Иванович Вроницкий в 1830.

Якушкин и я мы приехали в Ялуторовск в 1836 году.

Пущин и Оболенский в 1844 году.

Басаргин в 1847.

Тизенгаузен в 1829 году.

Ентальцев в 1830 году».

Ссылный декабрист сообщает точные сведения о том, кто и с какого времени отбывает ссылку в Ялуторовске. Он выделяет данные о каждом из ссыльных в отдельную строку, как бы подчеркивая этим важность, которую придает своему сообщению. Видно, что он ясно представлял себе, как понадобятся эти сведения будущим историкам, которые непременно заинтересуются судьбой «государственных преступников» – декабристов и, по всей вероятности, найдут в официальных бумагах лишь данные для их очернения. И помо-

гал историкам, чем мог.

И еще одно. Ентальцев умер, как мы видим, за четыре года до того, как написано письмо, но Муравьев-Апостол рассказывает о его смерти и похоронах так, как будто это случилось совсем недавно. Конечно, смерть товарища, замученного царскими палачами, вдали от родины и родных, должна была тяжело подействовать и на всех остальных ялutorовских ссыльных. Наверное, каждый думал при этом и о себе – не ожидает ли и его в скором времени та же участь. Но и в этих условиях революционеры прежде всего думали о народе, о его будущем. И эта вера в светлое будущее поддерживала их.

Неудача восстания и устроенное царем судилище не сломили Матвея Ивановича Муравьева-Апостола. Он твердо верил в другой, высший суд – в суд потомков, в суд истории.

Пожилой уже, больной человек, переживший опасности войны, пафос революционного восстания, ужасы царской каторги и ссылки, написал письмо в грядущее. Он говорил кратко о судьбе своих товарищей и посылал привет будущим исследователям.

«Для пользы и удовольствия будущих Археологов, которым желаю всего наилучшего в Мире, кладу эту записку.
18 Августа 1849 года».

Таковы последние строки письма Муравьева-Апостола. У него не было сомнений в светлом будущем родины. Он видел мысленным взором то время, когда «оковы тяжкие па-

дут», и понимал, что в этой свободной будущей жизни немалую роль сыграют ученые, в том числе и историки.

Привет от декабриста дошел до нас более чем через сто лет.

В доме, где жил ссыльный М. И. Муравьев-Апостол и где он спрятал свое письмо, теперь Краеведческий музей памяти декабристов.

Ни одна из историй, которые вы прочли в этой книге, не выдумана.

Но разве не бывает правда подчас удивительнее вымысла?